

№ 1
●
2020

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗА РУБЕЖОМ:
ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ**

ISSN 2412-9798

16+

№1
(21)

16+

●
2020

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 30.03.2020
Размещен в сети Интернет: 30.03.2020

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

ответственный секретарь редакции, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы	доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, Москва, Российская Федерация
ВЛАДИМИРСКИ Ирена	PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия	Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», Вроцлав, Республика Польша
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
НИСТОТСКАЯ Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, Москва, Российская Федерация
ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао	профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация
РЫБАК Кирилл Евгеньевич	доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
САЛАМЗАДЕ Эртегин	доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна	доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
ЧЕЛЬШЕВ Евгений Петрович	действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, Москва, Российская Федерация
ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна	доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Российская Федерация

VOL. I

(21)

2020

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 30 Mart 2020
Published online on 31 Mart 2020

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

- Vitaliy V.
BONDAR
Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Olga I.
BYCHKOVA
Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Aleksandr A.
GUTSALOV
Executive Editor, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Anna N.
EREMEEVA
Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Natalya A.
KOSTINA
Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Vladimir E.
NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia
-
-

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi ABDULLAYEVA	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Vakhit Kh. AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Lyudmila P. BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Evgeniy P. CHELYSHEV	Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order "For Merit to the Fatherland" 3rd and 4th Classes, Moscow, Russian Federation
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Cecylia Malgorzata DZIEWIECKA	PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland
Vadim P. DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Irina G. KHANGELDIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India
Irina V. KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Vladimir M.	PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Anna I.	SHCHERBAKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
**«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗА РУБЕЖОМ:
ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ»**
(РЕДАКТОР Н. З. КОСТИНА)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗА РУБЕЖОМ: ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ	13
<i>Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова</i> История создания и реализации волонтерских проектов по сохранению историко-культурного наследия за рубежом	13
<i>И. Р. Николаев</i> Морское культурное наследие: история становления и развития понятия на примере Великобритании	26
<i>Т. Б. Михеева, Д. С. Садуллаев</i> Личность в мире родной культуры и общечеловеческих ценностей	36
БИОГРАФИКА: ПАМЯТИ А. И. СЛУЦКОГО	44
А. И. Слуцкий Из цикла «Прогулки и диалоги с Владимиром Глуховцевым» (публикация О. В. Кирьяновой)	44
<i>Е. Ю. Третьякова</i> «Я уловил мгновенный привкус правды»: о поэзии Аркадия Слуцкого	64
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	76
<i>М. В. Логинова</i> Граница как паракатегория современной культуры	76

<i>Н. Н. Бедина</i> «Поучение» Владимира Мономаха в контексте духовного содержания Великого поста	82
<i>Л. Т. Агиева</i> Абречество как одна из форм социального протеста	88
<i>М. А. Дударева</i> Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф»)	98
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	105
<i>А. Г. Лугинина</i> В поисках смыслов: актуализация невербального опыта средствами изобразительного искусства	105
<i>Д. М. Авторханова</i> Культурное наследие региона в медиапространстве постсоветской России (на примере Астраханской области)	114
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	123
<i>К. Е. Рыбак</i> Способы и этапы комплектования музейного фонда: законная экспроприация в Советской России (1917 – 1920-е годы)	123
<i>С. Г. Батырева</i> Узорная стежка ткани и войлока: к вопросу генезиса орнаментального декора (на материале экспонатов Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН)	147
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ	162
<i>С. А. Колесникова</i> Александр Грибоедов: вечный диспут о человеческом достоинстве	162

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**CULTURAL HERITAGE ABROAD:
PRESERVATION AND PROMOTION PRACTICES**
(EDITED BY NATALYA A. KOSTINA)

NATURAL HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION AND UPDATING	13
<i>Larisa I. Starovojtova, Natalya I. Gorlova</i> The History of the Creation and Implementation of Volunteer Projects for Preserving the Cultural and Historical Heritage Abroad	13
<i>Ivan R. Nikolaev</i> Maritime Cultural Heritage: The History of the Formation and Development of the Concept on the Example of Great Britain	26
<i>Tatyana B. Mikheeva, Davlatbek S. Sadullayev</i> Personality in the World of Culture of Origin and Universal Values	36
BIOGRAPHICS: IN MEMORY OF ARKADY SLUTSKY	44
Arkady I. Slutsky From the Series “Walks and Dialogues with Vladimir Glukhovtsev” (A Publication by O.V. Kiryanova)	44
<i>Elena Yu. Tretyakova</i> “I Caught the Instant Hint of Truth”: About the Poetry of Arkady Slutsky	64
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	76
<i>Marina V. Loginova</i> The Border as a Paracategory of Modern Culture	76

<i>Natalya N. Bedina</i> Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent	82
<i>Lemka T. Agieva</i> Abrechestvo as a Form of Social Protest	88
<i>Marianna A. Dudareva</i> The Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of Nikolay Gumilyov (On the Example of the Poem "The Giraffe")	98
CULTURAL LIFE: HISTORY AND MODERNITY.....	105
<i>Anna G. Luginina</i> Searching for Meanings: Actualization of Non-Verbal Experience through Fine Art	105
<i>Dagmara M. Avtorkhanova</i> The Cultural Heritage of a Region in the Mediacultural Space of Post-Soviet Russia (On the Example of Astrakhan Oblast)	114
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	123
<i>Kirill E. Rybak</i> Methods and Stages of Museum Fund Acquisition: Legal Expropriation in the Soviet Russia (1917–1920s)	123
<i>Svetlana G. Batyreva</i> Patterned Stitching of Fabric and Felt: On the Genesis of Ornamental Decor (On the Material of the Exhibits of the Zaya-Pandita Museum of Traditional Culture of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)	147
SCIENTIFIC LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA	162
<i>Svetlana A. Kolesnikova</i> Alexander Griboedov: The Eternal Debate on Human Dignity	162

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗА РУБЕЖОМ: ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

SPECIAL SECTION:
CULTURAL HERITAGE ABROAD:
PRESERVATION AND PROMOTION PRACTICES

Каждый этап развития общества выдвигает в неисчерпаемой проблематике культурного наследия свои наиболее актуальные моменты.

Усовершенствуя глобальные информационные связи, мировое сообщество осознает, что для полноценной репродукции качественного наследия культур важны прочные звенья ее трансляции из поколения в поколение. Волонтерское движение в сфере сохранения памятников культуры – перспективный способ вовлечения современников в активную общественную жизнь, воспитывающий волю к культуре. Преимущество этой формы гражданской активности связано с возможностью естественным образом освоить и соединить ее ступени и уровни, от начального, ознакомительного, до высшего, профессионального.

Данный аспект специальной рубрики продолжает анализ опыта и проблем, выявленных в ходе реализации просветительского проекта «Сохраняя память поколений: развитие молодежного краеведения на Юге России» (грант Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 18-2-009109), информационным партнером которого наш журнал выступал в 2018-2019 гг. Обзор истории волонтерского движения, связанного с сохранением культурного наследия за рубежом, покажет доминанты и общий спектр его развития: первые инициативы, популяризация реставрационного волонтерства, деятельность международных организаций охраны памятников, поддержку на правительственном уровне.

Всякая конкретизация связей между прошлым и будущим рождает свой аспект, свои узлы и пересечения. Поле активной деятельности человека направлено, в том числе и на освоение «пограничных областей» естественной среды обитания людей на земле – воздушных, морских просторов. Эволюцию ценностей, вкладываемых в объекты наследия, связанные с морской культурой, покажет статья о формировании понятия «морское и подводное культурное наследие», обобщающая историю и проблематику вопроса на примере одной из выдающихся морских держав мира – Великобритании.

Не уходит из сферы пристального внимания и остается актуальной задача бережного сохранения этнокультурных богатств человечества. В современной антропологии широко задействован лингвокультурный подход – методология, которой придерживаются авторы статьи, посвященной комплексному описанию ключевых реалий и понятий культурно-тематического микрополя «узбекский быт».

Целенаправленно строя композицию рубрики в ориентире на стержневые векторы Восток – Запад, вечное – обновляющееся молодое, высвечивая моменты социокультурные, историко-фактологические, терминологические, лингвокультурные, редакция журнала приглашает к участию в плодотворной дискуссии о проблемах сохранения и популяризации культурного наследия в нашей стране и за рубежом.

Редактор специальной рубрики Н. А. Костина

СТАРОВОЙТОВА Лариса Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы
Российского государственного социального университета,
Москва, Российская Федерация

Larisa I. STAROVOJTOVA

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Russian State Social University,
Moscow, Russian Federation,

starovojtova@list.ru

ORCID: 0000-0001-8660-4101

ГОРЛОВА Наталья Ивановна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация

Natalya I. GORLOVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,

gorlovanat@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0833-2053

УДК 351.853:323.212(47-87)

ГРНТИ 13.61.91

ВАК РФ 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.001

**История создания и реализации
волонтерских проектов
по сохранению культурно-
исторического наследия
за рубежом**

**The History of the Creation
and Implementation
of Volunteer Projects
for Preserving the Cultural
and Historical Heritage Abroad**

В статье рассмотрен международный опыт волонтерского движения в сфере сохранения памятников культуры как способ образовательной деятельности, включения человека в активную общественную жизнь. Целью исследования явился системно-исторический анализ развития волонтерского движения, связанного с сохранением культурного наследия за рубежом. Методологию работы составил структурно-функциональный подход в совокупности с теоретическими (анализ, сравнение, обобщение) и прикладными (сбор эмпирических данных, анализ

результатов волонтерских практик) методами. Авторами выполнен обзорный анализ источников, изучены ведущие зарубежные практики, основные направления развития и популяризации реставрационного волонтерства за рубежом, проанализирована деятельность международных организаций охраны памятников. В ходе изысканий установлено, что реставрационное волонтерство прошло путь от локальных инициатив до явления, поддерживаемого на правительственном уровне, став полем плодотворного взаимодействия государственных структур и гражданского общества.

Ключевые слова: волонтерство, исторические корни, социальная помощь, взаимопомощь, социальная практика, реставрационное волонтерство, реставрационные отряды, волонтерские реставрационные кампусы.

В современной исторической науке растет интерес к истории волонтерства в сфере охраны историко-культурного наследия — одного из новых, самостоятельных и важных, направлений добровольческой деятельности. Памятничкоохранительные практики волонтеров с точки зрения государственной политики являются одним из важнейших видов общественной деятельности.

Примечателен зарубежный опыт работы специализированных волонтерских лагерей в сфере сохранения культурного наследия. Начиная со второй половины XIX в. зарубежные организации обращаются к практике привлечения волонтеров, в полной мере осознавая важность и эффективность используемых добровольческих ресурсов.

Реставрационное волонтерство активно развивается во многих странах и преследует цели распространения лучших волонтерских социокультурных акций, популяризации общественно значимой волонтерской деятельности. Архитектурно-реставрационные лагеря волонтеров сегодня особенно популярны в Европе и чаще всего организуются в таких странах, как Германия, Франция, Швейцария, Чехия и др. Восстановление культурно-исторических памятников — не только цель реставрационного волонтерства, но и объект, способ образовательной деятельности, включения человека в активную общественную жизнь. Именно добровольческий труд предопределил формирование особой социальной ниши проактивных граждан, объединенных общими интересами, потребностями и ценностями.

Волонтерские кампусы по восстановлению памятников — это место, где участники,

по большей части молодежь, учатся работать в команде на благо общей цели, брать на себя ответственность, а также осваивают различные техники реставрации. Как правило, работа в волонтерских лагерях реставрационной специализации связана с локальной помощью местному сообществу, например, в реконструкции исторических памятников, ремонте дорог, организации и проведении праздников и национальных фестивалей на территории культурно-исторического объекта. В рамках участия в реставрационном проекте организуемого лагеря волонтеры не только работают, но и отдыхают, знакомятся со страной и местными достопримечательностями, изучают культурные и социальные особенности региона.

Сектор волонтерских организаций таких стран, как Франция, Германия, Великобритания, характеризуется достаточно большими размерами и широким спектром деятельности, в том числе в сфере сохранения культурного наследия.

Так, например, реставрационное волонтерство во Франции занимает прочное место в повседневной жизни населения страны как с точки зрения количества вовлеченных в него людей, так и с точки зрения масштаба мероприятий, реализуемых силами добровольцев ежегодно. По статистике каждый шестой француз работал волонтером-реставратором.

Особую роль в реализации реставрационного волонтерства играет Union REMPART (Rhabilitation et Entretien des Monuments et du Patrimoine ARTistique) — объединение ассоциаций, деятельность которых посвящена спасению и восстановлению культурно-исто-

рических памятников и культурному образованию. Основанное 11 июля 1966 г. Туринским клубом Франции, оно получило звание общественно полезной организации в 1982 г. Аббревиатура REMPART в переводе на русский язык расшифровывается как восстановление и реабилитация памятников культурно-исторического наследия. В объединение REMPART входят 180 ассоциаций, которые ставят перед собой единую цель — реставрировать и сохранить элементы культурного наследия страны ради содействия развитию своего города, деревушки, поселения [8]. Каждая ассоциация для поддержания памятника в нормальном состоянии организует волонтерские кампусы, а также проводит технические стажировки. Ассоциации стараются при восстановлении старинных памятников использовать соответствующие техники.

Руководствуясь девизом «Миссия — наследие», REMPART придает особое значение вовлеченности и вкладу тысяч добровольцев в дело сохранения значимых объектов. Волонтерские реставрационные кампусы REMPART открыты для широкой международной аудитории с 1960-х гг., то есть с самого начала существования организации. Волонтерство среди молодежи рассматривается как возможность не только приносить пользу обществу, но и продвигать идеи мира и толерантности, а старинные памятники (собственно наследие) служат инструментом для диалога между культурами.

Чтобы информировать о своей деятельности, каждый год REMPART выпускает каталог программ, открытых для участия волонтеров со всего мира, с подробными описаниями местных ассоциаций, памятников и проектов.

На сегодняшний день в активе REMPART сотрудничество примерно с 50 иностранными партнерами. Организация постоянно ведет двусторонний обмен волонтерами. Около 500 зарубежных волонтеров организация принимает во Франции, около 250 французов отправляются каждый год в другие страны, чтобы принять участие в реставрационных проектах. Таким образом, волонтеры REMPART трудятся ежегодно в среднем на 40 памятниках в 18 странах — от Северной Америки до Китая, от Швеции до Туниса. Поли-

тика организации до сих пор предполагает, что REMPART не должен открывать филиалы за границей, оставаясь национальной французской организацией. При этом, благодаря тренингам, опыту, накопленному местными членами организации, и способности мобилизовать волонтеров, REMPART может помогать другим странам организовывать волонтерские реставрационные проекты.

Для нас научный интерес представляют результаты исследования мотивации двух категорий респондентов — французских и иностранных волонтеров, участвующих в проектах REMPART [2]. Что же вызывает у волонтеров наибольший интерес и желание принимать участие в реставрационных проектах? На вопрос: «Зачем волонтеры приезжают в реставрационные кампусы?» — 71% интервьюируемых из числа французских волонтеров ответили: «Принять участие в важном проекте реставрации наследия», 65% хотят познакомиться с новыми друзьями и 64% планируют быть полезными. Волонтеры также готовы заниматься добровольческой деятельностью, чтобы «увидеть и узнать регион, страну» — это 43% от общего числа респондентов. 42% волонтеров отдали предпочтение ответу: «Приобрести новые умения (реставрация, раскопки)». 24% французских волонтеров хотят интересно «провести каникулы». Как оказалось, только 7% респондентов заинтересованы в изучении языка или в языковой практике.

Обратимся к результатам опроса иностранных волонтеров. Отвечая на вопрос исследования, вполне ожидаемо, по нашему мнению, наибольшее количество предпочтений набрал вариант «познакомиться с новыми друзьями». Его выбрали 49% участников опроса. Вторым по популярности стал вариант ответа: «Принять участие в важном проекте реставрации наследия» (46%). Зачастую участие в реставрационных проектах привлекает большое внимание волонтеров по причине возможности приобрести уникальные умения и навыки. Подтверждение тому — достаточно высокий процент предпочтений (41%) варианта «приобрести новые умения (реставрация, раскопки)». На четвертом месте (38%) расположился ответ: «Увидеть и узнать реги-

он, страну». 37% респондентов хотят быть полезными, 35% планируют попрактиковаться и усовершенствовать свой французский как иностранный.

Следует отметить, что для нас как для исследователей высокие проценты выбора наиболее распространенного варианта ответа двух групп респондентов внушают оптимизм и надежду, что данные направления добровольчества в сфере сохранения культурно-исторического наследия будут только крепнуть и привлекать все новых и новых волонтеров.

Примечательно, что во Франции REMPART старается предоставить возможность участия в волонтерской деятельности людям и с ограниченными экономическими возможностями, и с проблемами социального плана. Недостаток денег, нужда не должны быть препятствием для участия в добровольчестве. Волонтерские кампусы как организации являются уникальным местом социального многообразия.

Анализ работы волонтерских кампусов показывает, что здесь существует четкая организация деятельности. В кампусах всегда есть два координатора. Один отвечает за социальную жизнь группы, решение и профилактику конфликтов, комфортное сосуществование и пр. Второй — технический координатор, который является специалистом по тем работам, которые предстоят на памятнике (по камню, дереву и т.п.) Данный специалист все время находится рядом с волонтерами и следит за качеством работ и их безопасностью для памятника.

Как правило, работа кампуса длится две недели. Волонтеры трудятся с раннего утра по четыре–шесть часов в день пять дней в неделю. Всего в неделю они работают 35 часов. Два дня полностью отведены на культурную программу и отдых (экскурсии, развлечения, знакомство с традициями региона и т.д.). Кроме того, в волонтерских лагерях организуются специальные занятия для тех, кто хочет больше узнать и большему научиться (например, обрабатывать камни, класть кладку, плотничать и др.). Волонтерские лагеря организуются во время летних студенческих каникул.

Организация свободного времени распределяется между аниматором (старший

на стройке), самими волонтерами и местными жителями, принимающими волонтеров. Инициатива волонтеров при этом не ограничивается; например, доброй традицией стали интернациональные вечера, на которых волонтеры представляют свою страну, приглашают гостей и угощают их национальными блюдами.

180 ассоциаций, которые входят в REMPART, ежегодно проводят,

от 300 до 350 сессий кампусов. В 2017 г. работали порядка 3500 волонтеров. Соотношение девушек и юношей — 52% на 48% соответственно. Около половины волонтеров REMPART — в возрасте от 18 до 24 лет; старше 50 лет — только 4%. Социальный состав: школьники и студенты — 69%, работающие — 17%, безработные — 8%, пенсионеры — 2%, остальные — 4% [2].

В целом за все время существования союза, по данным представителя REMPART, к организации присоединилось 50 тысяч добровольцев. Ежегодно Союз организует работы на 300 объектах. Миссия REMPART еще и в координации деятельности ассоциаций, что выражается в проведении образовательных курсов, которые дают возможность дальнейшего развития в рамках Союза (карьерный рост от волонтера до участника административного совета). Помимо движения на уровне ассоциаций есть интерес и отдельных граждан, в том числе иностранных. Из 3500 добровольцев в 2017 г. в волонтерских проектах REMPART участвовало 700 иностранцев.

В Великобритании восстановительные и реставрационные работы, ремонт и переустройство памятников истории и культуры строго регламентируются законами, а так как большая часть таких памятников этой страны принадлежит частным лицам, то всегда стоит вопрос о сохранности их в хорошем состоянии. На помощь владельцам приходят некоммерческие негосударственные организации, такие как Национальный траст (NT) или Британская государственная комиссия по историческим зданиям и памятникам Англии.

Национальный фонд (National Trust) — одна из старейших, крупнейших и авторитетнейших организаций, основанная в 1895 г. для охраны «берегов, сельской местности и зда-

ний Англии, Уэльса и Северной Ирландии». На территории Шотландии аналогичную деятельность осуществляет отдельная независимая организация — Национальный фонд Шотландии, образованная в 1931 г.

Это не только бизнес, но и широкое волонтерское, благотворительное и просветительское движение в области сохранения культурных ценностей. Деятельность National Trust регулируется актами британского парламента 1907 и 1937 гг. Британская неправительственная благотворительная организация National Trust — единственная в Европе успешно сохраняющая наследие без государственного финансирования. Сегодня она контролирует и защищает 93% всего побережья Великобритании (1250 км), в ее активе 255 га земли, 57 деревень, 160 исторических садов, 40 замков, 50 старинных заводов, фабрик и мельниц, 250 загородных домов, 45 тысяч мест археологического наследия, 62 традиционных паба и 24 маяка [1].

Базовой идеей National Trust стало не просто спасение старинных зданий или ландшафтов ради них самих — важно было сделать так, чтобы они служили людям, помогали сделать их жизнь комфортной и наполненной. «Продвигать идеи сохранения — на благо народа, земли, исторических зданий и красоты природы» — эти слова, нашедшие отражение и в регулирующих деятельность NT актах британского парламента, стали девизом организации на все времена. Вот эта деятельность во имя других всегда была и остается частью философии организации.

На бесплатной основе организации помогает целая армия волонтеров — свыше 60 тысяч человек. Они привлекаются к сбору пожертвований, распространению лотерейных билетов и издаваемой трастом просветительской литературы, помогают в подготовке выставок, организации различных мероприятий и проведении археологических раскопок, в обустройстве природных территорий и не требующих специальной квалификации работах на памятниках.

По данным ежегодного отчета организации, в 2017–2018 гг. более 61 тысячи добровольцев пожертвовали почти 4,6 млн. часов своего времени в поддержку National Trust [4].

На сайте организации можно найти три главные причины, по которым люди приходят в волонтерство. Они хотят «заводить новых друзей, работать в удивительных местах и знать, что они помогают великому делу» [6]. Для многих, возможно, волонтерство — это именно то, что сможет придать нужный импульс их карьере или успешному трудоустройству в будущем. И речь, прежде всего, идет о карьерном портфолио с включением разделов об объеме и формах выполнения волонтерской работы.

Интересно, что в этой организации основная концентрация волонтеров приходится на группу граждан пожилого возраста, рассматривающих добровольческие практики как инструмент социализации и интеграции, преодоления дефицита активных отношений в обществе, удовлетворения потребностей в общении, а также организации культурно-досуговой деятельности. Благодаря социальной активности пожилых людей формируется «социальный эталон» участия в общественной жизни для остальной части населения. Так, стаж некоторых волонтеров варьируется от 5 до 20 лет. Типичным примером является деятельность семейной пары Кита и Сью Уилсон, которые вот уже 23 года (начиная с 1996 г.) работают комнатными гидами в замке Penrhyn (Северный Уэльс).

Для студентов, задействованных на добровольных работах, это уникальный шанс приобрести ценный опыт, прежде чем трудоустроиться и стать сотрудником National Trust или других организаций.

Кроме того, National Trust активно развивает такие программы, как семейное и корпоративное волонтерство. На сайте организации указывается: «У нас есть семейные добровольцы, где старшие дети иногда присоединяются к своим родителям-волонтерам. Многие из этих родителей считают, что несколько часов волонтерской работы в середине недели идеально вписываются в школьные часы детей» [6]. Как отмечает руководство организации, с каждым годом заметна положительная динамика участия семей в мероприятиях по сохранению культурно-исторического наследия.

Благодаря отдельной рубрике «Волонтерские истории», размещенной на сай-

те National Trust, мы можем познакомиться с уникальными историями волонтеров организации, понять основные мотивы и движущие силы участников волонтерских проектов, систематизировать представления о широком поле деятельности и выполняемых видах работ.

Перечень видов работ, предлагаемых National Trust потенциальным кандидатам-участникам проектов организации, отличается разнообразием — от участия в исследовательских группах до восстановительных и консервационных работ на объектах культурно-исторического наследия страны, от проведения учебных семинаров и садоводства до исследований и приветствия гостей мероприятий.

Важнейшей частью волонтерской программы National Trust является мотивация участников проектов организации. Для постоянных волонтеров (отработавших 50 и более часов) предусматривается гибкая система скидок в магазинах и ресторанах National Trust, бесплатное посещение мероприятий и местных музеев.

За последние несколько лет Trust запустил новую базу данных для управления волонтерами. Эта база называется «Your volunteering» (пер. с англ. — твое волонтерство), в ней хранятся все данные о добровольцах организации, что позволяет лучше осуществлять процессы коммуникации, привлекать новых добровольцев, учитывать количество отработанных волонтерочасов в течение года и др.

Значительный интерес представляют результаты ежегодного опроса добровольцев. Согласно результатам исследования, организованного National Trust в 2018 г., 97% респондентов получили удовольствие от работы в качестве волонтеров. Кроме того, 94% заявили, что будут рекомендовать волонтерство при Национальном фонде, причем 61% его «настоятельно рекомендуют».

Не менее интересен опыт Historic Building and Monuments Commission for England, или English Heritage («Английское наследие»), — одной из самых влиятельных независимых организаций, занимающихся сохранением историко-культурных ценностей в Англии. Она была образована согласно Закону 1983 г. о национальном наследии. Органи-

зация осуществляет управление значимыми историческими памятниками страны (от Стоунхенджа до Первого металлического моста), содержит Национальный архив памятников (National Monuments Record) в Суиндоне и занимается отнесением памятников старины к той или иной категории. Имеет разветвленную сеть филиалов по всей стране. Ее сотрудники проводят ежедневную кропотливую работу по мониторингу объектов культурного наследия, оказывают юридическую и консультационную помощь частным владельцам недвижимых памятников и памятных мест. Аналогичные организации существуют и в других частях Великобритании и на коронных территориях — «Историческая Шотландия» (Historic Scotland) в Шотландии, Cadw в Уэльсе, Мэнское национальное наследие на острове Мэн.

Главной силой «Английского наследия» в деле сохранения культурных памятников являются волонтеры. Грамотное позиционирование волонтерства как всеобщего дела, систематичная и регулярная работа по привлечению волонтеров помогли за несколько десятков лет создать мощное движение, объединившее вокруг задачи по сохранению культурного наследия страны людей всех возрастов и социальных групп.

По данным ежегодных отчетов English Heritage, на безвозмездной основе в 2015 г. работало 1 872 волонтера, что на 399 человек больше, чем в 2014 г. (1473 чел.). В 2013 г. эта цифра составляла 1 026 человек, в 2012 г. — 830 [3].

Волонтером может стать любой житель Великобритании. Каждый найдет работу по силам и интересам. Поле деятельности максимально широкое и интересное: не обязательно копать и строить, можно поработать экскурсоводом или садовником, принять участие в исследованиях. Вот выдержка из обращения на сайте организации: «Есть много способов, которыми вы можете помочь заботиться о нашем наследии: стать добровольцем в „Английском наследии“, взять на себя ответственность и заботиться о конкретном историческом месте. Вы можете даже запланировать будущее этого места и проводить работу уже с новыми полномочиями, которые правительство предоставляет сообществам.

Много ли у вас свободного времени или всего лишь несколько часов в месяц, всегда есть что-то, что вы можете сделать, чтобы реально изменить ситуацию». И это не просто призывы к действию, это полная информация об объекте, требования о необходимых навыках, условия работы (например, оговаривается бесплатный проезд, спецодежда и другие моменты). База данных постоянно обновляется. Поисковая система проста — можно вести поиск по территориальному признаку, по конкретному памятнику истории, типу и месту деятельности: сад, парк, офис, магазин, образовательная деятельность, помощь в подготовке мероприятий и др.

Волонтерская деятельность в English Heritage осуществляется по нескольким направлениям, в соответствии с которыми добровольцы делятся на группы:

волонтеры, реализующие просветительские проекты и программы организации (проводят мастер-классы, туры для школьников, непосредственно посещают учебные заведения и рассказывают школьникам об историческом наследии, необходимости его сохранения);

волонтеры, задействованные в работе с посетителями (встреча, приветствие, навигация, информационная поддержка, проведение экскурсий и мастер-классов);

волонтеры, выполняющие работы, связанные с садоводством (весенняя и осенняя уборка сада, обрезка, подкормка, защита от болезней и вредителей, подготовка растений к зиме и др.);

волонтеры, занятые на работах непосредственно на самом объекте культурного наследия.

За долгие годы существования в организации выработались свои стандарты и правила. English Heritage обещает оправдать следующие ожидания волонтера:

— вы будете радушно приняты организацией;

— у вас будут равные возможности;

— вас будут ценить и признавать за ваш вклад в English Heritage;

— вам предоставят обучение и поддержку, чтобы вы смогли выполнить вашу миссию добровольца;

— вам оплатят медицинскую страховку;
— будут возмещены все расходы, связанные с деятельностью в качестве волонтера;
— вам будут обеспечены безопасные для здоровья условия труда;

— English Heritage поможет вам решить любые проблемы, которые возникают;

— у вас будет персональный менеджер, с которым можно будет обсудить вашу работу;

— вы будете добровольно работать для организации, которая выступает против всех форм незаконной дискриминации;

— вам будут предоставлены рекомендательные письма (свидетельства) для будущих работодателей.

В популяризации самой идеи благотворительности «Английское наследие» делает упор на нематериальные стимулы поощрения добровольцев. Человек, решивший стать волонтером, должен понимать и видеть, что он не просто затрачивает свои усилия на сохранение объектов культурного наследия, но и немало приобретает от такой деятельности.

«Английское наследие» разработало специальный документ — сертификат, который волонтер получает, работая безвозмездно на объектах культурного наследия. Еще один способ поощрения — пропуск на исторические объекты, которые находятся под патронажем English Heritage (их более 400, и их посещают 11 млн. человек в год). Он вручается волонтерам, проработавшим 4 месяца или 60 часов. Сертификат и пропуск способствуют повышению лояльности и притоку новых участников-волонтеров, а прежде всего дают ощущение принадлежности к сообществу.

С волонтерского движения многие начинают свою карьеру в сфере сохранения памятников культуры, кому-то это помогает в выборе профессии. Студенты профильных учебных заведений — будущие реставраторы, археологи — считают просто необходимым для себя принять участие в благотворительных проектах English Heritage, причем эта деятельность засчитывается как стажировка.

Учитывая необыкновенную популярность и массовость волонтерского движения, «Английское наследие» учредило в июне 2011 г. специальную премию — «The English Heritage Angel Awards», которая присуждает-

ся частным лицам, организациям и фондам за выдающийся вклад в спасение провинциальных памятников истории и культуры. Инициатором и соучредителем премии выступил композитор и благотворитель Эндрю Ллойд Уэббер. Премия присуждается:

— за вклад в спасение или сохранение культовых мест или сооружений;

— за вклад в спасение объектов английского промышленного наследия;

— за уникальное мастерство, проявленное во время спасения памятника культурного наследия;

— за лучший вклад в спасение других памятников, включенных в список «Английского наследия» (исторические здания и монументы, объекты садово-паркового искусства, культурные ландшафты, поля сражений, памятники археологии и кораблекрушений).

Из всех присланных заявок отбирают 16 проектов, по четыре в каждой номинации, и затем уже определяют победителей. Мероприятия по награждению торжественно проходят в Лондоне, в Palace Theatre, и широко освещаются СМИ.

Общество «Национальный Траст Шотландии» является крупнейшей благотворительной организацией, цель которой — защита культурного наследия Шотландии для будущих поколений. В обращении на сайте организации можно прочитать: «Мы несем ответственность за сохранение наших природных ландшафтов, сохранение наших потрясающих островов, поддержку нашей богатой дикой природы, заботу о наших прекрасных садах, сохранение наших великолепных замков и сохранение многочисленных национальных сокровищ» [5].

«Траст» насчитывает почти 4000 волонтеров, которые отдают свое время и усилия, чтобы поддержать общество и его работу. «Волонтерство не должно быть утомительным — у нас есть широкий спектр проектов по всей Шотландии, которые подходят для всех возрастов. Вот почему у нас есть добровольцы в возрасте от 4 до 94 лет!» — именно с такими словами обращаются организаторы к потенциальным участникам волонтерских проектов [7]. Занятость волонтеров может ва-

рироваться от двух часов в неделю до полного рабочего дня.

Работа с волонтерами строится по принципу формирования профильных отрядов по возрастам и соответствующим видам деятельности для участников.

Для детей в возрасте 11–15 лет организуются специальные поездки в пригороды. Вместе со своими учителями ребята посещают местные достопримечательности, общаются с местными жителями и изучают особенности их образа жизни.

Молодым людям в возрасте 16–17 лет подходят «Рабочие каникулы». В данную программу наряду с ежедневными заданиями входят развлекательные мероприятия. Подростки находятся под присмотром, что обеспечивает им дополнительную безопасность и спокойствие их родителям.

Волонтерам в возрасте до 25 лет подходит более серьезный вид деятельности. Они относятся к делу реставрации с большим пониманием и ответственностью, поэтому помогают в работе с историческими зданиями и памятниками архитектуры. Во время такой работы молодые люди получают определенные навыки, которые в дальнейшем могут помочь им в выборе профессии.

Общество привлекает для работы волонтеров как из Шотландии, так и из других стран: Алжира, Албании, Сомали, Бангладеша, Зимбабве и России. Ежегодно около трех тысяч добровольцев помогают в реализации проектов общества, в проведении мероприятий. Основное требование для иностранных волонтеров — высокий уровень разговорного английского языка.

Значительная часть информации, раскрывающая основные принципы работы организации с субъектами добровольческого труда, содержится в разработанном National Trust for Scotland «Справочнике по работе с волонтерами» — это своего рода руководящий документ, в котором прописываются все детали этой работы.

В соответствии с п. 3 «Справочника», организация ожидает от волонтеров продвижения ценностей и политики «Траста», выполнения возложенных на них обязанностей, демонстрации высоких стандартов работы,

поддержания хороших отношений с другими волонтерами, сотрудниками и членами фонда, участия в обучающих сессиях, а также сохранения конфиденциальности.

Большое значение National Trust for Scotland придает системе поощрения своих волонтеров с помощью специально разработанных карт лояльности, действительных в течение года с момента выдачи. «Волонтерские карточки» — это способ не только поддержать волонтеров, но и сказать им спасибо. Эту карту может получить каждый активный зарегистрированный волонтер, отработавший в целом более 40 волонтерочасов. В ходе исследования системы мотивации волонтеров представляется возможным выделить ряд методов нематериального стимулирования. Оно может быть практическим, информационным и привилегированным.

Первая группа методов стимулирования делает возможным участие волонтера в образовательных программах организации, приобретение им опыта работы в различных направлениях, дополнительных знаний, навыков и т.д., а также предоставление отчета об участии в проектах организации, который значительно улучшит его резюме.

Вторая группа открывает доступ к информационным источникам и материалам, таким как библиотечная система, научно-исследовательские разработки, новые технологии и др.

Третья — предоставляет волонтерам возможность организации досуга, например, бесплатно посещать все объекты National Trust for Scotland, National Trust (Англия, Уэльс и Северная Ирландия); получать скидки (20%) на розничные покупки во всех магазинах «Траста» (за исключением алкоголя, подарочных ваучеров и марок), на недельное проживание по полной цене (50%) и на короткие промежутки (25%) в апартаментах типа «Траст-Холидей». Предусматривается награждение волонтеров «за выслугу лет»: 3 года, 5 лет, 10 лет, 15 лет, 20 лет и 25 лет.

Неоспоримый вклад в дело сохранения культурного наследия Европы и страны вносит Немецкий фонд охраны памятников, который является крупнейшей частной инициативой по сохранению памятников в Германии

(сайт: <https://www.denkmalschutz.de/aktuelles.html>). «Дать прошлому будущее!» — таков девиз Германского фонда охраны памятников, созданного в 1985 г. под покровительством федерального президента. Этот девиз полностью отражает идеологию фонда — сохранение особо ценных историко-архитектурных объектов, если они в состоянии опасного разрушения, и всемерную популяризацию идеи сохранности историко-архитектурного наследия Германии. Свои задачи фонд осуществляет через взаимодействие со множеством людей и организаций, волонтерами. Фонд поддерживает около 400 проектов в год, в основном благодаря активной помощи и жертвованию более чем 200 тыс. сторонников.

Германским фондом охраны исторических памятников создана сеть организаций «Jugendbauhütten». Она охватывает всю страну. Данная организация обучает молодых людей в возрасте от 16 до 26 лет теоретическим и практическим принципам сохранения памятников культурного наследия Европы. В рамках волонтерской программы участники не только знакомятся с теоретическими аспектами охраны памятников, но и сами воплощают свои знания на практике. Таким образом они поддерживают цели Международного совета по памятникам и местам (ИКОМОС), учредившего в 1982 г. Международный день памятников и мест в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО).

Значительный интерес представляют добровольческие практики по сохранению историко-культурного наследия страны в рамках реализации Социального года в Германии (Freiwilliges Soziales Jahr, или сокращенно FSJ). Это государственная программа, которая позволяет заниматься волонтерской работой на территории страны как гражданам Германии, так и иностранцам. Это прекрасная возможность для молодых людей посвятить год добровольческой деятельности, а для иностранной молодежи — еще и существенно повысить уровень немецкого и интегрироваться в немецкое общество. Программа была запущена правительством Германии в 1964 г. За более чем 50 лет участие в ней приняло порядка полумиллиона человек, и, что инте-

ресно, большую часть составляют девушки — около 75%. FSJ пользуется большой популярностью среди немецкой молодежи, а ее слоган звучит так: «Für mich — und für andere!» («Для меня и для других!»).

Добровольный социальный год сохранения памятников обычно начинается в сентябре и длится один год. Участниками социального года могут стать молодые люди в возрасте от 16 до 26 лет с хорошим знанием немецкого языка. Кандидатам не обязательно иметь высшее образование, достаточно общего среднего. Однако профильная профессиональная подготовка и релевантный опыт работы (включая волонтерский) будут существенным преимуществом. Принимающая сторона бесплатно предоставляет участникам питание и проживание на все время программы либо ежемесячно компенсирует эти расходы. Помимо этого каждый месяц выдаются карманные деньги (минимум 165 евро). FSJ также обеспечивает полное медицинское страхование. А вот транспортные расходы берут на себя волонтеры.

В общей сложности участники работают не более 40 часов в неделю, при этом за год доброволец имеет право на 24 отпускных дня. После завершения проекта молодым людям выдается сертификат, в котором отмечены их успехи и полученные знания.

Подводя итог краткому обзору исторического развития и современного состояния волонтерства в сфере сохранения историко-культурного наследия, необходимо подчеркнуть, что волонтерская среда в европейских странах является прочно институционализированным общественным феноменом, обладающим легитимностью и надежностью как в глазах общественности, так и в глазах органов государственной власти.

Анализ волонтерских практик Европы показал, что диапазон задач и направлений деятельности добровольческого движения в деле сохранения культурного наследия разных стран гораздо шире, чем у собственно реставраторов, выполняющих государственные заказы по сохранению исторического облика культурного объекта. Так, много внимания волонтерами уделяется просветительской деятельности среди местных жителей,

демонстрации личного примера отношения к объектам культурного наследия. Обеспечение дальнейшей жизни замка, храма или часовни после реставрации напрямую связано с возбуждением у местных жителей интереса к памятнику и к его первоначальным функциям: например, совершению церковных таинств, богослужений, созданию вокруг него общины.

Благодаря усилиям волонтеров уже восстановлены тысячи памятников архитектуры. Мы видим, что современное реставрационное волонтерство энергично развивается: в волонтерских проектах в сфере сохранения и восстановления культурных ценностей ежегодно участвует значительное количество волонтеров — как жителей указанных стран, так и иностранных волонтеров.

Обобщая исследовательский материал по развитию реставрационного волонтерства за рубежом, можно заключить, что добровольцы играли и продолжают играть значительную роль в деле сохранения культурного наследия, развития прогресса, демократизации общества и укрепления мира. На идеях добровольной помощи основана деятельность многих неправительственных организаций, профессиональных ассоциаций, профсоюзов и других гражданских организаций. Многие кампании по защите окружающей среды, восстановлению исторических объектов в значительной степени зависят от усилий, принимаемых добровольцами. Вовлеченность в добровольчество не имеет религиозных, расовых, возрастных и даже политических границ. Многочисленные транснациональные платформы и сети добровольческих некоммерческих организаций привлекают в свои проекты и программы свыше сотни миллионов человек ежегодно.

В этой связи отрадно заметить, что и в России наблюдается рост волонтерских инициатив среди населения, идет активная консолидация усилий волонтерских объединений, исполнительных органов государственной власти, бизнес-компаний, средств массовой информации, общественности, что позволяет говорить об актуальности развития институционального подхода к волонтерству в целях содействия эффективной реализации

социальной политики. Это стало очевидно, когда Президент России объявил 2018 г. Годом добровольца (волонтера). Итоги Года добровольца были подведены на заседании Государственного совета, посвященном волонтерству в нашей стране. Была утверждена «Концепция развития добровольчества в Российской Федерации до 2025 года» и внесены изменения в Федеральные законы «Об объектах культур-

ного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», в соответствии с которыми был разрешен допуск волонтеров к работам по сохранению объектов культурного наследия. Ранее пункт о поддержке волонтерства был внесен в национальный проект «Культура».

Larisa I. STAROVOJTOVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Russian State Social University, Moscow, Russian Federation,
starovojtova@list.ru

Natalya I. GORLOVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof., Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
gorlovanat@yandex.ru

***The History of the Creation and Implementation of Volunteer Projects
for Preserving the Cultural and Historical Heritage Abroad***

Abstract. The article discusses the international experience of the volunteer movement in the field of preservation of cultural monuments as a kind of educational activity, of a person's inclusion in an active public life. It was volunteer work that predetermined the formation of a special social niche for proactive citizens united by common interests, needs, and values. The leading approach used in the study is structural and functional, which allows identifying the features of the development of volunteering and its goals. This approach, combined with theoretical (analysis, comparison, generalization) and applied methods (empirical data collection, analysis of the results of volunteer practices), substantiates the aim of the study: a system-historical analysis of the development of the volunteer movement to preserve the cultural and historical heritage abroad. In the course of the study, a review analysis of the sources on the stated problem was carried out: annual reports of non-profit charitable organizations, guidelines for working with volunteers, educational programs for training volunteers, laws and regulations governing the scope of volunteer work. The leading foreign volunteer practices implemented on the basis of models of intersectoral social interaction were studied; the main directions for the development and popularization of restoration volunteering abroad were identified; the activities of international organizations for the protection of cultural monuments in the context of assistance in organizing volunteer projects for voluntary assistance to activists in restoration and emergency operations were analyzed. The conclusions drawn from the analysis of the sources helped to form a general idea of the features of volunteering, voluntary practices in the field of cultural heritage protection in each of the studied countries. The thesis is substantiated that from the moment of its formation to the present, restoration volunteering has gone from local initiatives to a social phenomenon supported at the government level. The volunteer environment in European countries is a strongly institutionalized social phenomenon that has legitimacy and reliability, both in the eyes of the public and in the eyes of public authorities. Based on the analysis of the characteristics of the volunteer movement, as well as the attraction of empirical data, it is established that modern volunteering abroad, playing a significant role in preserving the cultural and historical heritage, developing progress, democratizing society, includes global and national-regional components, in which a special role is given to the effective system of interaction between state structures and civil society, shows optimally effective forms and technologies

of preserving historical heritage based on economic, social, historical, and cultural features of the country's development in general and a specific region in particular.

Keywords: volunteering, heritage volunteering, volunteer activity, cultural heritage protection, social practice, restoration teams, volunteer restoration campuses.

Использованная литература:

1. Английский рецепт спасения наследия [Электронный ресурс] // Новая газета: Санкт-Петербург. URL: <http://novyagazeta.spb.ru/articles/11343/> (дата обращения 8.07.19).

2. Дюфо Фабрис: Для нас важно не просто спасти памятник, но и сделать его «живым» [Электронный ресурс] // Хранители наследия. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/person/fabris-dyufo/fabris-dyufodlya-nas-vazhno-ne-prosto-spasti-pamyatnik-no-i-sdelat-ego-zhivym/> (дата обращения 5.05.19).

3. English Heritage annual report and accounts 2014–2015 [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20151010051200/https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/445367/English_Heritage_ARA_1415_Print_Version.pdf (дата обращения 11.11.18).

4. National Trust Annual Report 2017/18 [Электронный ресурс] // National Trust. URL: <https://nt.global.ssl.fastly.net/documents/annual-report-201718.pdf> (дата обращения 7.07.19).

5. What We Do [Электронный ресурс] // National Trust for Scotland. URL: <https://www.nts.org.uk/what-we-do> (дата обращения 18.06.19).

6. National Trust volunteers [Электронный ресурс] // National Trust. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/volunteer> (дата обращения 07.07.19).

7. Our volunteers [Электронный ресурс] // National Trust. URL: <https://www.nts.org.uk/our-people/our-volunteers> (дата обращения 18.06.19).

8. Tous bénévoles pour le patrimoine [Электронный ресурс] // REMPART – Mission Patrimoine. URL: <https://www.rempart.com/sauvegarde-restauration-patrimoine/uploads/2018/03/REMPART-Communiqu%C3%A9-Mission-patrimoine-2018-29-03-2018.pdf> (дата обращения 8.08.18).

References:

1. *Novaya gazeta*. (2017) *Angliyskiy retsept spaseniya naslediya* [English recipe for saving the heritage]. [Online] Available from: <http://novyagazeta.spb.ru/articles/11343/>. (Accessed: 08.07.2019).

2. *Khraniteli naslediya*. (2018) *Dyufo Fabris: Dlya nas vazhno ne prosto spasti pamyatnik, no i sdelat' ego "zhivym"* [Fabrice Dufaux: For us it is important not only to save the monument, but also to make it "alive"]. [Online] Available from: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/person/fabris-dyufo/fabris-dyufo-dlya-nas-vazhno-ne-prosto-spasti-pamyatnik-no-i-sdelat-ego-zhivym/>. (Accessed: 05.05.2019).

3. Internet Archive. (2015) *English Heritage annual report and accounts 2014–2015*. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20151010051200/https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/445367/English_Heritage_ARA_1415_Print_Version.pdf. (Accessed: 11.11.2018).

4. National Trust. (2018) *National Trust Annual Report 2017/18*. [Online] Available from: <https://nt.global.ssl.fastly.net/documents/annual-report-201718.pdf>. (Accessed: 07.07.2019).

5. National Trust for Scotland. (n.d.) *What We Do*. [Online] Available from: <https://www.nts.org.uk/what-we-do>. (Accessed: 18.06.2019).

6. National Trust. (n.d.) *National Trust volunteers*. [Online] Available from: <https://www.nationaltrust.org.uk/volunteer>. (Accessed: 07.07.2019).

7. National Trust. (n.d.) *Our volunteers*. [Online] Available from: <https://www.nts.org.uk/our-people/our-volunteers>. (Accessed: 18.06.2019).

8. REMPART–Mission Patrimoine. (2018) *Tous bénévoles pour le patrimoine*. [Online] Available from: <https://www.rempart.com/sauvegarde-restauration-patrimoine/uploads/2018/03/REMPART-Communiqu%C3%A9-Mission-patrimoine-2018-29-03-2018.pdf>. (Accessed: 08.08.2018).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Старовойтова, Л. И. История создания и реализации волонтерских проектов по сохранению культурно-исторического наследия за рубежом / Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова // *Наследие веков*. – 2020. – № 1. – С. 13–25. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.001

Full bibliographic reference to the article:

Starovojtova, L. I. & Gorlova, N. I. (2020) The History of the Creation and Implementation of Volunteer Projects for Preserving the Cultural and Historical Heritage Abroad. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 13–25. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.001

НИКОЛАЕВ Иван Романович
преподаватель-исследователь, руководитель отдела морского,
речного и подводного культурного наследия
Культурно-исторического центра «Светоч»,
Москва, Российская Федерация
Ivan R. NIKOLAEV
Lecturer-Researcher;
Cultural and Historical Center “Svetoch”,
Moscow, Russian Federation,
i.nikolaev.phd@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5438-8835

УДК 351.853:656.61(410)
ГРНТИ 13.61.91
ВАК РФ 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.002

Морское культурное наследие: история становления и развития понятия на примере Великобритании

Maritime Cultural Heritage: The History of the Formation and Development of the Concept on the Example of Great Britain

Статья посвящена исследованию истории формирования и функционирования понятия «морское и подводное культурное наследие», а также анализу эволюции ценностей, вкладываемых в объекты наследия, связанные с морской культурой. Цель работы – определение этапов системного научного осмысления морского и подводного культурного наследия в Великобритании и процесса становления соответствующего понятия. Базой для научных изысканий автора явились исследования британских ученых, охватывающие период с середины XVII в. по настоящее время. В ходе исследования выделены три основных периода в истории формирования представлений о морском культурном наследии Великобритании, предложен вариант трактовки рассматриваемого понятия, которое определяется как совокупность объектов материального и нематериального культурного наследия, связанных со всеми аспектами мореплавания и освоения человеком водных пространств.

Ключевые слова: морское наследие, подводное культурное наследие, Великобритания, морская культура, кораблекрушение, палеоландшафт, Кит Макелрой, морская археология.

Морское и подводное культурное наследие (далее — МПКН) — предмет активных научных дискуссий в современном мире, особенно в последние десятилетия. В связи с очевидной необходимостью изучения и сохранения

МПКН как части всемирного наследия возник общественный и государственный запрос на формирование подходов к управлению наследием, подготовку профильных специалистов в этой области. Разработка программ

подготовки международного уровня требует изучения зарубежного опыта.

Великобритания — страна с многовековой морской культурой и значительным вкладом в формирование подходов к изучению и сохранению МПКН. В англоязычной научной среде подводное культурное наследие включают в понятие «Maritime heritage», переводимое на русский язык как «морское наследие». Подобный прямой перевод нельзя назвать полностью верным, так как слово «maritime» означает «морской», «судовой», «относящийся к морю». В связи с этим к «маритимному» наследию относят объекты, находящиеся в морях, реках и иных водоемах, на их побережье, а также нематериальное культурное наследие, связанное с освоением человеком водных пространств. В связи с этим далее в работе понятие «Maritime heritage» будет употребляться как «морское культурное наследие» и применяться в комплексе МПКН.

Морское культурное наследие в Великобритании не имеет однозначного или утвержденного законом определения, но активно используется в научной среде. К этому понятию обращаются преимущественно для интерпретации объектов под водой, но с учетом их морского контекста. История изучения МПКН в Великобритании представляет особенный интерес, так как британская практика изучения МПКН развивалась совместно с европейской (и с практикой стран европейского типа).

Исследование этого вопроса имеет теоретическую значимость применительно к формированию знаний об истории изучения МПКН в мире. Практическое применение данная работа может найти в ходе разработки рабочих программ дисциплин, связанных с изучением морского наследия и культурного наследия в целом, при подготовке специалистов в области культурологии, археологии, музеологии.

Цель исследования — определение основных этапов становления научного взгляда на изучение МПКН в Великобритании и формирование понятия, способного комплексно охарактеризовать его. Задачи — выявление причин применения понятия «морское культурное наследие» взамен подводного и анализ процесса вовлечения в исследования зато-

пленных объектов аспектов, связанных с изучением наземного, нематериального и иного морского культурного наследия, не погруженного под воду. Характер исследования обусловил применения исторического подхода и, в частности, историко-генетического и историко-системного методов.

Вопрос истории формирования взглядов на МПКН как на отдельную часть культурного наследия исследователи ранее не поднимали. Существующие работы рассматривают историю археологических исследований, особое внимание уделяя морской или подводной археологии. Крупнейшие статьи, посвященные истории международных археологических исследований за рубежом написаны пионером подводной археологии Джорджем Бассом [4] и американским исследователем Чарльзом Мейде [29]. Аналогичное исследование в отношении отечественной подводной археологии проводил А. В. О कोरोков [2]. Автор подробно рассмотрел наиболее важные вехи в становлении гидроархеологии в России, описав знаковые находки и археологические экспедиции, выделив ключевые персоналии.

Первые исследования объектов наследия под водой стоит рассматривать со второй половины XVII в., в разгар эпохи антикварианнизма. Находки редко вызывали исследовательский интерес и предполагали извлечение финансовой выгоды из найденного. Яркий пример — деятельность сэра Уильяма Фиппса, мореплавателя, который прославился как охотник за сокровищами «постоянно находящийся затонувшие корабли [17, р. 125]». Основные поиски капитан вел в Карибском бассейне, начиная с 1643 г. В 1687 г. он нашел затонувшее судно испанского серебряного флота «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон». Общий вес найденных ценностей превысил 34 тонны, что было эквивалентно 205 536 фунтов стерлингов [17, р. 201].

Возможность обогатиться долгое время была основным импульсом к поиску культурного наследия под водой. Одним из ключевых событий для истории изучения МПКН в Великобритании стало обнаружение рыбаками из Солента в 1836 году потерпевшего крушение корабля. Судно идентифицировали как «Мэри Роуз» в начале августа того же года

[35, p. 556]. Раскопки во многом стали грабительскими, однако нанятые водолазы Джон и Чарльз Дин заказали акварельные рисунки предметов, добытых с корабля, что определяется британскими исследователями как момент возникновения интереса к исторической ценности предмета [6, p. 108–118; 24, p. 26–29].

Развитие исторического интереса к МПКН выделяется в работах второй половины XIX — начала XX в. В этот период концепция морского культурного наследия ещё не сформировалась, но исследователями был написан ряд знаковых работ, посвященных его объектам. Приоритет оставался за кораблями и историей судостроения.

В 1874 г. этнограф и археолог Огастес Питт Риверс написал большую статью «Ранние способы навигации» [37], в которой рассматривал методы судостроения и судоходства древних Австралии и Тасмании. В 1895 году британский археолог Сесил Торр посвятил кораблям Средиземноморья монографию «Древние корабли» [42]. Одной из наиболее всеобъемлющих можно считать работу английского ученого Джеймса Хорнелла «Водный транспорт: происхождение и эволюция», посвященную возникновению плавательных средств и их развитию в целом [22].

Набирающей интерес темой стало изучение палеоландшафтов. Британские исследователи одними из первых в мире обратили внимание на необходимость изучения доисторических останков на дне, однако издаваемые научные работы не вызывали интереса широких масс.

В 1839 г. английский геолог Генри де ла Беш впервые описал видимую часть затопленного леса у берегов западного Сомерсета. Его исследование развил Роберт Годвин-Остин в 1865 г., выступив с докладом о результатах в Лондонском Геологическом Обществе [16, pp. 141–142]. Одной из наиболее ценных находок для того времени стало обнаружение Уильямом Бойдом-Докинсом остатков кремня со следами обработки человеком в 1861 и 1869 гг. [16, p. 142]. находка подтвердила представления ученых о прежней обитаемости затопленной ныне суши, однако в широком научном поле не снискала популярности.

Начало XX в. выделяется рядом научных работ, признанно оказавших влияние на дальнейшее развитие изучения палеоландшафтов. В 1913 г. палеобиолог Клемент Рид издал научную работу «Затопленные леса», в которой говорил о существовании затонувшего сухопутного моста между восточной Англией и материковой Европой и даже изобразил на концептуальной карте границы, схожие с выделяемыми сейчас [39, p. 40]. В 1927 году в учреждавшемся тогда журнале «Античность» была опубликована статья Осберта Кроуфорда, посвященная затопленным доисторическим ландшафтам. Сам автор выразил надежду на дальнейшее развитие темы и увеличение внимания к направлению в целом [15, p. 14].

1930-е гг. можно назвать поворотными. В 1931 г. в районе Доггер-банки обнаружили рыболовный гарпун эпохи мезолита в сорока километрах от ближайшего берега [9], что стало уверенным указанием на необходимость изучать доисторические ландшафты на дне. Эта находка повлияла на последующие крупные публикации пионеров изучения палеоистории — Гарри Годвина и Грэхема Кларка. Оба автора опирались на работу Рида. В 1932-м они приняли активное участие в формировании Исследовательского комитета Фенленда в и в составе этого объединения провели исследования региона [12]. В дальнейшем оба исследователя продолжили свою работу как по одиночке [13; 20], так и совместно, на комплексе Стар-Карр [18].

Примечательным становится тот факт, что не только академические исследователи меняют привычный взгляд на подводные археологические находки. В 1909–1910-х гг. шотландский монах Одо Бланделл провел исследования доисторических свайных поселений, называемых кранногами. Целью погружений было изучение истории Шотландии и строительных подходов. Бланделл зарисовал чертежи затопленных частей построек и впоследствии сообщал о своих находках [7; 8]. В 1910 г. журналист и отставной командующий флотом Чарльз Нейпир Робинсон основал Общество морских исследований (Society for Nautical Research), нацеленное на изучение и сохранение морской истории [34]. В 1911 г. образован-

ное общество начало выпускать академический журнал «Зеркало моряка» (The Mariner's mirror), являющийся одним из самых старых научных изданий, посвященных вопросам морской и военно-морской истории, и публикуемый по сей день.

В 1937 г. энтузиасты Тед и Вильям Райт обнаружили останки лодки на берегах реки Хамбер на северо-востоке Англии. Братья Райт не были археологами, но осознали историческую и исследовательскую ценность находки, в дальнейшем участвуя в раскопках [45; 46].

Изобретение акваланга Эмилем Ганьяном и Жаком-Ивом Кусто в 1942–1943 гг., сделало подводный мир доступнее, привело к возникновению ряда пионерных исследований в области подводной археологии, но общие взгляды на значение морского и подводного культурного наследия разительно не изменились.

Среди известных британских пионеров подводной археологии следует отметить Хонор Фрост, киприотку, изучавшую археологию в Лондоне. Её первые исследования проходили в 1959 г. совместно с Фредериком Дюма, одним из дайверов Кусто, а также с американским журналистом и археологом Питером Трокмортоном вблизи мыса Гелидония в Турции [36, р. 235].

Позднее Хонор Фрост предложила стать содиректором раскопок шотландской исследовательнице Джоан дю Плат Тейлор, которую встретила в Институте археологии в Лондоне, а Трокмортон привлек еще одного американского исследователя, на тот момент аспиранта, — Джорджа Басса. Раскопки у мыса Гелидония стали одним из первых прецедентов, когда археологи обучались дайвингу, а не были дайверами, проводящими работу по инструкции с поверхности [5].

Внимание к изучению кораблекрушений достигло пика во второй половине XX в., благодаря обнаружению останков Непобедимой армады у берегов Ирландии и Шотландии в конце 60-х гг. В 1967 г. бельгиец Робер Стенюи нашел галеас «Хирона» у графства Антрим в Северной Ирландии [41]. В 1968 г., валиец Сидней Вигнал нашел корабль «Санта Мария де ла Роса» рядом с островами Бласкет

[25]. Корабль «Ла Тринидад Валенсера» был обнаружен близ Киннаго Бэй группой спортивных дайверов во главе с шотландцем Колином Мартином в 1971 г. [26; 27]. Интерес же к подводной палеоистории в районе Северного моря, поддерживаемый, в основном, Кларком и Годвином, напротив, значительно снизился.

Исследователь Джонатан Адамс отмечает, что в 1970-е годы подводная археология уже была популярна, «однако новое направление часто интерпретировалось как нечто ненаучное, в большей степени связанное с охотой на сокровища» [3, р. 8]. Большинство исследователей того времени, несмотря на выраженный интерес к исследованиям, не имели профильного образования. Из двадцати одного автора в изданной в 1972 г. работы «Археология под водой: зарождающаяся дисциплина» больше пятнадцати не были археологами [20; 43].

Зарождение дисциплины и самостоятельного научного направления требовало как создания методологии касательно планирования и проведения исследований, так и общетеоретических работ, призванных сформировать академический понятийный аппарат.

Прорывной и новаторский взгляд на исследовательские подходы внёс шотландец Кит Макелрой [22]. Большое влияние на его работу оказали взгляды британских археологов Грэма Кларка и Дэвида Кларка, у которых он учился в Кембридже. Под влиянием изученных принципов доисторической, аналитической, горячо обсуждаемой в то время процессуальной археологии и собственного исследовательского опыта Макелрой написал ряд теоретических трудов в области морской археологии [29–33].

В 1976 г. он опубликовал статью о процессах формирования археологического памятника. В ней он предложил первую систематическую модель для характеристики и интерпретации археологии кораблекрушений [33]. Модель, переведенная на русский язык, представлена на рисунке 1.

По мысли Макелроя, для интерпретации судна в его изначальном социально-культурном контексте требуется трехчастная система:

- корабль как машина, предназначенная для использования в качестве транспортного средства;

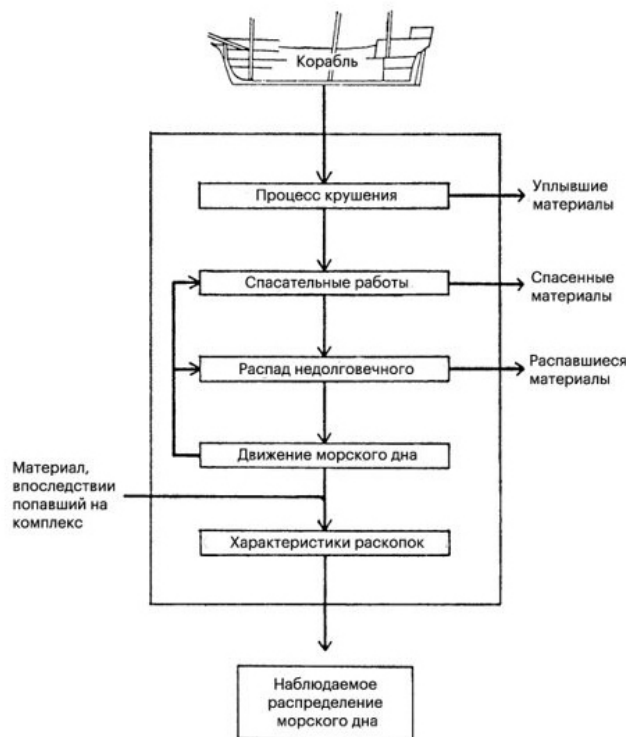

Рис. 1. Блок-схема, отражающая развитие комплекса кораблекрушения. Кит Макелрой, 1978 [33, р. 282]

- корабль как элемент военной или экономической системы;
- корабль как закрытое сообщество, со своей иерархией, обычаями и культурой [32, р. 216].

Труды Макелроя отражают переход от изучения кораблей к изучению людей и культур, строящих корабли. Центральным результатом его работы становится монография «Морская археология», вводящая термин «Maritime archaeology», определяющийся следующим образом: «Морская археология — это научное изучение, посредством сохранившихся материальных свидетельств, всех аспектов мореплавания: судов, лодок и их оборудования; грузов, уловов или пассажиров, перевозимых на них, и экономических систем, в рамках которых они действовали; их офицеров и членов экипажа, особенно посуды и другого имущества, отражающего их специализированный образ жизни» [32, р. 6].

Преждевременная смерть Кита Макелроя в 1980 г. не позволила ему полностью раскрыть свои идеи, но реализованная часть

продвинула как подводно-археологические исследования, так и изучение морского культурного наследия. Смещение фокуса внимания с затопленных объектов на сопутствующую им культуру позволила охватить объекты наследия, находящиеся на поверхности и связанные общим контекстом. То есть с нарочито подводного внимание перешло к более широкому — морскому.

Контекстуализация и нарастание символизма в изучении морского наследия прошло следом за этими же процессами в наземной археологии, сформировав новые течения в морских и подводных исследованиях в 1980-х гг. Среди них концепция прибрежного культурного ландшафта, предложенная Кристером Вестердалем в Скандинавии [44], постпроцессуальное течение в наземной археологии, основанное Иэном Ходдером в Великобритании [21].

Эти движения усиливаются к 1990-м гг. В морские исследования начинают проникать подходы, направленные на критический анализ современности. В 1995 г. Энтони Ферт опубликовал в Интернете документ под названием «Теоретические достижения в морской археологии», представленный ранее на конференции Группы теоретической археологии (TAG) в Дареме [19]. Ферт стал одним из первых, кто обратился к морским археологам с призывом критически рассмотреть такие вопросы, как колониализм, консумеризм, капитализм и современность, приобретавшие все большее значение для исторической археологии. Среди актуальных критических тем, изучаемых в настоящее время, стоит отметить исследования посвященные тематике гендерности, роли ЛГБТ в морской истории [38; 40].

Наконец, значительное влияние на представления о морском и подводном культурном наследии оказали международные дискуссии, поднимающие вопросы сохранения наследия.

Термин «подводное культурное наследие» впервые прозвучал в Софийской хартии ИКОМОС 1996 г. [11, р. 122], где стал развитием термина «археологическое наследие» из Лозаннской хартии ИКОМОС 1990 г., которое характеризует *«все следы человеческого обитания и состоит из мест, фиксирующих все проявления деятельности человека, в том числе покинутых строений и руин всех видов (включая подземные и подводные) вместе со всем подвѐмным культурным материалом»* [10, р. 104].

Широкое распространение и развитие «подводного культурного наследия» как понятия принесла Конвенция ЮНЕСКО 2001 г. «Об охране подводного культурного наследия». Она оказала большое влияние на развитие подходов к защите подводного культурного наследия, повысила уровень осведомленности общественности и продвигает идею международного сотрудничества [1, с. 56–57].

Определение морского наследия как научного понятия в Великобритании не сформировано, несмотря на регулярное применение в научных работах. Историческая Англия, вневедомственный государственный орган, работающий в сфере сохранения национального наследия, разделяет понятия морского и подводного наследия, в то же время понимая под морским — подводное культурное наследие.

В качестве морского наследия применяют определение, данное Софийской хартией ИКОМОС: *«Под подводным культурным наследием понимается археологическое наследие, которое находится в подводной среде или удалено из нее. Оно включает затопленные участки и сооружения, места крушения и обломки, а также их археологический и природный контекст»* [11, р. 122].

Под подводным культурным наследием понимают определенное Конвенцией 2001 г. значение: *«все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет, такие, как: i) объекты, сооружения, здания, артефакты и человеческие останки вместе с их археологическим и природным окружением; ii) суда, летательные аппараты, другие транспортные средства или*

любые их части, их груз или другое содержимое, вместе с их археологическим и природным окружением; и iii) предметы доисторического характера» [14, р. 1–2].

Иная позиция выражена в одном из докладов Комитета по культуре, СМИ и спорту Палате общин. В 2004–2005 гг. одними из центральных вопросов, стоявших перед Комитетом, были морское наследие и исторические корабли. Доклад не дает определения морскому наследию, но отмечает, что сотрудники «сосредоточили наши исследования на надводных, исторических судах и рассматривали их как музеи и / или экспонаты, а не как археологические памятники» [23, р. 4], что также указывает на преимущественную подводно-археологическую трактовку понятия.

Рассмотренные позиции не противоречат пониманию морского культурного наследия исследователями, но отражают лишь часть, связанную с материальными аспектами, в частности, флотскими. Научные работы расширяют понятие, уделяя внимание нематериальным аспектам наследия, морской культуре и истории практик освоения человеком водных пространств.

Процесс формирования представлений о морском культурном наследии позволяет выделить три периода в его истории. Первый период (вторая половина XVII в. — 1836 г.) отличается преимущественно коммерческой интерпретацией объектов наследия, свойственной эпохе антикварианизма. Вторым периодом (1836 г. — 1976 г.) отражает развитие интереса к изучению исторических аспектов наследия, плодотворных, но бессистемных. Третий период (1976 г. — настоящее время) выделяется возникновением и развитием методов изучения МПКН, контекстуализацией, отмечает необходимость изучения морской культуры для понимания подводного культурного наследия.

Наиболее важное изменение в интерпретации МПКН — смещение центра внимания с предмета на человека и культуру, к которой принадлежит предмет. Это же обусловило переход от исключительно подводного к морскому, «маритимному», культурному наследию. Основываясь на выявленной истории формирования понятия и его текущем смысловом наполнении, возможно определе-

ние морского культурного наследия как *совокупности объектов материального и нематериального культурного наследия, связанных со всеми аспектами мореплавания и освоения человеком водных пространств.*

Основное направление дальнейших исследований в отношении истории изучения МПКН подразумевает раскрытие национального опыта иных государств, в особенности относящихся к романским странам, странам Восточной Европы, Ближнего Востока,

Азии и др. Интерпретация морского культурного наследия в большинстве стран европейского типа схожа, так как развитие научного направления включало тесные контакты между исследователями разных стран, а также присутствие британских ученых за пределами государства, в частности, на Средиземном море [4; 5; 30]. В то же время практика азиатских и африканских стран во многом является «белым пятном» в истории изучения МПКН.

Ivan R. NIKOLAEV

Lecturer-Researcher, Cultural and Historical Center "Svetoch", Moscow, Russian Federation,
i.nikolaev.phd@yandex.ru

Maritime Cultural Heritage: The History of the Formation and Development of the Concept on the Example of Great Britain

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the formation and functioning of the concept "maritime and underwater cultural heritage", as well as to the analysis of the evolution of values invested in heritage objects related to maritime culture. The study is based on materials reflecting the history of the study of maritime heritage in the UK. The aim of the work is to determine the stages in the formation of a systematic scientific understanding of the maritime and underwater cultural heritage in the UK and the process of establishing the corresponding scientific concept. The basis for the author's research was the study of British scientists, covering the period from the mid-17th century until now. The main attention is paid to underwater cultural heritage as one of the main components of maritime heritage. The author identifies three main periods in the history of the formation of ideas about the maritime cultural heritage of Great Britain. The middle of the 17th century was taken as a starting point, which was the heyday of the era of antiquarianism. Thanks to the active colonial policy and the wars accompanying it, many ships were wrecked, and subsequently a large number of sailors searched for sunken treasures. The reason for this search was by no means a desire to preserve history, but a commercial gain. The milestone that determined the emergence of historical interest in maritime heritage sites is 1836: the year the ship Mary Rose was discovered. The subsequent period (up to the second half of the 20th century) is characterized by the development of historical research in relation to the underwater cultural heritage, but without a sound scientific-methodological component. The third period begins in 1976 after a publication of Keith Muckelroy, a maritime archaeologist, about the formation of an underwater archaeological complex, and after further developments, including the creation of the term "maritime archaeology". The development of the methodology, the conceptualization and updating of critical approaches to historical phenomena have led to the formation of a modern scientific view on the problems of interpretation of maritime cultural heritage. The revealed characteristics of the analyzed concept allowed the author to propose a version of its interpretation, characteristic of European countries. Maritime cultural heritage is defined as a combination of objects of tangible and intangible cultural heritage associated with all aspects of navigation and human development of water spaces.

Keywords: maritime heritage, underwater cultural heritage, United Kingdom, maritime culture, shipwreck, paleolandscape, Keith Muckelroy, maritime archaeology.

Использованная литература:

1. Акты Генеральной конференции, 31-я сессия, Париж, 15 октября – 13 ноября 2001 г. Париж: Организация Объединенных Наций, 2002. Т. 1.
2. Окорокков А. В. История отечественной подводной археологии. М.: КНОРУС, 2008.
3. Adams J. Ships, Innovation and Social Change: Aspects of Carvel Shipbuilding in Northern Europe 1450–1850. Stockholm: University of Stockholm, 2003.
4. Bass G. F. The Development of Maritime Archaeology // *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology*. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 3–24.
5. Bass G. F., Throckmorton P., Du Plat Taylor J., Hennessy J. B., Shulman A. R., Buchholz H. Cape Gelidonya: A Bronze Age Shipwreck // *Transactions of the American Philosophical Society*, 1967, vol. 57(8), pp. 1–177.
6. Bevan J. The Infernal Diver: The Lives of John and Charles Deane, Their Invention of the Diving Helmet, and Its First Application to Salvage, Treasure Hunting, Civil Engineering and Military Uses. London: Submex, 1996.
7. Blundell F. O. Further Examination of Artificial Islands // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, 1910, vol. 44, pp. 12–33.
8. Blundell F. O. Notices of the examination by means of a diving dress of the artificial island or crannog of Eilean Muireach in the south end of Loch Ness // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, 1909, vol. 43, pp. 159–164.
9. Burkitt M. C. A Maglemose Harpoon dredged up recently from the North Sea // *Man*, 1932, vol. 32, p. 118.
10. Charter for the Protection and Management of the Archaeological Heritage (1990) // *International Charters for Conservation and Restoration*. München: Lipp GmbH, 2004, vol. 1, pp. 104–107.
11. Charter on the Protection and Management of Underwater Cultural Heritage (1996) // *International Charters for Conservation and Restoration*. München: Lipp GmbH, 2004, vol. 1, pp. 122–125.
12. Clark J. G. D. The Mesolithic Age in Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
13. Clark J. G. D. The Mesolithic Settlement of Northern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1936.
14. Convention on the Protection of the Underwater Cultural Heritage. Paris: UNESCO, 2001.
15. Crawford O. G. S. Lyonesse // *Antiquity*, 1927, vol. 1(01), pp. 5–14.
16. Dawkins W. B. On the Discovery of Flint and Chert under a Submerged Forest in West Somerset // *The Journal of the Ethnological Society of London*, 1870, vol. 2, pp. 141–146.
17. Earle P. The treasure of the Concepción. New York: Viking Press, 1980.
18. Fagan B. M. Grahame Clark: an intellectual life of an archaeologist. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001.
19. Firth A. Three Facets of Maritime Archaeology: Society, Landscape, and Critique [Electronic resource] // *Wessex Archaeology*. URL: <http://www.wessexarch.co.uk/files/splashimport/wp-content/uploads/2010/04/Firth-1995-Three-Facets-of-Maritime-Archaeology140410.pdf> (Accessed 12.10.2019).
20. Godwin H., Godwin M. E. British Maglemose Harpoon Sites // *Antiquity*, 1933, vol. 7(25), pp. 36–48.

References:

1. UN. (2002) *Akty General'noy konferentsii, 31-ya sessiya, Parizh, 15 oktyabrya – 13 noyabrya 2001 g.* [Acts of the General Conference, 31st Session, Paris, October 15 – November 13, 2001]. Vol. 1. Paris: UN.
2. Okorokov, A.V. (2008) *Istoriya otechestvennoy podvodnoy arkheologii* [History of Russian underwater archeology]. Moscow: KNORUS.
3. Adams, J. (2003) *Ships, Innovation and Social Change: Aspects of Carvel Shipbuilding in Northern Europe 1450–1850*. Stockholm: University of Stockholm.
4. Bass, G.F. (2011) The Development of Maritime Archaeology. In: Catsambis, A., Ford, B. & Hamilton, D.L. (eds) *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology*. Oxford: Oxford University Press. pp. 3–24
5. Bass, G.F. et al. (1967) Cape Gelidonya: A Bronze Age Shipwreck. *Transactions of the American Philosophical Society*. 57(8). pp. 1–177.
6. Bevan, J. (1996) *The Infernal Diver: The Lives of John and Charles Deane, Their Invention of the Diving Helmet, and Its First Application to Salvage, Treasure Hunting, Civil Engineering and Military Uses*. London: Submex.
7. Blundell, F.O. (1910) Further Examination of Artificial Islands. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 44. pp. 12–33.
8. Blundell, F.O. (1909) Notices of the examination by means of a diving dress of the artificial island or crannog of Eilean Muireach in the south end of Loch Ness. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 43. pp. 159–164.
9. Burkitt, M.C. (1932) A Maglemose Harpoon dredged up recently from the North Sea. *Man*. 32. p. 118.
10. Araoz, G. et al. (eds) (2004a) Charter for the Protection and Management of the Archaeological Heritage (1990). In: *International Charters for Conservation and Restoration*. Vol. 1. München: Lipp GmbH. pp. 104–107.
11. Araoz, G. et al. (eds) (2004b) Charter on the Protection and Management of Underwater Cultural Heritage (1996). In: *International Charters for Conservation and Restoration*. Vol. 1. München: Lipp GmbH. pp. 122–125.
12. Clark, J.G.D. (1932) *The Mesolithic Age in Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Clark, J.G.D. (1936) *The Mesolithic Settlement of Northern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. UNESCO. (2001) *Convention on the Protection of the Underwater Cultural Heritage*. Paris: UNESCO.
15. Crawford, O.G.S. (1927) Lyonesse. *Antiquity*. 1(01). pp. 5–14.
16. Dawkins, W.B. (1870) On the Discovery of Flint and Chert under a Submerged Forest in West Somerset. *The Journal of the Ethnological Society of London*. 2. pp. 141–146.
17. Earle, P. (1980) *The Treasure of the Concepción*. New York: Viking Press.
18. Fagan, B.M. (2001) *Grahame Clark: An Intellectual Life of an Archaeologist*. Boulder, Colo.: Westview Press.
19. Firth, A. (2010) Three Facets of Maritime Archaeology: Society, Landscape, and Critique. *Wessex Archaeology*. 4. [Online] Available from: <http://www.wessexarch.co.uk/files/splashimport/wp-content/uploads/2010/04/Firth-1995-Three-Facets-of-Maritime-Archaeology140410.pdf> (Accessed 12.10.2019).
20. Godwin, H. & Godwin, M.E. (1933) British Maglemose Harpoon Sites. *Antiquity*. 7(25). pp. 36–48.

21. Hodder I. Post-processual and interpretive archaeology // *Archaeology. The Key Concepts*. London: Routledge, 2005, pp. 207–212.
22. Hornell J. *Water transport: Origins and early evolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
23. *Maritime Heritage and Historic Ships: Fourth Report of Session 2004–05*. London: The Stationery Office, 2005.
24. Marsden P. *Sealed by Time: The Loss and Recovery of the Mary Rose*. Portsmouth: The Mary Rose Trust, 2003.
25. Martin C. The Spanish Armada Expedition, 1968–70 // *Marine Archaeology: Proceedings of the Twenty-third Symposium of the Colston Research Society Held in the University of Bristol, April 4th to 8th, 1971*. London: Butterworth, 1973, pp. 439–461.
26. Martin, C. *Full Fathom Five: Wrecks of the Spanish Armada*. New York: Viking Press, 1975.
27. Martin, C. La Trinidad Valencera: an Armada Invasion Transport Lost off Donegal. Interim Site Report, 1971–1976 // *International Journal of Nautical Archaeology*, 1979, vol. 8(1), pp. 13–38.
28. Meide C. *The Development of Maritime Archaeology as a Discipline and the Evolving Use of Theory by Maritime Archaeologists*. Dissertation Position Paper No. 2 [Electronic Resource] // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/4376520/The_Development_of_Maritime_Archaeology_as_a_Discipline_and_the_Evolving_Use_of_Theory_by_Maritime_Archaeologists (accessed 09.11.2019).
29. Muckelroy K. A Systematic Approach to the Investigation of Scattered Wreck Sites // *International Journal of Nautical Archaeology*, 1975, vol. 4(2), pp.173–190.
30. Muckelroy K. *Archeology Under Water: An Atlas of the World's Submerged Sites*. New York: McGraw-Hill, 1980.
31. Muckelroy K. Historic Wreck Sites in Britain and Their Environs // *International Journal of Nautical Archaeology*, 1977, vol. 6(1), pp. 47–57.
32. Muckelroy K. *Maritime Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
33. Muckelroy K. The Integration of Historical and Archaeological Data Concerning an Historic Wreck Site: the Kennemerland // *World Archaeology*, 1976, vol. 7(3), pp. 280–290.
34. Naish G. P. B. *Forging ahead: an account of the work and aims of the Society for Nautical Research*. London: Society for Nautical Research, 1950.
35. *Nautical chronicle* // *The Nautical Magazine: a journal of papers on subjects connected with maritime affairs*, 1836, vol. 5, pp. 550–562.
36. Norton T. *Stars Beneath the Sea*. London: Arrow Books, 1999.
37. Pitt Rivers A. H. Early modes of navigation (1874) // *The Evolution of culture, and other essays*. Oxford: Clarendon press, 1906, pp. 186–232.
38. Ransley J. Boats are for boys: queering maritime archaeology // *World Archaeology*, 2005, vol. 37(4), pp. 621–629.
39. Reid C. *Submerged forests*. London : Cambridge University Press, 1913.
40. Stanley J. *Women at Sea, 1750-today: From Cabin 'Boys' to Captains*. Stroud: History Press, 2016.
21. Hodder, I. (2005) Post-processual and interpretive archaeology. In: Renfrew, C. & Bahn, P. (eds) *Archaeology. The Key Concepts*. London: Routledge. pp. 207–212.
22. Hornell, J. (2015) *Water Transport: Origins and Early Evolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. House of Commons. (2005) *Maritime Heritage and Historic Ships: Fourth Report of Session 2004–05*. London: The Stationery Office.
24. Marsden, P. (2003) *Sealed by Time: The Loss and Recovery of the Mary Rose*. Portsmouth: The Mary Rose Trust.
25. Martin, C. (1973) The Spanish Armada Expedition, 1968–70. *Marine Archaeology*. Proceedings of the Twenty-third Symposium of the Colston Research Society Held in the University of Bristol, April 4th to 8th, 1971. London: Butterworth. pp. 439–461.
26. Martin, C. (1975) *Full Fathom Five: Wrecks of the Spanish Armada*. New York: Viking Press.
27. Martin, C. (1979) La Trinidad Valencera: an Armada Invasion Transport Lost off Donegal. Interim Site Report, 1971–1976. *International Journal of Nautical Archaeology*. 8(1). pp. 13–38.
28. Meide, C. (2013) *The Development of Maritime Archaeology as a Discipline and the Evolving Use of Theory by Maritime Archaeologists*. Dissertation Position Paper No. 2. [Online] Available from: https://www.academia.edu/4376520/The_Development_of_Maritime_Archaeology_as_a_Discipline_and_the_Evolving_Use_of_Theory_by_Maritime_Archaeologists. (Accessed: 09.11.2019).
29. Muckelroy, K. (1975) A Systematic Approach to the Investigation of Scattered Wreck Sites. *International Journal of Nautical Archaeology*. 4(2). pp.173–190.
30. Muckelroy, K. (1980) *Archeology Under Water: An Atlas of the World's Submerged Sites*. New York: McGraw-Hill.
31. Muckelroy, K. (1977) Historic Wreck Sites in Britain and Their Environs. *International Journal of Nautical Archaeology*. 6(1). pp. 47–57.
32. Muckelroy, K. (1978) *Maritime Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Muckelroy, K. (1976) The Integration of Historical and Archaeological Data Concerning an Historic Wreck Site: The Kennemerland. *World Archaeology*. 7(3). pp. 280–290.
34. Naish, G.P.B. (1950) *Forging ahead: An Account of the Work and Aims of the Society for Nautical Research*. London: Society for Nautical Research.
35. *The Nautical Magazine: A Journal of Papers on Subjects Connected with Maritime Affairs*. (1836) *Nautical chronicle*. 5. pp. 550–562.
36. Norton, T. (1999) *Stars Beneath the Sea*. London: Arrow Books.
37. Pitt Rivers, A.H. (1906) Early modes of navigation (1874). In: *The Evolution of Culture and Other Essays*. Oxford: Clarendon Press. pp. 186–232.
38. Ransley, J. (2005) Boats are for boys: queering maritime archaeology. *World Archaeology*. 37(4). pp. 621–629.
39. Reid, C. (1913) *Submerged Forests*. London: Cambridge University Press.
40. Stanley, J. (2016) *Women at Sea, 1750-today: From Cabin 'Boys' to Captains*. Stroud: History Press.
41. Sténuit, R. (1969) Ireland's Rugged Coast Yields Priceless Relics of the Spanish Armada. *National Geographic*. 135 (6). pp. 745–777.

41. Sténuit R. Ireland's Rugged Coast Yields Priceless Relics of the Spanish Armada // *National Geographic*, 1969, no. 135 (6), pp. 745–777.
42. Torr C. *Ancient ships*. Cambridge: Cambridge University Press, 1895.
43. *Underwater Archaeology, a Nascent Discipline*. Paris: UNESCO, 1972.
44. Westerdahl C. Die maritime Kulturlandschaft. Schiffe, Schifffahrtswege, Häfen. Überlegungen zu einem Forschungsansatz // *Deutsches Schifffahrtsarchiv*, 1986, no. 9, pp. 7–58.
45. Wright E.V. The Bronze Age Boats of North Ferriby, Yorkshire // *Expedition*, 1971, vol. 16, pp. 3–14.
46. Wright E. V., Churchill D. M. The boats from North Ferriby, Yorkshire, England, with a review of the origins of the sewn boats of the Bronze Age // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Cambridge : Cambridge University Press, 1965, pp. 1–24.
42. Torr, C. (1895) *Ancient Ships*. Cambridge: Cambridge University Press.
43. UNESCO. (1972) *Underwater Archaeology, a Nascent Discipline*. Paris: UNESCO.
44. Westerdahl, C. (1986) Die maritime Kulturlandschaft. Schiffe, Schifffahrtswege, Häfen. Überlegungen zu einem Forschungsansatz. *Deutsches Schifffahrtsarchiv*. 9. pp. 7–58.
45. Wright, E.V. (1971) The Bronze Age Boats of North Ferriby, Yorkshire. *Expedition*. 16. pp. 3–14.
46. Wright, E.V. & Churchill, D.M. (1965) The boats from North Ferriby, Yorkshire, England, with a review of the origins of the sewn boats of the Bronze Age. *Proceedings of the Prehistoric Society*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 1–24.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Николаев, И. Р. Морское культурное наследие: история становления и развития понятия на примере Великобритании / И. Р. Николаев // *Наследие веков*. – 2020. – № 1. – С. 26–35. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.002

Full bibliographic reference to the article:

Nikolaev, I. R. (2020) Maritime Cultural Heritage: The History of the Formation and Development of the Concept on the Example of Great Britain. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 26–35. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.002

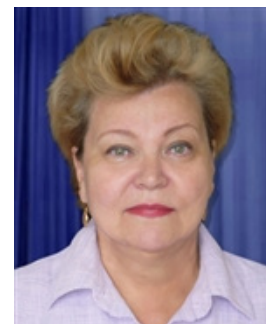
МИХЕЕВА Татьяна Борисовна

доктор педагогических наук, профессор
кафедры «Мировые языки и культуры»
Донского государственного технического университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Tatyana B. MIKHEEVA

Dr. Sci. (Theory and Methodology of Vocational Education), Prof.,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
mitata.m@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9773-1368

САЪДУЛЛАЕВ Давлятбек Самиевич

кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка и методики преподавания
Ташкентского государственного педагогического
университета имени Низами,
Ташкент, Республика Узбекистан

Davlatbek S. SADULLAYEV

Cand. Sci. (Philology), Prof.,
Nizami Tashkent State Pedagogical University,
Tashkent, Republic of Uzbekistan,
uz-samizade@mail.ru

УДК [17.022.1:39]:316.61(470.57+575.1)
ГРНТИ 13.11.44
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.003

**Личность
в мире родной культуры
и общечеловеческих ценностей**

**Personality in the World
of Culture of Origin
and Universal Values**

Цель статьи – выявление и комплексное описание ключевых реалий и понятий культурно-тематического микрополя «узбекский быт». Методология строится на системном обобщении и сопоставлении семантики этнокультурных реалий, выраженных посредством неэквивалентных лексических единиц. Материалами исследования явились этнографические данные о культуре узбекского и башкирского народов, исследования культурологов и лингвистов. Многовековые контакты между представителями разных этносов, проживающих на одной территории, как правило, отражаются в языковом фонде. Была проанализирована неэквивалентная и неполноэквивалентная лексика узбекского и башкирского языков, при этом выделен массив

важнейших этнокультурных реалий узбекского быта. Национальные языки дают ключ к пониманию особенностей этнического самосознания, однако в лингвокультурном плане полноценное вхождение каждого языка и каждого народа в мировую культуру есть звено, упрочивающее взаимопонимание между представителями различных этносов.

Ключевые слова: этнос, особенности быта, человек культуры, культурологическая парадигма, реалии культуры, межкультурное взаимодействие, общечеловеческие ценности, менталитет.

С конца XX в. содержание науки меняется в сторону интеграции лингвофилософии (языковая картина мира) и культурологии (новый диалогический тип культуры), взаимопроникновения и взаимообогащения присутствующих систем познания. В современных условиях гуманитарная теория и практика неуклонно повышают свое внимание к этнокультурной стороне проблем существования и развития общества, в частности к лингвистическим и культурным контактам этносов, обусловленным долгим совместным проживанием на одной территории. Их исторические взаимодействия, взаимовлияния отражаются в зеркале языка и накладывают на языки отпечаток не механический, внешний, в виде различного рода заимствований, но более глубокий, внутренний [3].

Современная культурологическая парадигма гуманитарных наук актуализирует изучение и описание человека культуры как личности, стремящейся к взаимопониманию с представителями других этносов, способной осуществлять межличностное и межкультурное общение, в том числе и посредством международных языков. Как показывает мировой опыт, в стратегиях аккультурации личности наряду с овладением культурой других этносов важно и сохранение собственной культурной идентичности. «С этим багажом каждый народ, регион входит в новую мировую семью человечества... в будущей семье народов будет цениться не то, что мы как все, а то, что мы особенные. То есть мы одновременно находимся в русле цивилизованного развития, но при этом должны сохранить свою самобытность» [5, с. 3].

В контексте нашего исследования понятие «культура» (исторически формирующаяся

и развивающаяся система духовных образований, которой определены основные черты поведения человека, доминанты его отношения к миру) целесообразно сочетать с понятием «поликультурность» (выраженное как спектр, не стертая многообразие, одновременная представленность разных самобытных и уникальных культур) [2].

Современная личность включена в мир родной и общечеловеческой культуры, готова к сотрудничеству, толерантности и уважению к другим национальным культурам. Формирование такой личности предполагает высокий уровень коммуникативной культуры, что в межкультурном измерении включает в себя приверженность ценностям общечеловеческим, понимание важнейших особенностей культуры национальной и мировой, а также учет культурологического базиса социальных явлений и традиций. Говоря об общечеловеческих ценностях, мы, прежде всего, имеем в виду ценности нравственные: труд, красоту, добро, справедливость, любовь, жизнь, истину, родину, семью, свободу, человека. Эти ценности, одинаково важные для всех, объединяют нас, живущих на Земле, в единое человечество и обеспечивают мосты взаимопонимания между представителями разных языков и культур. В своем отборе контента мы руководствовались необходимостью включения тех лингвокультурем и того культурно значимого материала, которые, будучи известными всем носителям языка, помогают, с одной стороны, усвоить черты национального образа жизни, с другой — обеспечить его полноценную репрезентацию в межкультурной коммуникации.

Интенсивность современного межкультурного общения обязывает заботиться о под-

держке и сохранении традиций всех без исключения народов, больших и малочисленных.

Богатый и интересный материал представляет собой своеобразный уклад жизни башкир и узбеков, веками формировавшийся на границе Европы и Азии, в условиях пересечения культур оседлых с культурами кочевыми и под влиянием различных вероисповеданий — в частности, ислама и православного христианства. Он находит отражение в текстах национальных и русских писателей. Помимо свадебного празднества (*туй*) известны мусульманские религиозные праздники: *ураза-байрам*, *курбан-байрам*, *мавлид* и другие. По окончании весенне-полевых работ отмечаются *сабантуй* и *каргатуй* («грачиный праздник»). Праздничные ритуалы сформировались в результате сложного процесса слияния культурных навыков и традиций. Яркие и многообразные самобытные традиции закреплены в обрядах, сопровождающих семейную жизнь, — свадебные ритуалы, события, связанные с рождением и воспитанием детей (*бешик-туйи*, *хатна-килиш*, *фатиха-туй*). Они зародились еще в лоне родоплеменных патриархальных отношений, поэтому, как правило, исламская обрядность дополнена в них более древними формами, тесно переплетена с магическими практиками.

Группы концептов культурно-тематического микрополя «узбекский быт», «башкирский быт» подтверждают близость комплекса доминант, того, что являет собой непреходящие ценности в культуре этих родственных народов. Черты глубинного исторического пласта — многовекового жизненного опыта, сохраненного народной памятью до сегодняшнего дня, играют ключевую роль в осмыслении понятий «дом», «домашний очаг» и соответствующего им круга традиционных семейных нравственных норм.

Надо подчеркнуть, что национально-культурные особенности быта узбеков, башкир и других тюркоязычных народов характеризует лексика безэквивалентная (*махалля*, *хашар*, *сумалак*, *улок* — узб.; *улус*, *кош*, *корот* — башк.), либо неполноэквивалентная, то есть слова, обозначающие предметы и реалии, не совпадающие в разных культурах по предметно-понятийному значению,

однако поддающиеся переводу на другие языки. В пример неполноэквивалентной лексики можно привести слова *кишлак* (узб. *кишлок*) и *аул* (башк. *ауыл*) — названия селений, имеющие неполным своим эквивалентом русские слова «селение», «деревня».

Приведем еще ряд примеров.

— *Чувал* (башк. *сыуал*) — глинобитный очаг с вмазанным котлом, род азиатского камина, *очаг* (узб. *учок*) — глинобитный очаг. Котел служил для приготовления пищи, однако в нем же башкиры кипятили воду для стирки, зачастую и стирали. *Чувал* (*сыуал*) сооружали посередине *коша* (юрты, избы) так, чтобы очаг не чадил: дым поднимался прямо в отверстие, расположенное на потолке. Этот очаг обогревал помещение, и около него проходила большая часть домашней жизни башкирского семейства. Очаг был также связан с обычаями гостеприимства: собравшись вокруг *сыуал*, башкиры (только мужчины) пили кумыс и слушали песни.

— *Кошма* — войлок из скатанной овечьей или верблюжьей шерсти (русский эквивалент — ковер).

— *Уй* (узб., башк.) — бревенчатое строение, крытое дранкой (русский эквивалент — изба, дом).

— *Казан* (узб. *козон*) — чугунный котел, который выпускали российские заводы специально для кочевых народов (русский эквивалент — котел), но с исторических времен тюркоязычные народы и племена использовали такие котлы, изготовленные местными мастерами-литейщиками.

Жилище — зеркало, отражающее жизнь народа, которому оно принадлежит. На устройстве и убранстве жилища прочитывается природная среда, развитие производительных сил и характер общественного строя, тип и уровень цивилизации, этнические и национальные черты, духовные качества, верования, таланты и наклонности каждого народа. Как локус оно отражает структуру и особенности жизни различных слоев населения, нравы, привычки, вкусы — определяет менталитет [4].

Сформировавшаяся в народном жилище среда является результатом материальных и духовных устремлений человека. Предмет-

ный мир аккумулирует традиции ремесел. Важно также то, что среда эта создается не только руками талантливых мастеров-ремесленников, одаренных художников из народа, но и личным участием самих членов семьи. Навыки передаются от одного поколения к другому.

В каждом доме женщины были не только хранительницами очага, но и обязательными проводниками — передатчицами, активными носительницами знаний и навыков традиционной культуры. В этом смысле вся атмосфера дома — характер, образ жизни — выступали своеобразной школой и трудового, и нравственного, и эстетического воспитания в духе народных национальных традиций, логичным органичным вхождением в свою родную культуру [6].

Предметы интерьера, их неразрывная связь с окружающей средой и с человеком формируют эту целостность. Метод системного комплексного анализа, разработанный Л. Н. Гумилевым, считавшим, что «...реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи между ними» [1 с. 209], позволяет рассматривать среду бытования народного искусства в единстве с природно-климатическими и хозяйственно-экономическими условиями, сферой культурной, духовной жизни, самим человеком — творцом и создателем, представляющим данный этнос.

Приведем и более развернуто охарактеризуем примеры наиболее значимых этнокультурных реалий узбекского народа.

Махалля — объединение людей, соединенных незримыми узами общности территории, на которой они проживают. Дать достойный эквивалент понятию «махалля» жителю западных стран практически невозможно, ибо там его просто нет. А для личности местного типа махалля, как правило, выступает неотъемлемой частью человеческого бытия от рождения и до смерти. Это уникальное явление узбекского этноса соединяет с реалиями современного города патриархальные особенности сельской жизни, когда все жители кишлака знают друг друга. Это и своеобразная форма восточной демократии, которая дает человеку возможность выработать методы взаимодействия с обществом и государством. Здесь зарождаются первые узы дружбы, кото-

рые потом проходят через всю жизнь. Здесь все вместе отмечают праздники, печалются горестям и невзгодам.

С понятием «махалля» неразрывно связано понятие «*хашар*». Когда люди, объединившись по зову сердца и соседского долга, строят дом, играют свадьбу, провожают в последний путь, это называется хашар. Принадлежность к махалле как некой целостности придает человеку силы, делает его более устойчивым в бурном море житейских проблем и забот. Сегодня роль махалли как одного из гарантов стабильности всего общества в Узбекистане вновь существенно возрастает. Неслучайно 2003 г. указом первого президента Республики Узбекистана Ислама Каримова был объявлен Годом махалли.

Узбекский народ за свою историю накопил немало удивительных традиций и обычаев. Одна из них — приготовление национального блюда *сумалак* (*сумаляк*). Без него не обходится весенний праздник Навруз: «Сто казанов сумаляка готовят в кишлаках древнего Вуодилия» (Правда Востока. 2009. 21 мар.). Его рецепт бережно передается из поколения в поколение.

Он прост и в то же время необычен. Зерна пшеницы тщательно промывают и влажными складывают в холщовый мешок, который хранят в теплом месте. Ежедневно в течение четырех дней мешок обливают водой, после чего набухшую пшеницу вынимают, раскладывают на чистых досках и поливают водой четыре раза в день. После того как пшеница прорастет на 4–5 см, ростки мелко рубят, а затем толкут в деревянной ступе. Полученную массу — *майс* — процеживают через сито. Образовавшуюся жидкость сохраняют, а оставшуюся гущу несколько раз тщательно промывают в большом количестве воды и процеживают. Затем эту массу выливают в большой казан, туда же засыпают муку, добавляют топленое сливочное масло. Эту смесь (*атала*) долго, подчас с вечера до утра, варят, постоянно перемешивая. В кипящем котле можно различить странный звук, как будто по дну перекатываются камешки. Да, это действительно так. Камешки кладут, чтобы устранить опасность подгорания. А чтобы облегчить ночное бдение у котла, монотонное и весьма утомительное, исста-

ри заведен такой обычай. Женщины, а варка сумалака только их прерогатива, играют на музыкальных инструментах, поют, танцуют. Под утро, после десятичасовой варки, в котел добавляют оставшуюся от первого процеживания жидкость — *тонг суви* (вода восхода, рассветная вода) и дают еще раз закипеть плотной коричневого цвета и неповторимого вкуса смеси. После этого огонь из-под казана убирают, котел, плотно закрытый крышкой, оставляют еще на 3–4 часа.

Результат огромного терпения и кулинарного искусства *сумалак* — одно из самых витаминизированных блюд узбекской кухни. Оно готовится раз в год, ранней весной, когда организм человека особенно нуждается в подпитке силами. Готовый сумалак распределяют так, чтобы он достался всем, кто участвовал в приготовлении блюда или внес свою долю продуктов — пшеницу, муку, масло. Эти люди, в свою очередь, угощают праздничным блюдом родственников и знакомых, разнося сумалак по домам в пиалах или другой красивой посуде.

Туморы. Среди немногих атрибутов быта, прошедших с человеком сквозь многие века, дошли до нас туморы — амулеты, которым приписывалась способность оберегать владельца от болезней, бедствий, враждебных чар. Амулеты издревле были известны народам, населявшим территорию современного Узбекистана. Археологические находки показывают, что ими пользовались еще до нашей эры, во времена язычества. Модницы прежних веков украшали руки амулетами в виде змей-браслетов, носили амулеты на груди, использовали в виде налобных и подвисочных украшений, вплетали в косы, нашивали на детскую одежду, украшали ими стены жилищ. Из чего только ни делали амулеты: из металла, керамики, дерева, дорогой материи, из косточек фруктовых деревьев. Очень часто на них наносились изображения животных и птиц. Туморы наиболее древнего, первоначального вида сейчас можно встретить лишь в музеях, да еще в коллекциях художников, возрождающих забытое искусство.

Обычай наносить рисунки живых существ с приходом в Среднюю Азию ислама

исчез. Появились строгие канонизированные туморы. В наши дни это чаще всего небольшие по размеру треугольные подушечки из бархата, парчи, тафты с вшитыми внутрь зернами растения (*седана*) или же с изречениями из Корана. Их украшают бисером и как оберег подвешивают на стенах внутри дома, в автомобилях, прикрепляют к одежде ребенка.

Улак (улок) — козлодрание. По отмашке судьи всадники срываются с места и под неистовые крики болельщиков наперегонки скачут вперед. Тот, кому удалось опередить соперников и вырваться из лавины, подхватывает на скаку тушу козла. Остальные всадники пытаются отнять поднятый с земли трофей. За их борьбой наблюдают многочисленные зрители: узбекский *улак* еще называется *купкари* — буквально «дело многих людей».

Этот вид конного спорта популярен не только у узбеков, его считают «своим» также и соседние народы — казахи, кыргызы, афганцы, таджики, каракалпаки. У каждого из перечисленных народов это традиционное соревнование в лихости и умении наездников именуется по-своему. Однако суть и цель состязания, при некотором различии правил, одинакова: надо на скаку поднять тушу козла с земли и, не дав соперникам перехватить инициативу, доставить добычу к финишу.

Улак — праздник степняков-кочевников — стал традиционным в Центральной Азии с незапамятных времен: лошадей здесь разводят не один век и не одно тысячелетие. Еще китайские императоры до нашей эры отправляли экспедиции в Ферганскую долину за породистыми конями. Зарафшанский оазис (Самарканд, Ургут, Каттакурган) славен как один из древних районов коневодства. Хотя разводили разные породы, наиболее знаменитой была карабаирская.

И приемы отбора, подготовка лошадей к соревнованиям также несут отпечаток традиции. Как коней для улака молодняк отбирают и готовят с четырех-пяти лет.

Наиболее яркий и массовый улак — свадебный. На него съезжаются жители со всей округи, родственники из ближайших и отдаленных мест. Время свадеб в основном начинается со второй половины осени, когда уже собрали урожай, и продолжается всю

зиму, вплоть до ранней весны (до начала сельхозработ).

Помимо лошадей к улаку требуется заранее приготовить жертвенных животных — козлов или бычков. Непременно нужны и награды победителям. Помимо живых призов, таких как верблюды, лошади, быки, козы, победителей награждают коврами, отрезами ткани, мастерски изготовленными и украшенными предметами быта.

Начало улака также имеет свою особенность. Гостей созывает глашатай, который от имени хозяев свадьбы просит отведать праздничного плова или шурпы. Когда трапеза завершена, старейшина-аксакал должен от имени всех собравшихся дать благословение игре. Седокам нельзя садиться на коня, не совершив ритуальное омовение и молитву. Одеждой всадникам служит широкий *чапан* (халат) из очень плотной хлопковой ткани и такие же плотные шаровары. Главное, чтобы наряд седока не сковывал движения. Прежде чем надеть сапоги с широкими голенищами, ноги обматывают тканью — во избежание травм при возможном падении с лошади. На голову седокам надевают меховые шапки (иногда, особенно в последнее время, кожаные шлемы). Есть и другое современное дополнение — на одежду игроков нашивают номера (как на майки футболистов).

При экипировке лошадей используются уздечки без металлических деталей, гладкие стремяна. Нельзя участвовать в соревновании коням с шипованными подковами.

Для проведения улака выбирают широкую равнинную местность, позволяющую разместить в полутора километрах друг от друга две круговые площадки. Это финишные отметки *марра* — круг, в который всадник-победитель вбросит тушу козла. Периметр кругов (по диаметру около 20 м) выкладывают камнями или большими пучками соломы. Так же отмечают и черту, разделяющую игровое пространство надвое: на этой границе располагаются главный судья и его помощники.

Каковы правила игры? Наездникам запрещено заезжать за границы игрового поля

и наезжать на зрителей. Ни один болельщик не должен притрагиваться к туше козла, перемещать ее или подавать с земли всаднику. Если наездник нагнулся за тушей, другие игроки не имеют право наезжать лошадью на него. Тушу отнимают только на полном скаку. При этом соперник должен заехать лицом к лицу к тому, кто в данный момент захватил трофей. При заезде со спины игрок должен догнать, опередить и только потом вступать в борьбу за тушу козла. И сваливать с лошади того, кто держит в руках трофей, тоже запрещено.

Интерес к этой древней игре, ее возрождение наблюдается примерно с 1990-х гг. Учреждена Международная спортивная федерация, членами которой являются республики Центральной Азии, Пакистан, Турция, Китай, Франция. И в международных соревнованиях, проходящих по командному принципу, на данный момент утвержден определенный свод правил: игра продолжительностью 60 минут включает в себя три периода по 20 минут. Побеждает та команда, которая большее число раз забросит тушу козла в *той-казан* соперника (спортивный вариант оборудования финиша). Игрока-наездника, персонально лидировавшего в победившей команде, признают абсолютным победителем. Хотелось бы, чтобы со временем эту игру включили в число олимпийских дисциплин.

Все приведенные этнокультурные реалии важны как имманентные данности национально-культурного быта. Описание, изучение, полноценная реставрация их особенностей — фактор сохранности этнических культур в современном мире. В языке народа живут и воздействуют на него духовное содержание и знание. Язык отражает менталитет, традиции и историю каждого народа, становится носителем культуры. Как отражение и копилки национального опыта языки несут и содержат в себе ключ к самоидентичности народов. Но в плане лингвокультурном полноценное вхождение каждого языка и каждого народа в мировую культуру есть звено, упрощающее взаимопонимание между представителями различных этносов.

Tatyana B. MIKHEEVA

Dr. Sci. (Theory and Methodology of Vocational Education), Prof., Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
mitata.m@yandex.ru

Davlatbek S. SADULLAYEV

Cand. Sci. (Philology), Prof., Nizami Tashkent State Pedagogical University,
Tashkent, Republic of Uzbekistan,
uz-samizade@mail.ru

Personality in the World of Culture of Origin and Universal Values

Abstract. The aim of the article is to identify and comprehensively describe the key realities and concepts of the cultural and thematic microfield “Uzbek Domestic Life”. The methodology is based on a systematic generalization and comparison of the semantics of ethnocultural realities expressed through nonequivalent lexical units. The research materials were ethnographic data on the culture of the Uzbek and Bashkir peoples, studies of culturologists and linguists. Domestic life is interpreted as a historically formed, evolving system of spiritual education that defines the characteristics of the behavior of a person of culture and their attitude to basic life values. The authors proceed from the fact that a reference to universal values and an understanding of the significance of the heritage of the past (not only of one’s own people, but also the peoples of other countries) create mutual understanding between representatives of different ethnic groups and promote intercultural communication. At the same time, centuries-old linguistic and cultural contacts between representatives of different ethnic groups living in the same territory are usually reflected in the language fund. The key to uncovering the value layer of the most capacious ethnocultural realities is the nonequivalent and incompletely equivalent vocabulary of related languages. To achieve the aim of the research, the lexical units of the Uzbek and Bashkir languages were analyzed. It is shown how the studied lexical layer affects the understanding of fundamental life concepts: “family hearth”, “house”, and associated traditional moral standards. An array of the most important ethnocultural realities has been singled out, which immanently reflects the social structure, the peculiarities of Uzbek life, which determine the mentality, mores, customs, habits, and tastes of the people. This array consists of: *mahallah* (a union of people connected by the invisible bonds of good neighborliness and the community of the territory in which they live); *hashar* (joint activity of people); *sumalak* (a national dish of sprouted wheat grains); *tumor* (an amulet attributed to the ability to protect the owner from evil); *ulak* (“goat pulling”, an ancient folk game, revived to the level of international competition). The authors conclude that languages as a reflection of national experience provide the key to understanding the characteristics of ethnic identity. At the same time, in linguistic and cultural terms, the full integration of every language and every nation into world culture is a link that strengthens mutual understanding between representatives of different ethnic groups.

Keywords: ethnos, lifestyle peculiarities, person of culture, culturological paradigm, cultural realities, cross-cultural interaction, universal values, mentality.

Использованная литература:

1. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Айрис-пресс, 2013.
2. Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999.
3. Млечко Т. П. Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье // Русский язык за рубежом. 2012. № 1. С. 58–64.
4. Спегальский С. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972.

References:

1. Gumilyov, L.N. (2013) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Ayris-press.
2. Dmitriev, G.D. (1999) *Mnogokul'turnoe obrazovanie* [Multicultural Education]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
3. Mlechko, T.P. (2012) Individual Cognitive Space of the Russian-Speaking Personality in the New Identity Abroad. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 1. pp. 58–64. (In Russian).

5. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М.: Ин-т философии Рос. акад. наук, 1996.

6. Янбукhtина А. Г. Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа: Китап, 1993.

4. Spegal'skiy, S.P. (1972) *Zhilishche Severo-Zapadnoy Rusi IX-XIII vv.* [Dwelling in North-Western Russia of the 9th–13th centuries] Leningrad: Nauka.

5. Stepin, V.S. (1996) *Epokha peremen i stsenarii budushchego* [The Era of Change and Future Scenarios]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.

6. Yanbukhtina, A.G. (1993) *Narodnye traditsii v ubranstve Bashkirskogo doma* [Folk Traditions in the Decoration of the Bashkir House]. Ufa: Kitap.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Михеева, Т. Б. Личность в мире родной культуры и общечеловеческих ценностей / Т. Б. Михеева, Д. С. Саъдуллаев // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 36–43. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.003

Full bibliographic reference to the article:

Mikheeva, T. B. & Sadullaev, D. S. (2020) Personality in the World of Culture of Origin and Universal Values. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 36–43. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.003

БИОГРАФИКА: ПАМЯТИ А. И. СЛУЦКОГО

BIODGRAPHICS:
IN MEMORY OF ARKADY SLUTSKY

СЛУЦКИЙ Аркадий Иосифович

кандидат педагогических наук, профессор,
ассоциированный научный сотрудник
Южного филиала Российского института культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачева,
Атланта, Соединенные Штаты Америки

Arkady I. SLUTSKY

Cand. Sci. (Library Sciences, Bibliography and Bibliology),
Prof., Associate Researcher,
Southern Branch of the
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Atlanta, United States of America,
ekhlakova@yandex.com

УДК 929:76(470.620)“19”
ГРНТИ 18.31.41
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.004

**Из цикла «Прогулки и диалоги
с Владимиром Глуховцевым»**

*Публикация подготовлена О. В. Кирьяновой
Под редакцией О. В. Кирьяновой*

**From the Series “Walks and Dialogues
with Vladimir Glukhovtsev”**

*The publication was prepared by O. V. Kiryanova
Edited by O. V. Kiryanova*

Статья посвящена реконструкции особенностей творческого мировоззрения художника и книжного графика Владимира Глуховцева. Публикуемые материалы созданы ученым и поэтом Аркадием Слуцким, который был близким другом художника на протяжении тридцати лет. Автором использован историко-биографический метод, при этом материалами, помимо авторских воспоминаний, послужили произведения классиков русской литературы. Представленные микросюжеты в постмодернистском ключе раскрывают различные события и особенности творческой биографии художника. Эстетические поиски Глуховцева как книжного графика были обращены к структуре книги. Своей главной задачей он видел не интерпретацию литературных образов, а организацию книжного пространства и читательского восприятия текста.

Начав свой творческий путь как продолжатель традиций русской графики, В. А. Глуховцев со временем выработал собственный подход к художественному творчеству, при этом сумев сохранить постоянную и живую связь с академической традицией.

Ключевые слова: Глуховцев В. А., Глуховцев А. Е., книжный график, Екатеринодар, Краснодар, Кэрролл Л., Пушкин А. С., Казицын Е., Мигачёв В., архив, лекции, Пташинский В. А., история русской книги, книжное дело, оформление книг, культура, ксилография, монотипия.

О. В. Кирьянова

От редактора

Свои воспоминания о друге, ровеснике, художнике, книжном графике В. А. Глуховцеве (1940-2010) Аркадий Иосифович Слуцкий (1940-2019) писал на протяжении нескольких последних лет своей жизни, и повествование было прервано смертью автора. Благодаря участию и ходатайству жены Риммы Алексеевны Боковой и дочери Софьи Аркадьевны Слуцкой его текст и черновики попали в Краснодар. Профессор готовил публикацию в журнале «Наследие веков» к 80-летию художника. Процесс рожденья текста воспоминаний мне частично известен из писем Аркадия Иосифовича, особенно его волновал вопрос жанровой определенности («что я сегодня пишу?»), а также – «не много ли самого автора в тексте», хронология выстраивалась непредсказуемо, сложно пересказать как единое целое период 30-летней дружбы и т. д. Общая канва повествования была намечена еще в его публикации 1999 г. и частично повторилась черновой редакцией 2018-го, но фрагменты о династии Глуховцевых и архиве Александра Ерофеевича (110 лет со дня его рождения исполняется в этом году), о работе над «Алисой в Стране Чудес», «Путешествие с Пушкиным», «Путешествие в Прагу» (название дано редактором) остались в файлах-заготовках, учитывая содержательную значимость микросюжетов, мы включили их в презентуемый текст. Название якобы предполагает цикл статей. Получилась публикация в постмодернистском стиле. Собственно и сам материал подсказывал это решение. Эксперименты В. А. Глуховцева в области оформления книги, Слуцкого в педагогической деятельности, мир фантазий художника и поэта такую сформулировали концепцию изложения. Здесь основную роль играет фактография, устная история, живая речь художника, воспроизведенная текстологически по расшифрованным Аркадием Иосифовичем фонограммам разговоров с Владимиром Александровичем, повествование, по большому счету, не сдерживают жесткие хронологические рамки, а вот память места важна до мелких деталей.

Публикацию нельзя назвать строго научной, это страницы из истории книжного дела на Кубани, подробно рассказывая о деятельности одного из ярких книжных графиков Краснодара, Слуцкий описывает и его культурное окружение, и интеллектуальные запросы общества рубежа XX-XXI вв. Ценной частью содержания статьи являются, так называемые, философско-лирические отступления, попытка осмыслить все происшедшее с автором и героем в пространстве и времени. В этих воспоминаниях они живы, нет отпечатка смерти, а есть дактилоскопический отпечаток пальца Глуховцева как живое присутствие его на земле. И текст как продолжение Слуцкого.

Художника Владимира Александровича Глуховцева я знаю (знал)¹ давно и долго. Много раз хотел написать о нем, но всякий раз меня что-то останавливало. Оказалось, что

рассказывать о людях, с которыми общался достаточно близко, с которыми встречался регулярно, в совершенно различных обстоятельствах,— сложно... Хронология, логика, перспектива воспоминаний выстраиваются непредсказуемо. С чего начинать, что можно,

¹ Так было в последней редакции этой статьи — от 04.11.2018.

*Владимир Александрович Глуховцев
(1940-2010)*

а чего нельзя забыть? Какие-то обстоятельства помнил всегда, какие-то припоминал, если тому был повод, о каких-то сохранялись прямые документальные свидетельства.

Русскую культуру он знал блестяще, был внимательным читателем, иногда помню его играющим на фортепьяно, естественно, постоянным посетителем художественных выставок. Наши взгляды на культуру и искусство были близки. Одно время я активно писал о краснодарских художниках и готовил о них передачи на местном телевидении. По этому поводу мы часто беседовали, иногда после публикации (передачи), а случалось и до. Несколько передач мы вообще готовили вместе. Остались рабочие фонограммы и видеокассеты. Вообще свидетельств осталось много... Записки, несколько шуточных писем, автографы на книгах. Однажды он оформил мою поэтическую книжку¹. Долго и горячась мы обсуждали роль и судьбы «личных архивов». Большое

¹ Имеется в виду сборник «Пересечения» (Краснодар, 1995).

место в нашем общении занимали разговоры (на прогулках по Красной, в мастерской Евгения Казицына, в домашнем застолье) о кубанских художниках, об искусстве оформления книги, об организации выставок. В общении он был монологичен, его монологи всегда бывали неторопливы. Свое повествование он разворачивал медленно, с деталями, отступлениями в область культуры, воспоминаниями из собственного культурного опыта. Я любил его монологи. Что-то из перечисленного представляется сегодня случайным. Но совершенно непонятно, что такое случайность в человеческой жизни... До сих пор (когда речь идет о Володе) в моем сознании не укладывается ретроспекция «прошедшего времени». Оттого, наверное, в этих заметках и не получается «жанра», не выстраивается композиция. Я так и не могу понять, что я сегодня пишу: «воспоминания», «очерк» или просто прислушиваюсь к сохранившимся фонограммам разговоров с художником?

* * *

Так сложились обстоятельства, что я знал его отца — художника, книжного графика Александра Ерофеевича Глуховцева. И сына его — Максима Владимировича, графика, книжного дизайнера, — тоже знаю. Я сейчас сознательно избегаю эпитетов. Главное, что все они профессионалы. Мне нравится преемственность поколений в профессии и творчестве. Мне кажется, что такая преемственность формирует глубинную культуру общества. Я словно слышу эхо. В современном искусстве вообще эхо слышится постоянно. Его нельзя не слышать. И это не хорошо и не плохо, это качество современных культуры и искусства. Но когда профессия передается в одной семье из поколения в поколение, по-моему, это прекрасно.

* * *

Однажды происходит регулярно... Если не сказать всегда... Так вот однажды снова позвонил Володя (если я не ошибаюсь, в 1995 году) и попросил меня зайти. Он познакомил меня со своим отцом Александром Ерофеевичем. Отец жил в Нальчике, но сравнительно регулярно приезжал в Краснодар. Останавливался он, естественно, у Володи...

В очередной его приезд разговоры крутились вокруг личного архива Александра Ерофеевича, который художник начал оформлять. Он систематизировал хронологически и тематически сохранившиеся документы (и делопроизводственные, и личные), укладывал их в большие картоны. Мысль о том, что архив нужно передать в государственное хранилище, была для него бесспорной, так же бесспорно для него было то, что архив должен остаться в Краснодаре, в фондах Краснодарского государственного художественного музея¹. Слишком много в жизни Александра Ерофеевича было связано с ним. Вот тогда-то и вспомнили о Слуцком. Володя сказал, что есть, мол, человек, любящий архивы, понимающий природу архива, много работавший в них, который может посоветовать. Время начала работы над «организацией» архива отец и сын определяют однозначно: 1985–1987 годы, когда у Александра Ерофеевича начало ослабевать зрение, столь необходимое граверу и книжному графику. Я несколько раз пытался заговорить о целях, мотивации в собирании архива, оба моих собеседника игнорировали (микшировали) эту тему, они ограничились попыткой определить его значимость.

Владимир Александрович удивлялся: «Во-первых, далеко не каждый художник собирает архив, это должно быть заложено в характере. Я вот никогда не собирал и, скорее всего, так и не буду собирать. Что касается Александра Ерофеевича, то он удивил меня не тем, что собирал архив, а тем, что делал это методично, точно и ясно. Внутри была какая-то методика, какая-то программа, заложенная, не знаю уж, чем и как, — видимо, характером...»

Сам Александр Ерофеевич был более лаконичен: «...Для меня архив — это как бы отражение, свидетельство уже пережитого. Я не задавался целью собирательства, коллекционирования каких-то событий, ведь бывают и такие цели. Нет, все шло от жизни, которая обязывала какой-то документ, какое-то письмо, газетную вырезку положить в папку до поры до времени. Это было собирательство без программы, просто по жизни...»

«Любой архив — это ценность, — говорил Владимир Александрович. — А уж архив

художника — ценность вдвойне. В отличие от литератора, у которого работы почти всегда тиражированы, художник достаточно часто расстаётся со своими работами: иногда они уходят от него сами, иногда просто теряются, не возвращаются с выставок. Вместе с каждой работой уходит целый период человеческой жизни, целый период художественной жизни, спроецированный в личность и творчество художника. Все это может оказаться невозможным. Утеря отдельной работы, забвение какого-либо обстоятельства превращаются в невозможность восстановить целое. Вместе с утерей понимания теряется ощущение непрерывности времени, теряется жизнь художника, внутренний смысл жизни, стержень... А вот в архиве Александра Ерофеевича не только пропусков не образуется, но до какой-то степени даже наполняется культурное пространство: я просмотрел картоны отца и убежден, что многие из этих фактов (о которых там рассказано) никак не отражены на уровне знания художественной жизни края у нас.

...Ценность этого архива заключается в том, что художник не только его собрал (вырезки, эскизы, письма), но еще он ввел туда осмысление времени. И что совершенно невероятно для архива (я-то с архивами мало сталкивался) — он вводит в корпус документов свои работы, графику, репродукции или, реже, оригиналы, которые тут же, перекликаясь с какими-то вырезками, документами, вдруг направляют мысль исследователя в русло точного и ясного изучения этого среза. Вот так мне это кажется».

Дороги никогда не повторяются — истина общеизвестная. Разговоры тоже. За полночь. Мы шли по дороге из Криницы в Бетту. Сезон ливней и оползней отошел. Тот год был тревожным и бурным, и проселочная дорога, по которой мы двигались, все время заставляла что-то обходить и куда-то сворачивать... Пейзажи тоже никогда не повторяются, особенно ночные и предзакатные. Едва уловимые скоро меняющиеся запахи, влажный воздух, мгновенно возникающие (и исчезающие) в ночном горизонте сполохи — зеленые, красные, желтые, едва угадываемый очерк

¹ Имеется в виду сборник «Пересечения» (Краснодар, 1995).

дороги (или тропы), иллюзорные метаморфозы горизонта и ландшафта... Причудливость названий звезд и планет... Все так знакомо и так загадочно... Мой спутник — знаток расположения светил: Большая Медведица, Волосы Виктории, Возничий, Персей, Кассиопея, Андромеда... Его речь, повторяюсь, мне всегда слышится медленной и неторопливой. Я прислушиваюсь к его рассказу... Он мне рассказывает о жимолости, кусты которой временами обступают нашу дорогу. Они еще без ягод, не сезон... Вообще-то, я люблю слова... В этом нашем (почти домашнем) странствии меня завораживает слово «жимолость»... Эхо искажает звучание — мне слышится «жиломость»... ..Мне больше нравится псковское звучание — «жиломость»... Нравится вот эта удивительная постоянная способность русского языка (другого не знаю) наслаждаться игрой звуков... Тогда мы говорили о звездах и жимолости...

* * *

С Володей я познакомился в 1980 году. Конкретные даты запоминаются редко, но этому знакомству предшествовали грустные обстоятельства. Умер общий знакомый — художник и коллекционер экслибрисов — Владимир Александрович Пташинский. Ему исполнилось ровно 60 лет. Он готовил в художественном музее¹ экспозицию своей юбилейной выставки. В. А. Глуховцев по его просьбе делал афишу. Они дружили. Но так сложилось, что Пташинский свою юбилейную выставку увидеть не успел. Вместе с Ириной Николаевной Путилиной мы задумали издать небольшую книжицу, посвященную памяти художника (а еще точнее — его экслибрисам). Мне сразу вспомнилась мелькавшая на городских улицах, понравившаяся афиша выставки, захотелось, чтобы обложку книжки сделал незнакомый мне ее автор. Как всегда, денег на издание не было. Кто-то сразу меня предупредил: «Глуховцев, мол, художник дорогой...» Вечером с чувством неловкости я ему все-таки позвонил... Он изданием заинтересовался, мне показалось, в силу своего доброго отношения к Пташинскому. Поиронизировал над слухами о своей якобы «дороговизне», за работу взял

¹ Имеется в виду Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко.

ся с желанием. Мы несколько раз встретились, обсудили издание... Сразу могу сказать, что не был Володя ни дорогим, ни скупым — если проект его интересовал, брался за него в охотку, не требуя вознаграждения... Так началось наше знакомство, которое постепенно переросло в дружеские отношения, продлившиеся тридцать лет... Мы встречались дома и домами, ездили вместе (редко) в командировки, хоронили отцов, сделали несколько общих проектов, вдоволь наговорились... Тридцать лет по человеческим меркам срок долгий...

* * *

За свою жизнь Володя проиллюстрировал много книг: детских и взрослых, умных и не очень, ученых и развлекательных, про путешествия и про любовь, ради заработка и просто ради интереса... В начале творческого пути с заказами (насколько представляю я) ему везло. Не берусь уточнять обстоятельства. Он сравнительно часто оформлял северокавказские издания русской классической литературы, а это обязывает. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов, Б. К. Зайцев — вот далеко не полный список. Можно ли объяснить перечень имен только обстоятельствами и везением? Не думаю. В этом, прежде всего, отражались отношение художника к литературе, искусству, его понимание культуры. Иллюстрировал он и иностранную классику — Сервантеса, сонеты Витезслава Незвала. Много было оформлено книг по краеведению, по истории Северного Кавказа. Впрочем, что перечислять?

Пока он оформлял издания, протекала его человеческая жизнь, которая, как у каждого из нас, складывается из находок и потерь, воспоминаний и обстоятельств, приятностей и неприятностей, долгов и встреч с друзьями. Наверное, нужно было бы поподробнее рассказать его биографию. Но я этого делать не могу, не хочу и не буду. Во-первых, потому что подробно его биографии я не знаю. Не сложно пересказать «листок по учету кадров»: родился (в Геленджике), учился (в Краснодаре: художественное училище), еще раз учился (в Москве: полиграфический институт), наследственных и благоприобретенных владений не имел, женат, имеет сына, должностями отягощен не был (не очень долго числился художествен-

но-техническим редактором в музее Ф. А. Коваленко и доцентом худграфа Кубанского государственного университета), член Союза художников, участник большого количества коллективных выставок, победитель конкурсов, член коллегии краевого департамента культуры, награждался за... и так далее. Но, по большому же счету, всю жизнь оставался только художником, книжным графиком.

Главные поступки художника — это созданные им произведения. А вот о них рассказывать сложно, потому что совершенно непонятно, как рассказывать словами о визуальных искусствах, тем более не искусствоведу. Впрочем, сразу говорю, что искусствоведческого текста мне совершенно не хочется. Еще я бы обратил внимание на то, что Володя умел мечтать, фантазировать, охотно задумывал проекты, мог говорить о них бесконечно, предлагал возможные решения, но далеко не всегда доводил дело до реализации...

* * *

Я больше всего люблю его гравюры (в том числе ксилографии) и поздние монотипии. Мне нравятся его офорты (их сравнительно немного). Не помню ни одной линогравюры. Техника (верность технике), в которой художник работает, предпочтение какой-либо одной в ущерб остальным, преданность жанру — это, прежде всего, отражение личности, характера, темперамента, так мне кажется. Впрочем, Володя и сам признавался, что гравюра и монотипия — его любимые техники. Гравюра (может, это предвзятое представление дилетанта) предполагает особое взаимоотношение с материалом, который не терпит ни небрежной вольности, ни излишней осторожности... Художник в этих отношениях всегда оставался очень тактичным.

Не знаю, общение ли с отцом-художником, особенности гравирования, необходимость постоянно прислушиваться к материалу, а скорее всего — Московский полиграфический институт определили не только его высокую профессиональную выучку, школу, стиль, но и наложили на его ранние работы определенную степень «культурной» несвободы. В разговорах он постоянно называл имена «полиграфических» учителей — Гончарова, Куприанова... но, мне думается, исповедовал

Фаворского... В искусстве книги, в «архитектурности» ее пространства, вслед за Фаворским, он видел некий синтез, «объединяющий объемные моменты, почти скульптуру, с избразительными шрифтами и < графическими элементами>» [3, с. 93]. Володя ни в коем случае не был иллюстратором. Я практически не помню его иллюстраций.

Эстетические поиски Глуховцева были обращены, в первую очередь, к структуре книги и к книжному пространству. Было бы неверно сказать, что его не интересовали содержание и сами по себе литературные образы, меньше всего художник был занят их интерпретацией. Он занимался организацией книжного пространства и читательского восприятия текста. В наших разговорах, в своих монологах он к этому возвращался постоянно. Оформляя книги, он в лучших своих работах акцентировал внимание, конструировал панорамные, воздушные форзацы, авантитутлы, многополосные титульные листы и шмуцтитулы, заставки, концовки. Как раз то, что организует пространство книги. Ко мне могут придрасться: как могут быть форзацы панорамными? Впрочем, все зависит от того, какое функциональное значение мы вкладываем в понятие «форзац»? Помню однажды (это пресловутое «однажды» преследует и будет меня преследовать на протяжении всего повествования) я пригласил на телепередачу Володю Глуховцева и петербургского архитектора Валентина Гаврилова. Мне показалось интересным порассуждать, сравнить в прямом эфире особенности «входа» в книгу (в текст книги) и входа в музейное пространство. Так вот, их монологи во многом звучали эхом по отношению друг к другу.

О том, как Владимир Александрович занимался организацией книжного пространства, красноречиво свидетельствует следующая история. К 125-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова Ростовское издательство задумало издать книгу ««...Таганрога я не миную»: Чехов в Таганроге» [2]. Написать предисловие ростовчане уговорили Владимира Яковлевича Лакшина, известного русского литературоведа и критика. Глуховцеву предложили сделать макет. По Володиному замыслу в оформлении книги широко ис-

пользовались автографы писателя, архивные материалы, неизвестные фотодокументы. Не буду подробно описывать издание, уточню только одну деталь. На обложку он вынес автограф писателя. Каждую главку опять-таки начинал автографом Чехова и небольшой рисованной заставкой... Ему показался нарушением логики тот факт, что предисловие Лакшина расположилось в пространстве чеховских автографов. Он предложил издателям вынести текст Владимира Яковлевича послесловием. Естественно, предисловие и послесловие по своей природе — разные вещи, и в текст следовало внести определенную редактуру. Нужно было звонить Лакшину и просить его об этом. Издатели отказывались, не из принципа — им казалось неловко беспокоить знаменитого литературоведа и просить его перередактировать предисловие в послесловие. А для Володи это было принципиально важным. И он сам позвонил Владимиру Яковлевичу. Рассказывая мне об этом, Глуховцев не вдавался в подробности, но, судя по всему, Лакшин был доброжелателен, он тотчас понял замысел художника и согласился выполнить просьбу. Так Володя выстраивал пространство книги, и там (где было возможно) организовывал архитектуру текста... Кстати, он подарил мне экземпляр с дарственной надписью «Глубокоуважаемому Аркадию Слуцкому с надеждой на творческую встречу. Глуховцев. 10 января 1987 г. Краснодар». Тут мне хотелось бы обратить внимание на одну деталь — дарственную он сделал не на форзаце или титульном листе (там, где такие надписи делаются традиционно), а на последнем листе, под учетно-издательскими данными, вслед за указанием имени художника. Это я все к тому же.

Так вот, о культуре и несвободе... Школа (традиция) — обязательный элемент культуры, без него культура не существует, но (я опять-таки субъективен) всякое творчество начинается либо с преодоления, либо с дальнейшего развития школы... Мне представляется, что путь Володи был от «школы» к «свободе», которую я острее всего почувствовал в его конструкции «...Таганрога я не миную», ксилографиях к «Алисе в Стране Чудес», поздних монотипиях.

* * *

В жизни каждого художника (как во всякой человеческой жизни) происходят события. Однажды Глуховцеву позвонили из издательства «Соло» (говорят, что после телефонного звонка никто об этом издательстве никогда больше не слышал) и предложили оформить книгу прекрасного английского писателя (некоторые утверждают, что и ученого) Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес», и еще одну — «Сквозь зеркало, и Что там нашла Алиса, или Алиса в Зазеркалье». Почему предложили именно ему, не уточнили. Отказаться он не мог: не каждый день и не каждому художнику предлагают такую интересную и необычную работу.

Почему заказ интересный, интригующий и необычный? Может быть, потому что «Алиса» — одна из самых загадочных книг в истории литературы. Книга детская, но ее захлеб читают взрослые. Фантастическая и неправдоподобная, но ее комментируют философы и математики, структуралисты и постмодернисты, спорят о том, чему книжка посвящена, доказывают, что нонсенсы ради нонсенов могут стать предметом высокой логики (Г.Честертон, М.Гарднер, Ж.Делез). Всем понятно, что каждый читатель читает, а художник оформляет книжки по-своему, обращает внимание, прежде всего, на то, что ему близко. Меня (Слуцкого.— О. К.), например, в «Алисе» завораживают странные метаморфозы времени и физическая неправдоподобность пространства. Сама Алиса регулярно повторяет самый нелепый для этой книжки вопрос: «А разве такое бывает?»

Оказывается, бывает. Но сначала... Если о чем-то много пишут, неизбежно скатываются к банальностям. Грешен, хотя бы несколько слов... Всякое сотворенное человеком, мастером произведение — это, как настаивал Володя, путешествие в страну, которая называется Искусством. ...Сложней всего путешествовать книжным графикам — они должны переступить границу собственного «я», вступить на чужую территорию, заговорить (не исключая) на чужом языке... Случается, что мастер норовит назвать страну как-нибудь по-другому. Можно, например, ее назвать Швамбрией, Гринландией. Как у всякой страны, у Искусства есть свои границы, ее подданные

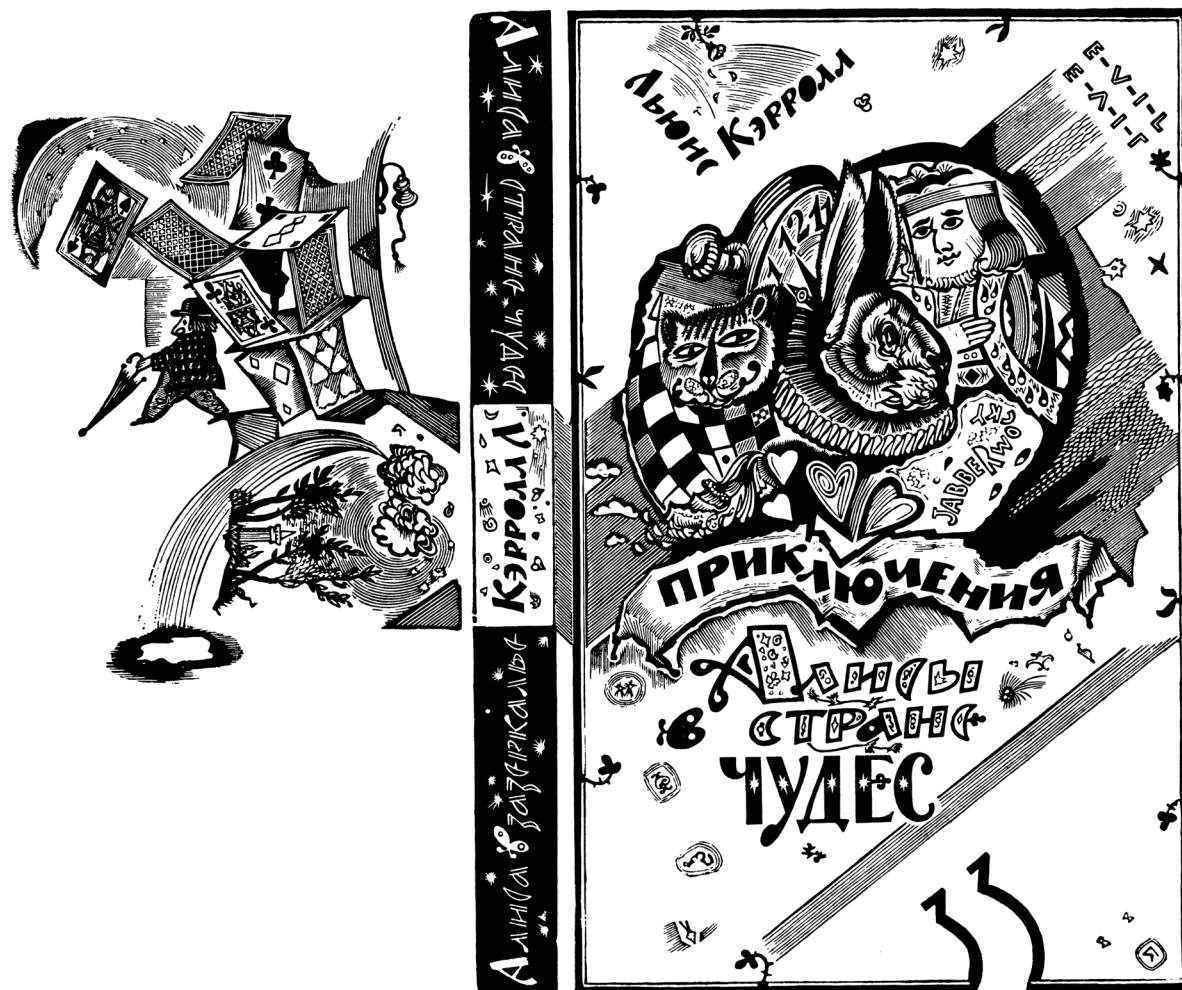

Иллюстрация В. А. Глуховцева к сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»

живут по своим законам, ее жители пользуются особым языком общения. Всевозможные образы, метафоры, метонимии, сравнения, ямбы или хорей и т.д.— это и есть язык (и, одновременно, законы существования) искусства... (Придумали их вроде бы люди, а законы совсем не похожи ни на русские законы, ни на американские, ни на лапландские.) Гёте, естественно, не мог знать или писать о Кэрролле, но, пожалуй, ни одна страна (а он придумал две страны — Страну Чудес и Зазеркалье) настолько не отвечает тысячекратно растиражированной фразе этого немецкого писателя: «Кто хочет понять поэта (художника), должен идти в его страну...»¹

Кроме того, однажды французский философ Жиль Делез, который любил оттачивать свои парадоксальные умозаключения

¹ У И. В. Гете так: «Тот, кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта».

на тексте Льюиса Кэрролла в книге «Критика и клиника», заметил, что «Алиса» творит поверхности и плоскости. На плоскости, по утверждению Делеза, меньше бессмыслицы, чем в глубине, «бессмыслица на плоскости — это своего рода „светимость“»... Разнообразие <линии>, абстракции вполне достаточно, чтобы охватить мир, рассказать о бесконечности, «охватить вселенную, ее ужасы и ее славу: глубину, поверхность, объем или свернутую плоскость» [1, с. 38]. Книжная страница — это всегда плоскость, а художник всегда с ней экспериментирует.

Можно, конечно, назвать воображение Кэрролла хаосом в понятии времени, можно назвать нонсенсом или абсурдом. В своем содержании, сюжете и конструкции текст «Алисы» никак не укладывается в наши реальные представления о времени и пространстве. Сюжет держится на апориях Зенона, время со-

Иллюстрация В. А. Глуховцева
к сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»

стоит из отдельных «теперь», все происходит «здесь» и «сейчас», а все «теперь», «после», «до того, как» перетасованы, как колода карт... Даже Кэрролл вынужден был оправдываться:

*...Но ключ фантазии иссяк —
Не бьет его струя.
— Конец я после расскажу,
Даю вам слово я!
— Настало после! — мне кричит
Компания моя.*

Впрочем, кто-то, походя, утверждал, что «Алиса» была написана от скуки...

«Первоначально, с точки зрения заказа на работу, „Алиса“ вроде бы представляла собой заурядный заказ. Прислали договор по почте, вполне достойный договор... Подписал, отправил...», — так Володя мне рассказывал. Работу он выполнил, издательство с ним сразу рассчиталось (что было несколько необычно, но приятно). Книжку отдельным изданием так никто и не напечатал. Подготовленные гравюры художник регулярно демонстрировал на выставках.

Как Володя работал над «Алисой», рассказывать сложно. На правах старого знакомого я много раз встречался с художником и попытался его разговорить. Каждому понятно, что устные рассказы никогда не звучат абсолютно одинаково. Они — импровизация (особенно в деталях), то умалчивают о чем-то, то дополняют друг друга, то даже противоречат себе. Не только Алиса, но и его рассказы вели себя непредсказуемо... Вместо ответов (вполне в манере Володи) в рассказе чаще звучали вопросы. Он, как Алиса, умел задавать их самым неожиданным образом. Но что меня, безусловно, радовало — на свои вопросы он тут же сам неторопливо и обстоятельно (по-глуховцевски) начинал отвечать. А может быть, доверие к Володиным рассказам — это очередная метафора... А в рассказе об «Алисе» всякая метафора звучит органично.

«Мне заказали оформление, — рассказывал Володя. — Издавалась „Алиса“ не раз, ее оформление тоже уже имеет историю. И об этом написаны книги. Можно нанизывать вереницу имен художников, которые иллюстрировали книгу и, естественно, вспомнить Сальвадора Дали... Можно... Еще при жизни

Кэрролла „Алису“ иллюстрировал английский художник Джон Тенниел. Эти иллюстрации давно стали классическими, они нравились даже ворчливому Кэрроллу. Вообще-то Тенниел был карикатуристом, сотрудничал с английским (популярным) иллюстрированным юмористическим журналом „Punch“. Его рисунки к „Алисе“ тяготели к стилистике журнальной карикатуры XIX века, в некоторых персонажах сквозили черты узнаваемых английских политиков. Естественно, сквозили для того времени и для читателей той эпохи. Современный читатель, понятное дело, совершенно равнодушен к историческим аллюзиям Тенниела, к сходству героев Кэрролла (в его оформлении) с английскими политиками... Текст писателя и рисунки художника объединяет ирония над Викторианской эпохой... Думаю, ирония и инверсия — характерные (если не доминирующие) качества „Алисы“. Так вот, на первый взгляд, самый что ни на есть традиционный заказ. Если честно признаться, то сначала я просто искал образ внешней оболочки, так сказать, „потребительский образ“, для

продажи: обложка, может быть, суперобложка (если денег у издательства хватит), титульный лист, не исключая, несколько шмуцтитулов, необходимые заставки... Но заставки, концовки особой воли не дают, разве что суперобложка и шмуцтитутулы... Иллюстраций я сразу делать не собирался. Я решил в книге сохранить иллюстрации Тенниела, но одеть их в новую обложку.

„Алиса“ — сложный текст, ее нельзя читать между делом... Читая „Алису“, хочешь думать, что она понятна... Но захотеть понять не всегда достаточно, чтоб понять. Как только я приступил к работе, Алиса повела себя, как ей и полагается, неожиданно... Алиса есть Алиса, почему не быть чудесам? Прежде всего, она потребовала не первого рисунка, а материала — она захотела, чтоб ее гравировали на дереве. Эскиз, которым я начинал работу, не пошел. Он был подготовлен для туши, для пера. Дерево его не приняло. Материал, особенно дерево, сам подсказывает решение. Он может позволить тебе что-то сделать, а может и не позволить. По мере того, как я гравировал, работа

Иллюстрация В. А. Глуховцева к сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»

для меня становилась все ближе, интересней, я почувствовал, что дело уже не только в выполнении издательского заказа, дело во мне и моем отношении к „Алисе“. Начали получать выставочные листы. Работать становилось все интересней. Художник-гравер традиционно сначала наносит на материал (будь то металл, будь то дерево) линию, а потом работает штихелем (так называется наш инструмент), но когда я увлекся, то начал прямо рисовать штихелем, то есть сразу рельефно вырезать форму. Один из лучших русских книжных графиков В. Фаворский сравнивал работу ксилографа с работой скульптора, вырубаящего свое произведение в камне. Рука дрогнет, собьется, и уже ничего исправить невозможно — доска, на которой гравировал, пропала. Сложность еще в том, что когда режешь, не видно, что получается. Остается только доверять интуиции. Поковыряешься штихелем, проведешь штрих, припудришь, чтобы стало понятней, что получилось, — а там бабочки — не бабочки, цветочки — не цветочки... бог весть какие фигурки.

Выполнил заказ. Рассчитался с издательством. А „Алиса“ не отпускает. Еще чего-то хочется. Мне вдруг стала интересна не только сама „Алиса“, существующая как литературный текст. Мне эстетически стали интересны научные и литературные комментарии к тексту этого произведения, в том числе Г. Честертон, М. Гарднера, Ж. Делеза. Некоторые из этих комментариев уже сами по себе приобрели популярность. И вдруг я подумал: а почему не попробовать графически прокомментировать комментарий, проиллюстрировать его?

Или еще один подход. Он пришел от прекрасного нашего краснодарского художника — каллиграфа Леонида Иванович Проненко. Мне захотелось в „Алисе“ поработать со шрифтами. Сделать цикл листов, где доминирует шрифт. Один лист уже сделан. Он экспонировался на зональной выставке. Помнишь, там есть такие стихи:

*Папа Вильям, — сказал
любопытный малыш, —
Голова твоя белого цвета.
Между тем ты всегда
вверх ногами стоишь,
Как ты думаешь, правильно это?*¹

¹ Кэрролл, Л. Баллада о старом Вильяме (пер. С. Маршака) [Электронный ресурс] // Papaland (Па-

Я там награвировал рисунок и награвировал стишки, которые не читаются сверху вниз и не читаются слева направо, а читаются справа налево и снизу вверх. Это игра, но она доставила мне и эстетическую радость.

Тут важнее другое — настоящий литературный текст таит бесконечное количество возможных прочтений. И графических тоже. Внешне работа закончена, я имею ввиду издательский заказ, а продолжать ее можно и хочется до бесконечности. Тем более что Кэрролл изначально предполагает возможности совершенно разных фантазий, которые имеют право на собственное существование и понимание».

Но игра обязательно остается игрой, и каждая эпоха, каждое поколение играют в свои игры и свои символы... Иногда они повторяются. Повторяемость типов идеалов в веках тоже довольно удивительна, вместе с их ограниченным количеством в истории и взаимопревращением. Плюс это взаимопревращение, если растянуть его во времени. Можно ли «квантовать» сюжет, «замысел» («Алисы»), можно ли события обозначить как явления дискретные...

Колодец воображения дна не имеет. Он весь в сослагательном наклонении. Алиса может падать медленно и бесконечно. Сквозь землю, поперек земли и даже дальше... Медленного времени падения у нее было достаточно для того, чтобы успевать пофантазировать. Вслед за ней падали автор, иллюстратор, переводчик (я и Володя могли читать только русский перевод) и читатель... Этакое коллективное (не исключаю, что с разной скоростью) падение. Стены колодца могли быть (или были) загромождены чем угодно. Полками с викторианской посудой, книгами о квантовании пространства-времени, шкафами с молотками для крокета. Могли быть увешаны гравюрами Тенниела. Мелькали на полках и банки с апельсиновым вареньем, Володя его попробовал, я же <...> предпочел пролететь мимо... А вот за книжные полки взглядом я все-таки зацепился. Кого там только не было: от Зенона до Делеза... Алиса в падении чувствовала себя прекрасно, примеривала на себя всякие метафоры и метонимии. Девочкой она была

палэнд). URL: <https://papaland.ru/library/lyrics/54.html> (дата обращения: 28.02.20).

настолько рассудительной, что успевала предположить, а что же с ней произойдет «в будущем» и когда же наконец ее пригласят на пятичасовое чаепитие? Тем временем переводчик (и вслед за ним и мы) развлекались разрушением метафор и в зависимости от прихотливости воображения пытались взаимноприспособить понятия «нонсенс», «абсурд» и «квант».

Почему-то общение с Володей мне все больше помнится летним. Время жарко и медленно. В июльской мозаике все время припоминается какая-нибудь деталь... Вслед за Кэрроллом тянет прервать собеседника «сто раз в одно мгновенье»?

Да, Володя любил куртки без рукавов, но с накладными карманами. У Кролика из «Алисы», тоже был жилет с накладными карманами. У Глуховцева в этом кармане лежали очки, у Кролика — карманные часы... Никак сейчас не вспомню, были ли у художника карманные часы... Вроде были, но могу ошибаться... Вообще, в доме Глуховцевых было много старинных (не говорю странных) вещей. Вот по обложке (суперобложке) «Алисы» раскинулась вполне знакомая колода старинных карт... Но, оказывается, они вовсе не старинные, а недавно подаренные Володе каким-то англичанином. Настоящие «английские» карты. <...>

С чеширским котом и Диной (кошка Алисы) все понятно (они действующие лица), но откуда на Володином шмуцтитуле, спрашивается, появился котенок? Белый или черный? «Вспомнил, — шепотом признается художник, — мне хотелось взять в путешествие свою жену Наталью, но она ничего не умеет рисовать, кроме кошки, которая сидит к тебе задом. Простенький алгоритм: ушко — ушко, квадратик, второй квадратик и длинненький хвостик. Я его тоже использовал в гравюре». Это вполне в духе Алисы.

И, кстати, в доме Глуховцевых (насколько я помню) почти всегда жили кошки. Нашу общую любимицу звали Агафья Тихоновна. Она, как утверждал Проненко (наш с Володей приятель), была лечебной...

Пожалуй, я поторопился, начинать нужно с другого. Володя был прирожденным пе-

дагогом. В двухтысячные годы он на профессиональной основе занялся преподавательской деятельностью. На худграфе Кубанского государственного университета читал курс по дизайну книги.

Однажды в университете культуры мы с ним вместе провели занятие с моими студентами. Я читал курс «История русской книги». И, как правило, во вступительной (пропедевтической) его части одну-две лекции посвящал оформлению книги. Мне показалось интересным (важным) дать возможность студентам пообщаться с работающим хорошим книжным графиком. И я пригласил Глуховцева. Его манера читать лекции мне была очень симпатична: я уже писал, он не торопил свою речь, практически никогда не предлагал студентам законченных суждений и окончательных выводов. <...> Создавалось впечатление, что он вслух размышлял, что-то оспаривал, предлагал для обсуждения возможные творческие решения (если речь шла об оформлении конкретного произведения), делился своим опытом чтения и оформительской работы. Было ощущение, что его рассказ — это проговаривание процесса творчества. К доверию располагали ритм его речи, тембр и модуляции голоса. (Его голос любили телевизионщики, к нему с удовольствием прислушивались в радиопередачах.)

Работали мы в два голоса. Перед лекцией условно обозначили, о чем и кто будет говорить. Я выступал в роли противника иллюстрирования (подчеркиваю, не оформления, а иллюстрирования) художественной литературы. Володя — защитником. Понятное дело, в практике все сложнее, не так однозначно... На самом же деле во многом мы были единомышленниками. Повторяюсь, мы исповедовали философию оформления книги незабвенного Владимира Андреевича Фаворского. Для меня Гоголь Агина и Лермонтов Врубеля ни в коем случае не иллюстрации, это то самое эхо культуры, о котором уже говорилось, это когда один художник захлебнулся впечатлением от другого и должен это впечатление выразить...

Приходил по ночам

В синеве ледника от Тамары.

Парой крыл намечал,

Где гудеть, где кончатся кошмару¹.

¹ Пастернак Б. Л. Памяти демона [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <https://rupoem.com>.

Разве это иллюстрация к Лермонтову или Врубелю... Не только береза или женская ножка могут стать предметом вдохновения. Скольких художников, поэтов, композиторов вдохновляют уже созданные человеком произведения искусства? Стихи Пушкина, Гете, Лермонтова, Тютчева ...

В ходе лекции мы вдруг заспорили о том, насколько органично оформлять «Евгения Онегина» в ксилографии. Мне пушкинская поэтика «Онегина» «ксилографической» не казалась:

— «Домик в Коломне» я могу представить в этой технике, а вот «Онегина» нет.

Володя показывал прекрасные ксилографии Константинова (он делал очень красивого «Онегина» в дереве), но меня не убедил.

— Вот у Фаворского есть статья, как бы он иллюстрировал то, что в жизни он не иллюстрировал (в том числе «Евгения Онегина»), — говорил он.

Перед авторитетом Фаворского я, не споря, ретируюсь. Мы даже несколько горячимся. Студенты не совсем понимают содержание нашего спора, растерянно переводят взгляд то на Владимира Александровича, то на меня. Сейчас я скажу фразу, за которую на меня обрушатся педагоги... Мне кажется, что в каждой лекции для студента должна оставаться толика чуть-чуть тайного (непонятого) обещания, интриги.

Студенты слушали Глуховцева заворуженно. К моим лекциям, к моему голосу, к моим аргументам они привыкли, а тут человек новый, импозантный, (студенты библиотечного факультета все больше девушки) с доверительным, привораживающим тембром голоса. Кроме того, Володя принес на лекцию целый груз всяких плашек, штихелей, пробных оттисков, различных «граверных» инструментов... Согласитесь, это заведомо должно было привлекать...

Впрочем, как у всякого преподавателя, в его голосе всегда звучала пояснительная, объясняющая, настаивающая нотка. Она была характерна для Глуховцева и во время общения со студентами, и во время общения с коллегами-художниками. Это не мешало

ru/pasternak/prixodil-po-pocham.aspx (дата обращения 28.02.20).

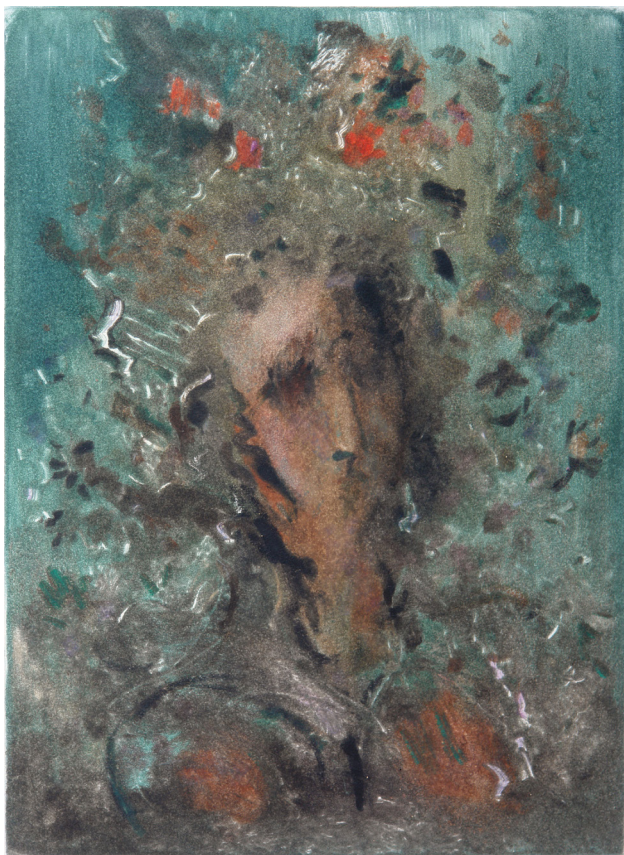
ему позволять студентам прямо на парах организовывать выставки-обсуждения своих проектов. Однажды я присутствовал на таком мероприятии и, честно говоря, удивлялся, насколько он (скажем так, при некотором своем консерватизме) был демократичен и сколько свободы студентам позволял... Впрочем, это не мешало ему в оценках их работ быть и достаточно критичным. Часто он бывал критичен и в оценках произведений признанных кубанских художников. Но и признавать успехи других был искренне готов. Помню, с какой теплотой Володя говорил о Викторе Васильевиче Каменеве как о мастере этюда и «быстро чувства». Я не искусствовед и не готов судить, всегда ли и насколько были справедливы или субъективны его замечания. Но его анализ творчества Каменева на меня произвел впечатление.

Авторитет Володи в кругу художников, которых я знал, был очевидно высок, к его замечаниям прислушивались и на них редко обижались. Всегда авторитетно и взвешенно звучали его выступления на заседаниях коллегии департамента культуры... Но вот что обращало на себя внимание, в этих оценках практически всегда чувствовалась «школа», от того они иногда звучали несколько ортодоксально и академично...

«А когда в следующий раз придет Владимир Александрович?» — вновь и вновь спрашивали меня студенты спустя несколько лекций.

Время лекций обязательно когда-нибудь заканчивается. Но чему бы ни был посвящен разговор с Володей или его лекция, они всегда выводили на пушкинскую тропинку. Пушкинская тема — тема обязательная.

«Иногда, — говорил Глуховцев, — я чувствую, будто Пушкинское наследие — это такой большой шар, в котором заключены и выражены все, какие только возможно, человеческие чувства, эмоции, страсти, переживания и обстоятельства. В пушкинских текстах можно увидеть начало любого сюжета, которым будет жить русская литература последующие два века. Пониманию отдельного человека пушкинский шар недоступен, мы все (в лучшем случае) позна-

В. А. Глуховцев. «Московская Венера»

ем только крупицу Пушкина, и оттого так много в литературе „моих Пушкиных“, есть Пушкин-государственник, а есть „декабрист“, есть влюбчивый повеса.

И если Алисин шар может все время расти, шар Пушкина расти не может, потому что все уже таится внутри самого Пушкина и его творчества. Поэтому мне постоянно хочется общаться с Пушкиным, я и новых пару вещей задумал, но вот не складывается, по разным причинам. Но я наметил, что сделаю в дальнейшем, или, может быть, сделаю. Мне хочется сделать в монотипии. Есть один ход, который я в монотипии еще не использую. Монотипия позволяет сделать удар, прочертить по цветовому тону чем-то, и тогда обнажится основа, которая пропечатается белым. Это невозможно сделать в живописи, там необходим мазок живописный, это невозможно создать в акварели, это можно создать только в дереве, если ты владеешь резцом... Но там совершенно другая природа... А тут на живописном фоне можно сделать жесткий графический ход. Не хочу делать иллюстрации. Су-

ществует целый ряд портретов его лицейских друзей, и если на живописной основе вдруг резко выбранные белые контуры, в которые можно вкратить какой-то цвет, черный цвет, то это уже графическая форма. И еще, я мало использовал, а отец и вовсе не использовал, если монотипия делается жидко и карандаш жирный ложится, то карандаш, как ни странно, переходит с доски монотипной на отпечаток. Жесткий карандаш не переходит. И вот мне хочется... Карандашный рисунок, по нему ложится общее цветовое пятно, по которому прорабатываются белые жесткие штуки... Таким образом, три ипостаси: карандаш, который отпечатался, но мягко, живописная форма, по которой графическая линия. Не знаю, что из этого получится. Но в этой технике я еще буду работать.

Общался я с Александром Сергеевичем в технике монотипии. В биографии „моего Пушкина“ и моей биографии такой факт есть. Делал триптих к „Пиковой даме“. Если честно, триптих получился случайно. Две работы непосредственно связаны между собой — „Московская Венера“ и „Старая графиня Анна Федотовна“. Я их готовил как листы к пушкинской „Пиковой даме“. А монотипию „Цветы промелькнувшего лета...“ я оттиснул многими годами раньше. Но однажды на выставке я ее экспонировал между молодостью и старостью, и она очень хорошо прозвучала. Как бы организовала триптих. Такое тоже бывает. С тех пор я их выставляю вместе. Но в этой технике я еще буду работать с Пушкиным. Очень надеюсь...»

«Мне привелось оформлять два издания Александра Сергеевича,— рассказывал Володя.— О первом опыте мне и говорить не хочется, он мне не удался... Сначала мне показалось, что это несложная работа. Пушкинские образы, на первый взгляд, до такой степени прозрачны, узнаваемы, читаются легко, что кажется, будто все его образы, мысли, ассоциации — это твои образы, мысли и ассоциации. Нужно просто найти средства (например, графические), чтобы их выразить. Но только начинаешь работать, вчитываться в пушкинский текст — видимость легкости тотчас исчезает, остается одна сложность. Наступает даже растерянность. Вроде все знакомо, но только присмотришься, оказы-

В. А. Глуховцев.
«Старая графиня Анна Федотовна»

вається, що твої образи взагалі не пушкінські, що вони бідні і скучні, що достойно оформити видання поета практично неможливо. І до пушкінського берега, до пушкінського світа-світа тебе ох як далеко. Нічого до нього додати неможливо — ні простоти, ні складності. Не потребує він ні в яких ілюстраціях.

Второе издание планировалось ростовским издательством как юбилейное, сувенирное. Заказ был заманчивый. Издатели (редкий случай) мне ограничений и условий не ставили. Естественно, я остановился на текстах, связанных с Кавказом. Решил сделать в одной папочке два тома произведений периода южной ссылки: первый — стихи, второй — поэмы. Вообще, следует не забывать, что выпуск книги — процесс сложный. Он зависит не только от художника, конструктора книги, но еще и от финансирования, от типографа. Денег, конечно, как всегда, не хватило. Мне предложили объединить два задуманных издания в одно и дать общее название — „Близ дивных

В. А. Глуховцев.
«Цветы промелькнувшего лета...»

берегов“¹. А первоначальные названия ушли в шмуцтитутулы. Путь наметился сразу однозначный. Опять-таки, я не собирался делать иллюстраций, тем более графическими средствами пересказывать пушкинский поэтический текст. Мне важно было просто обозначить (структурировать) книжное пространство текста, сделать его легко воспринимаемым для читателя, графически обозначить среду, деталь, воздух, которые окружали (вдохновляли) Пушкина в период южной ссылки, или графически проявить те обстоятельства, которые так или иначе были связаны с историей создания текстов. Не иллюстрации, а обложка, шмуцтитутульные развороты, заставки, организующие книжное пространство, отделяющие один текст от другого. Для них я использовал небольшие и ни в коем случае не сюжетные гравюры, а над ними короткие фразы автографов из писем или самого Пушкина, или

¹ Пушкин А. С. Близ дивных берегов: Юж. ссылка. Кавказ; [худож. В. А. Глуховцев]. Ростов на-Дону: Кн. изд-во, 1988.

воспоминаний его современников, копии дорожных, рисунки художников того времени, изображение того, что сопутствовало поэту. Все больше в деталях. Это был вариант графического комментария. Например, перед „Кавказским пленником“ на развороте (шмуцтитуле) — сторожевая казачья вышка и гряда гор вдалеке. А над гравюрой — текст из знаменитого письма Александра Сергеевича: „Видал я брега Кубани...“ Вроде бы иллюстративный момент, но он не иллюстрация, он не объясняет Пушкина, не навязывает правила или принципы прочтения поэмы, не рассказывает о героях...»

В целом в оформлении Пушкина это был ход не новый. Прекрасный книжный график Николай Кузьмин, работая над «Евгением Онегиным», не пытался иллюстрировать — он создавал пространство обитания пушкинских героев, да и самого поэта. Иногда возникало ощущение, что какой-нибудь анонимный читатель листал книгу, подчеркивал, размышлял, все же остальное — просто прихоти карандаша, фокусы пушкинского обаяния...

К иллюстративному решению иногда подталкивали поэмы, их сюжетность. Естественно, что-то удавалось лучше, что-то не удалось. Ну вот, скажем, — «Цыгане». Опять-таки, разворот — два темных графических пятнышка на полях. Слева и справа — две маленькие гравюры. Слева — шатры, а справа — уже костры разожгли, кто-то с медведем, кто-то на бубне... Не иллюстрация, а сценка, построенная по законам обычной жанровой картинки.

Путешествие с Пушкиным

Однажды я по случаю зашел в его мастерскую на Суворова. Кстати, практически никогда у Володи не было достойной мастерской. Хотя право на нее он имел, как член Союза художников, заслуженный художник РФ, член коллегии департамента культуры. Но, имея право, чаще хлопотал о коллегах-художниках. Помню его хлопоты о мастерской для Леонида Ивановича Проненко. Да и на Суворова, по большому счету, была не мастерская, а квартира в старом жилом фонде, но он пытался ее приспособить и благоустроить под мастерскую.

Еще мы с ним ругались по поводу... Он был участником огромного количества кол-

лективных выставок самых престижных уровней, но у него так и не состоялось ни одной персональной. На выставку (глубоко убежден) он тоже имел право... Художественный музей относился к нему очень хорошо, и получить «добро» на выставку Володе не составило бы труда... Я не берусь воспроизводить его аргументы, какие-то из них звучали убедительно, какие-то нет. Только через год после его смерти, в 2011-м, музей экспонировал прекрасную выставку Глуховцевых — Александра Ерофеевича и Владимира Александровича...

Тогда мы сидели вдвоем на «суворовской» кухоньке. Помнится, была газовая (а может, электрическая) плита. Варили картошку... и как-то душевно разговаривали. Он в то время работал над монотипией «Заблудившийся божок». Работал с удовольствием. Говорили о Гёте... А потом опять заговорили о Пушкине.

Суворова — улица шумная. Совсем близко от вокзала. Чадили, разворачиваясь, тяжелые междугородние автобусы и грузовики, искрили троллейбусы, торопилась бездна всякого транспорта... Двери мастерской выходили прямо на улицу...

Однажды (в 1820 году) совсем недалеко от улицы Суворова по Ставропольскому шляху, минуя Екатеринодар, проезжал Пушкин с семьей генерала Раевского. Транспорт был, конечно, иной. Совсем не важно, на чем ехал. Может быть, верхом (нет, точно, не верхом он ехал), может быть, в пролетке, карете, бричке, кибитке или вовсе на перекладных? Пушкин бубнил себе по нос:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?¹*

Я постоянно ловлю себя на нарушении хронологии. Это, наверное, прихоти воображения и памяти. Вовсе не в 20-м году Пушкин бубнил «Дорожные жалобы», а спустя девять лет, после того как Бекендорф отказал ему в праве поехать в Италию и Францию.

— А может, он все-таки съездил в Италию? — ностальгически спрашивал Володя...

¹ Пушкин А. С. Дорожные жалобы [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/721/p.1/index.html> (дата обращения 28.02.20).

В. А. Глуховцев.

«Заблудившийся божок меж двух раковин»

— Ты говорил, что мечтаешь сделать монотипию «Пушкин в Италии», — настырно допрашивал я. — Но ведь ни Пушкин, ни ты в Италии не были... Как изображать в деталях «не существовавшую», не «осуществившуюся» реальность... Искусство такими играми, конечно, развлекается. Особенно по части Пушкина... Куда его только не посылали Андрей Битов и Реваз Габриадзе? Впрочем, погоди, сначала скажи мне, а где, собственно, бывал ты?

— Ну, в Москве, я там учился, в Петербурге, в Краснодаре, в Ростове, в Геленджике, Нальчике... Еще я был на Соловецких островах и в Кринице... впрочем, где я еще не бывал? Ведь когда я читаю или оформляю какого-нибудь автора, что, собственно, делаю? Я путешествую... Недавно был в Таганроге, общался с Антоном Павловичем, изъездил практически весь Северный Кавказ, в Екатеринодаре XIX века оказывался не раз. Кстати, бывал в Венеции (у Глуховцева есть монотипия «Карнавал в Венеции». — А. С.)... У меня есть одна дурная мысль. Она родилась благодаря московскому приятелю — Дмитриюку. Я хочу Пушкина послать в Италию. Там он должен встретиться с Амалией Ризнич. И вот в этом же цикле монотипий — такая — «Пушкин и Амалия Ризнич в Неаполе». С Ризнич устроить свидание в технике монотипии проще, хотя бы потому, что она в пушкиноведении осталась тайной, полузагадкой. Техника изящная, романтическая, в ней доминирует

В. А. Глуховцев.

«Карнавал в Венеции»

настроение, обещание, тайна, она не обязательно обращена к правде. Это к вопросу о материале: сам материал толкает в неправду, в пространство воображения. Печатная форма, но ускользящая, оттиск, а существует только в одном экземпляре. Это не Керн и не Воронцова... Ничего, ни одного портрета (кроме пушкинского рисунка), ни одного письма или документального свидетельства... <...> Известно, что итальянка... жена сербского коммерсанта... Посвящение остается полутайной, полудомыслом... Исследователи до сих пор спорят: ей ли посвящены пушкинские строки?..»

Образ Италии (для Глуховцева, впрочем, как и для Пушкина), образ Венеции вовсе не связаны с реальной встречей со страной или с городом, в первую очередь, они — знак культуры, эхо — отражают отраженное литературное знание, восприятие образа Италии европейской (Т. Тассо, Ф. Петрарка, А. Шенье, м-м де Сталь, И. В. фон Гёте, Д. Байрон) и русской (К. Н. Батюшков,

И. И. Козлов, Д. В. Веневитинов, Е. А. Баратынский) культурой.

*Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви...¹*

Италия — как некий общекультурный образ начала XIX века, на фоне пейзажей которого можно наслаждаться свободой, вдохновением и любовью. Но почему в Володинском представлении встреча ревнующего Пушкина и Ризнич должна состояться там? В стихах на это даже нет намека... Мне лично проще представить встречу в одесском оперном театре:

*А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам...²*

Фантазии могут быть какими угодно (хорошо бы оставаться в границах такта и вкуса)... Они все заложены в пушкинском мышлении, языке, образе... Но ни он — Володя Глуховцев, ни я — Аркадий Слуцкий в Италии никогда не были...

«В этом же цикле (в монотипии) Пушкин ну прямо-таки обязан побывать в Испании,— добавляет Володя, он никак не может или не хочет закончить разговор о Пушкине.— Он ведь очень хорошо Испанию знал, знал ее культуру и литературу. Он ведь бывал в Испании, там Александр Сергеевич написал не одно произведение. Просто нам об этом почему-то не говорят. И Цявловский в своей книжке забыл об этом написать. Почему-то это скрывают. Уехал же Пушкин, никого не спросясь, не получив официального

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Гл. I, стр. XLIX // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / ред. и примеч. Б. В. Томашевского. 4-е изд. Ленинград: Наука, 1977. С. 25.

² Пушкин А. С. Отрывки из путешествия Онегина // Пушкин А. С. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5 / ред. и примеч. Б. В. Томашевского. 4-е изд. Ленинград: Наука, 1977. С. 178.

разрешения, во вторую кавказскую поездку... Бенкендорф же как возмущался. Просто разгневанные письма о поездке в Испанию где-то затерялись. А серию монотипий мне сделать хочется: имею я на это право? И я знаю, что это должно быть в монотипии. Эта форма „легковесная“, она не должна быть правдой. Впрочем, в Испании Пушкин, в моем представлении,— это уже скорее ксилография.

А в монотипии еще хочу сделать цикл портретов пушкинских друзей, особенно Дельвига. Прямо-таки просится. Это для меня чисто эстетический ход, во-вторых, это ход в монотипии, который может позволить себе то, чего другой техникой и не добьешься. А может быть, и не так.

Блажен, кто за рубеж

наследственных полей

Ногою не шагнет, мечтой не унесется...³

В этой фразе можно услышать иронию, и насмешку судьбы, и горечь за судьбу поколения... Ах, этот пленительный Дельвиг с его „Тихой жизнью“... Он как бы предвидел судьбу поколения Лермонтовых...»

В разговорах мы почему-то в окружении Пушкина чаще всего поминали его...

[Путешествие в Прагу]

В начале двухтысячных мы с Володей чуть не доехали до Праги. Но не сложилось. Пришлось мне ехать самому. Я до сих пор жалею. Во-первых, оказавшись без него, я города так и не увидел. Неделю просидел в архиве и библиотеке, разыскивая и ксерокопируя всякие документы о кубанской эмиграции. Если бы он поехал, убежден, что все происходило бы по-другому, в другой перспективе и в другом времени. Не исключаю, что мы бы вспомнили его полночный (увы, не средневековый) фронтиспис (в технике меццо-тинто) к сонетам чешского Незвала. <...> Главное, я убежден, мы бы бесконечно блуждали по удивительной старой Праге. Смешение барокко, готики, классицизма, хаотичное пересечением вертикалей и горизонталей, эпох и культур. Бесконечное количество циферблатов, остановившихся часов, торопящихся мгновений по фасадам пражских костелов.

³ Дельвиг А. А. Тихая жизнь [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <https://rupoem.ru/delvig/blazhen-kto-za.aspx> (дата обращения: 28.02.20.).

...Изменчивая перспектива времени и эфемерная попытка его измерения... Огромные окна костелов с многоцветными витражами. Лица верующих и туристов, на которых эти витражи отражались самыми невероятными фантазиями. Ряженные зазывалы под оперным театром. Толпы студентов, уютно рассыпанных на траве вокруг всевозможных памятников.

Кто-то говорит, что без воспоминаний о Праге вполне можно обойтись, но в этих пражских перепутанных улицах и пе-

реулках я чувствовал присутствие Володи. Модальность обстоятельств (не упрекайте меня в том, что это только грамматическая реальность) ничего не исключала. Не знаю, в чем могла бы воплотиться его поездка в Прагу — может быть, в Володиной ксилографии или монотипии. Может быть, в моих стихах. Наконец, могла просто остаться образом в памяти. Что поделаешь, люди культуры живут ее эхом, образами, мифологией. Если Глуховцев мог представить себе Пушкина в Италии, то почему я не могу

увидеть и почувствовать Глуховцева в Праге... Несколько раз по вечерам из пражских переулков я звонил Володе в Краснодар. Теперь все это осталось моей фантазией, без которой, не исключаю, вполне можно обойтись...

Однажды (в мой день рождения) Володя Мигачёв подарил мне маленький живописный этюдик (пейзаж) «Октябрь». Он очевидно был только написан, краска не успела еще высохнуть... Сидели мы в мастерской Евгения Казицына... Глуховцев начал его пристально рассматривать и прикоснулся пальцами к живой краске. Так у меня и остались на «Октябре» автограф Мигачева и дактилоскопический отпечаток пальца Глуховцева.

Владимир Александрович Глуховцев (фото А. Е. Рябко)

Arkady I. SLUTSKY

Cand. Sci. (Library Sciences, Bibliography and Bibliology), Prof., Associate Researcher,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Atlanta, United States of America,
ekhlakova@yandex.com

From the Series "Walks and Dialogues with Vladimir Glukhovtsev"

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the biography and features of the creative worldview of Vladimir Glukhovtsev, an artist and book illustrator. The published materials were created

by the scholar and poet Arkady Slutsky, who had been a close friend of the artist for thirty years. The methodological basis of the publication was the historical-biographical method, which allows revealing the features of the historical process through the analysis of various situations and micro-plots that arise in human life. Slutsky's memoirs that he wrote over the last years of his life constituted the main factual outline of this article. The materials of the article were works of Russian and foreign philosophers and theorists of fine art, works of the classics of Russian literature. Consistently presented micro-plots (about the Glukhovtsev dynasty and the archive of Alexander Glukhovtsev (the artist's father), about working on illustrations for "Alice in Wonderland", "Traveling with Pushkin", "Traveling to Prague") reveal various features and events of the artist's creative biography in a postmodern way. The research focuses on Glukhovtsev's experiments in the field of book design, on his pedagogical activity and inner imaginative world. Slutsky describes and analyzes Glukhovtsev's cultural environment in the context of the intellectual demands of Russian society at the turn of the 21st century, rich in turbulent sociopolitical events. The concept of factual presentation of the material is supplemented by oral history, the artist's live speech, reproduced textologically from the phonograms of conversations with Glukhovtsev that Slutsky transcribed. A valuable part of the content of the article is the so-called philosophical and lyrical digressions, an attempt to comprehend everything that happened to the author and the character in space and time. The author concludes that the aesthetic searches of Glukhovtsev as a book graphic artist were focused on the structure of a book. The main task of the artist was the organization of the book space and the reading perception of the text rather than the interpretation of literary images. The artist sought to focus the reader's attention in a special way, and for this he masterfully used a set of techniques for designing printing elements in his own authorial style. Having begun his career as a successor of the traditions laid down by the luminaries of the Russian graphics of the 20th century (Vladimir Favorsky, Andrey Goncharov, Mikhail Kupriyanov), Glukhovtsev eventually developed his own approach to artistic creativity, while being able to maintain a constant and lively connection with the academic tradition.

Keywords: Vladimir Glukhovtsev, Alexander Glukhovtsev, book illustrator, Ekaterinodar, Krasnodar, Lewis Carroll, Alexander Pushkin, Evgeniy Kazitsyn, Vladimir Migachev, archive, lectures, Vladimir Ptashinsky, history of Russian books, book business, book design, culture, woodcut, monotyping.

Использованная литература:

1. Делез Ж. Критика и клиника: пер. с франц. СПб: MACHINA, 2002.
2. «...Таганрога я не миную»: Чехов в Таганроге» / общ. ред. и послесл. В. Л. Лакшина; худож. В. А. Глуховцев. Ростов-на-Дону: кн. изд-во, 1985.
3. Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М: Книга, 1986.

References:

1. Deleuze, J. (2002) *Kritika i klinika* [Critical and Clinical]. Translated from French by O.E. Volchek and S.L. Fokin. Sankt-Peterburg: MACHINA.
2. Lakshin, V.L. (ed.) (1985) "...*Taganroga ya ne minuyu*": *Chekhov v Taganroge* ["... I Will Visit Taganrog": Chekhov in Taganrog]. Rostov-on-Don: Kn. izd-vo.
3. Favorskiy, V.A. (1986) *Ob iskusstve, o knige, o gravyure* [On Art, On Book, On Engraving]. Moscow: Kniga.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Слущкий, А. И. Из цикла «Прогулки и диалоги с Владимиром Глуховцевым» / А. И. Слущкий // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 44–63. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.004

Full bibliographic reference to the article:

Slutsky, A. I. (2020) From the Series "Walks and Dialogues with Vladimir Glukhovtsev". *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 44–63. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.004

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела комплексных
проблем изучения культуры Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Российская Федерация

Elena Yu. TRETYAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Southern Branch of the
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,

drevo_rechi@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9715-7378

УДК 930.85:82-1(470.620+470.324)“19/20”
ГРНТИ 13.11.28
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.005

**«Я уловил мгновенный
привкус правды»:
о поэзии Аркадия Слуцкого**

**“I Caught the Instant Hint of Truth”:
About the Poetry
of Arkady Slutsky**

Цель статьи – осмысление научного мировоззрения и творческого пути Аркадия Иосифовича Слуцкого (1940–2019), ученого, историка книги, поэта и педагога. Методология основана на историко-биографическом подходе. Материалами послужили поэтические сборники и научные статьи А. И. Слуцкого, исследования историков и культурологов, которые помогли раскрыть биографический контекст основных поэтических циклов и жанрово-стилевую палитру лирики А. И. Слуцкого. Творчество поэта рассмотрено в тесной связи с событиями его жизни и с особенностями динамики литературного процесса в российской провинции второй половины XX – начала XXI в. Автор статьи обосновывает свою версию подхода к поэтическому миру Аркадия Слуцкого. Проанализирована выработанная А. И. Слуцким концепция культурных взаимодействий между столицей и провинцией. Сделан вывод о том, что качественную поэзию отличает «мгновенный привкус правды». Эта черта является сущностным свойством поэзии, свойством провиденциальным, а не провинциальным.

Ключевые слова: современный литературный процесс, столица и провинция, литература Кубани, биография, поэтическое творчество, Аркадий Иосифович Слуцкий, история книжного дела Юга России, художественная жизнь Краснодара.

Шесть десятилетий активной творческой жизни — путь немалый, тем более что пройден он на стрежне культурного потока, отнюдь не в тихих заводях. Все знавшие Аркадия Иосифовича Слуцкого засвидетельствуют: поэт шел в ногу со временем, разве что не поторопился воспользоваться правом на авторский сборник. Первая его книга стихов «Пересечения» [10] вышла, когда автору исполнилось 55 лет. В ней есть стихотворение:

*Живу не медленно и не сказать,
что спору —
В шелку, в долгу, бездомно и в дому.
Стараюсь не ввязаться в разговоры.
Ни замыслов, ни планов не пойму.*

*Откуда что и как оно берется?
Как зайчик солнечный, словцо произойдет,
Прозрачным лбом в предмет
и плоть толкнется,
В грамматике пространство обретет...*

*И будет жить, уже не мной ведомо,
По собственным законам бытия...
Не разобрать: всерьез или шутя?
В шелку, в долгу, в дому, помимо дома...*

Это автопортрет в координатах обстоятельств, пространство и время которых не продиктованы извне. «Бездомно и в дому», «не медленно и не сказать чтоб спору»... Так жил, так беседовал с музой и с современниками этот обаятельный и цельный человек, в судьбе которого соединилось не просто многое — пожалуй, самое главное, что происходило с соотечественниками и страной на протяжении трех четвертей века.

Аркадий Слуцкий родился 11 октября 1940 г. Город его детства — Киев. Учился он в мужской школе № 25 и параллельно освоению рабочей специальности занимался литературой в студии при журнале «Молодь».

В 1962 г. сбылась его мечта поступить в вуз. Филфак Воронежского университета стал первым пунктом нестандартно складывавшейся судьбы. Начало учебы пришлось на разгар «борьбы с „формализмом“». Юношу разобрали по комсомольской линии за его оригинальные, отнюдь не барабанные стихи, и «вычистили» с курса. Пришлось возвращаться в Киев, снова работать слесарем-сборщиком на военном за-

воде. Однако зигзаг судьбы сделал потерю обретением. Вернуться и закончить учебу заочно (диплом защитил в 1968 г.) удалось благодаря заступничеству Натальи Евгеньевны Штемпель. Под кровом ее дома семья несправедливо обиженного поэта (Аркадий и его жена Римма) нашла поддержку. Тогда, в 1965 г., Слуцкий впервые увидел записи «Воронежской тетради» и других стихов Осипа Эмильевича Мандельштама, созданных в 1832–1934 гг. Три толстых голубых блокнота, на первом из которых рукою Надежды Яковлевны написано «Наташина книга», были главной реликвией, оставшейся от времен воронежской ссылки поэта. Наталья Евгеньевна Штемпель, рискуя многим, сберегла во время войны и сохранила ценнейший архив писем и документов.

У Аркадия Иосифовича есть стихи, посвященные Наталье Евгеньевне, и автобиографический очерк, где Слуцкий рассказывает: «Последний раз мы виделись с Натальей Евгеньевной летом 1968 года на платформе воронежского вокзала. Я уезжал из Воронежа в Краснодар на красно-синем экспрессе „Кубань“, а провожали меня Наталья Евгеньевна и Александр Иосифович Немировский. Говорили какие-то теплые слова, по праву возраста в чем-то убеждали и наставляли. Меня много лет мучил и мучает вопрос: почему Наталья Евгеньевна отнеслась ко мне так хорошо? Человек, близко знавший О. Мандельштама, друживший с ним, отличавшийся безупречным поэтическим вкусом, встречавшийся с А. А. Ахматовой... Почему?..» [14].

Наталья Евгеньевна умерла в 1988 г. А стихи — дань благодарной памяти длиной в 45 лет — возникли в 2001-м. Этот диптих в сборнике «Пока я странник» [11, с. 8–9] начинается строкой стихотворения «Есть женщины, сырой земле родные» (1937), которое Осип Эмильевич адресовал Наталье Евгеньевне и просил после смерти считать его завещанием.

И расставаться с ними непосильно.

*О. Мандельштам
Я часто вспоминаю этот дом,
Я забываю этот дом с трудом —
Страннопримный дом моих стихов
и странствий, —*

Мне хочется с хозяйкой поболтать,
Прочесть стихи, но лучше помолчать.
Ведь за окном октябрь,
и скоро быть ненастью.

Как нас меняет этот долгий мир,
Как вечность медленна,
как быстротечен миг...
Как с каждым днем грустнее наши лета.
Но наступает ненароком час
Любви и верности... Тогда спасает нас
До боли памятный зеленый томик Фета.

* * *

Я читал Мандельштама. Но падал
на решку пятак –
Бирюзовый учитель, сверчок,
попрыгунчик, дурак.
По чужим общежитьям.
На старых и рваных матрацах
Я зачем-то учил свою душу
летать и смеяться.

Я читал Мандельштама.
И пил за Воронеж вино.
Проворонишь сегодня — а завтра
вернуть не дано.
Ни Армения охрой, ни привкус,
ни злой шепоток
Предварительных камер,
ни синего неба глоток

Не спасут от матрацев, от запахов,
от кутерьмы –
От опальной и южной, сырой,
тонкогубой зимы.
Что сплошной Петербург от некрополя
и до Невы? –
Ни словца в кулачок, ни хулы, ни любви,
ни молвы –

Там сквозняк переводов, озноб
ненаписанных строк —
Там сверчок ненароком — а может быть,
просто урок.
Повторенье азов, понизовье
азовских станиц –
Там кочевья поэтов, зимовье
встревоженных птиц.

Я сюда не хотел. Ни строкою,
ни временем вспять –
Возвращают из ссылок,
чтоб снова однажды сослать.
Он туда не хотел. Там не пахнет
жильем и жилым —
Мимо времени вспять. Только
как возвратиться живым?

Молодым участникам художественного процесса шестидесятых еще, как главное мерило, была дана возможность таких личных встреч... При вести об уходе Анны Ахматовой Давид Самойлов с горечью обронил «...Нету их и все разрешено!» — в предчувствии того, что, потеряв соразмерность классике, литературный процесс окажется игрушкой случайных поветрий:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса

[3, с. 64].

В шестидесятые — семидесятые — восьмидесятые именно так и случилось под жестким напором факторов, навязывавших извне правила игры. Критики твердили, что смена стилевых «волн» придает динамику, «энергию творческих противоречий», а вне принадлежности к течениям и группам творческая индивидуальность «легко лишается своего особого места в литературном процессе», идейно и эстетически «обобществляется и усредняется» [15, с. 151].

Почему с конкретно взятым поэтом Аркадием Слуцким никакой «утраты места» не произошло? Как возникла справедливо отмеченная в предисловии к сборнику «Пересечения» (1995) Юрием Гречко свобода передвижения в океане поэзии, откровенную и естественную принадлежность водам которого выдает выпуклость горизонта в строфе, строке?

Поэзия обретает артистизм вместе со стремлением мыслить и говорить на языке великих предшественников.

Не это ли кристаллизовало изнутри самобытную поэтическую личность, позволяло сопротивляться внешнему напору? Подобный вопрос поставили авторы статей «Поэт иных оснований» и «Мир в кристалле провинциального времени», напечатанных в сборнике

«Среди текстов» [12], которым Краснодарский государственный университет культуры и искусств (КГУКИ) ознаменовал 65-летие Аркадия Иосифовича.

Помещенная в сборнике библиография публикаций Аркадия Иосифовича Слуцкого за 40 лет (1966–2006) поражала обилием статей, заметок и эссе о собратьях по поэтическому ремеслу (В. М. Поляков, И. А. Зубенко, В. И. Дмитриева, Б. Н. Бойчук, В. М. Жилин, Ю. С. Гречко и др.) и о друзьях-художниках (В. А. Пташинский, А. Е. и В. А. Глуховцевы, М. М. Горлов, Е. Е. Казицын, М. В. Архангельский, Л. И. и О. М. и Ковтун, А. П. Карнаев, В. В. Каменев, С. Н. Демкина, П. В. Мартыненко, В. М. Мигачев и др.). Коллеги по научной и педагогической деятельности с искренним уважением к таланту и глубоким знаниям А. И. Слуцкого рассказывали о гранях одаренности человека, который посвятил университету более трех десятилетий своей жизни. Подчеркивали, что культурное сообщество Кубани [2] обрело в его лице одного из самых ярких и деятельных представителей, замечательного ученого-социолога и историка культуры, книговеда, популяризатора искусств. Названия статей красноречиво говорили об этом: «Слуцкий на телевидении», «А. И. Слуцкий — историк книжного дела Кубани», «„Дорогу дарующий“: Аркадий Иосифович Слуцкий — источниковед».

Пожалуй, и в нашей статье уместно вкратце напомнить об основных моментах его биографии и о его послужном списке.

Переехав в Краснодар в 1968 г., Аркадий Иосифович сначала сотрудничал с Краснодарской краевой библиотекой им. А. С. Пушкина (до 1970), потом работал в Кубанском государственном университете (1970–1978) социологом и, по окончании библиотечного факультета Краснодарского государственного института культуры в 1975 г., главным библиографом. С 1978 г. был тесно связан с Краснодарским государственным институтом культуры, где заведовал кафедрой общего библиографоведения и книговедения, был начальником отдела комплексных исследований книжного дела Северного Кавказа.

Качества высококлассного специалиста намного опережали его статусные показатели: защита кандидатской диссертации (2000),

членство в Союзе российских писателей (2004), профессорская должность, почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Адыгея» — все это просто пополнило строчки «Личного листка по учету кадров».

В 2012 г. А. И. Слуцкий вошел в коллектив Южного филиала Российского института культурологии (ныне Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева), ассоциированным сотрудником которого оставался до последних дней. Его жизнь оборвалась 27 декабря 2019 г. Похоронен Аркадий Иосифович в Атланте (США), куда переехал к семье своей дочери в 2015 г.

К опубликованным в нашем журнале «Наследие веков» работам А. И. Слуцкого [4; 5] ныне прибавится еще одна — мемуары о заслуженном художнике РФ Владимире Александровиче Глуховцеве, соратнике по культурным начинаниям, по любви к книге и одном из самых близких друзей Слуцкого.

Аркадий Иосифович за свою жизнь написал более двух сотен работ по социологии культуры и истории книжного дела Юга России, был бессменным редактором-составителем серии сборников научных статей «Книжное дело на Северном Кавказе» — долгосрочного исследовательского проекта Краснодарского института культуры, который с 2009 г. осуществляется под эгидой Донской государственной публичной библиотеки (Ростов-на-Дону).

И все же стихотворство — дело особое. К моменту напечатания книги «Среди текстов» (2006) на счету у Аркадия Слуцкого было три книги лирики («Пересечения», «Концептуальные апологии», «Время верлибра»), книга переводов с украинского (Б. Бойчук «Стихотворения избранные и предпоследние»), книги, появившиеся в соавторстве с Ольгой Ковтун («В мастерской Евгения Казицына», 1997 и «Два дискурса времени», 2003) десятки стихотворных подборок в литературных журналах и альманахах, выходивших на Юге и в Центральной России, на Украине. После 2006 г. вышли «Пока я странник» (2008), «Из украинской поэзии XX века: избранные переводы и переложения» (2011), «Две тетради черновиков: стихотворения и переводы» (2012). Это

в совокупности составило по самым строгим меркам солидный поэтический багаж.

Примечательно, что внешний облик сборников Аркадия Слуцкого, как правило, незауряден и тоже работает на раскрытие поэтической идеи. В этом отношении его стихотворные книги сами собой распределились на два противоположных друг другу ряда — черно-белый и цветной; иными словами, на сборники, составленные по принципу антиномических притяжений-отталкиваний, и сборники, в которых никто не дирижирует цветными гранями мира. В цветной ряд встали «Пересечения», «Пока я странник», «Из украинской поэзии...», «Две тетради черновики»; в черно-белый — «Концептуальные апологии», «Время верлибра», «Стихотворения избранные и предпоследние», «Два дискурса времени».

Судите сами.

Идею сборника «Пересечения» (1995) оформлявший его художник Владимир Глуховцев передал, нарисовав на белой обложке неширокую неровную полосу как фон для двух тонких светлых нитей — то ли дождинок, то ли лучиков, пересекающих тучу. На форзаце и титульном листе полосы не было. Был портрет автора. Обычный человек в шапке-ушанке и незамысловатой фуфайке. Но смотрится приподнято — потому что удивленно, пристально и светло смотрит в чистое небо, туда, откуда и дождинок и лучи.

Об оформлении второго сборника — «Концептуальные апологии» — Виктор Чумаченко сказал в рецензии «Поэзия иных оснований» следующее: «на черном пористом фоне ... квадратный луч выхватывает голову человека с закрытыми глазами. Левая рука, подпирая подбородок, закрывает почти пол-лица. Нет, человек (он же — автор) не умер, он то ли задумался, то ли получил сокрушающий удар в челюсть. Что запросто могли убить (душу, талант, поэтическое призвание), говорит колючая проволока, безжалостно прорезающая все четыре страницы обложки. Уж автор-то знает, как может убивать Провинция, которой ты отдал всего себя, не смея ничего требовать в ответ! ... И все же книга не об этом, она о радостях жизни, которые были, есть и еще будут, и обо всем говорится без всякого сожаления, потому что у автора весьма необычная манера

общения со временем. Кажется, он ценит каждое прожитое и прочувствованное мгновение ... сверяется по „часам без циферблата“ ... „бессмертие“ и „мгновение“ оказываются для него единственными формами отсчета времени, середины нет». Оформление книги рецензент назвал важной частью замысла, раскрывающего, что творчество для автора является «способом жизни в мире абсолютной, тотальной несвободы. Эта несвобода имеет имя — Провинция. Она же — и конкретный адрес, где живет автор, и место издания» [12, с. 33–34].

Мне и самой доводилось беседовать с Аркадием Иосифовичем о том, почему на титульном листе «Концептуальных апологий» стоит слово *Провинция*. На кафедре истории русской и зарубежной журналистики КубГУ, где мы оба тогда работали, было что-то вроде презентации сборника. Говорили о поэзии, пили чай, Аркадий Иосифович читал стихи и вместе с новой книжкой стихов подарил собравшимся более раннюю — «Пересечения». Перевернув обложку «Концептуальных апологий» и увидев надпись «Провинция 2000», я спросила: «Что за издательство?» Аркадий Иосифович ответил улыбочиво, как бы мягко извиняясь: «Это не название издательства. *Провинция* мы написали от себя».

От себя. При ненавязчивости подачи тут было вполне четко обозначенное собственное отношение поэта к вопросу о провинциальности / столичности. Творческое кредо, многократно подтвержденное строками посланий к друзьям, — взять хотя бы «записку», адресованную в станицу Тбилисскую художнику А. Соснину («Живем во времени... Внимаем ремеслу / И сути смысла всякого столетия...»).

Оно проявлено и в философских ламентациях:

*Маленький мальчик: ему что ни мир,
то Рим*

*(что циферблат, когда время
уже «ничто»)...*

*Мимо безмолвных, печально
летающих рыб*

*Окна зашторить прозрачной
прохладой штор...*

*Руку протянешь — и тотчас лес рук...
Слово промолвишь — и тотчас вал слов...*

Мертвому времени, что
метроном, звук...
Кто-то целует тебя в ледяной лоб...

Облаком где-то прольется
однажды путь,
Слово ударится в небо и умрет...
Привкус желтого станет
бесцветным вдруг...
«Вдруг...» (это когда уже
не находишь рифм –
Украденных, ассоциативных,
гниющих рифм)...
[9, с. 47]

Отторгая счет на тысячи, «тысячи людей, закомплексованных на страхе одиночества», поэт безусловно верит в покаяние тысяча первого. «Что же ты хочешь, тысяча первый, в своей гордыне? — Хочу всего, Господи». И знает, что в пульсе одного человеческого сердца присутствует биение тысяч сердец.

Виктору Чумаченко «Концептуальные апологии» показали диалогом о жизни / смерти, начатым в 2002 г. как издание тринадцати переводов из поэзии Богдана Бойчука. Можно отчасти согласиться с этим, ведь в авторском предисловии Слуцкий процитировал слова Бойчука о том, что поэзия — путь поэта к себе, то есть путь возвращения. А можно и поспорить, поскольку оттолкнувшись от этой мысли, Слуцкий, уже сам от себя, добавил: путь становится более абсурдным и трагичным, игры, в которые играют люди, — более бесчеловечными, сами люди — более циничными: «С каждым днем мы не приближаемся к дому, а отдаляемся от него. И как в этом грохочущем пространстве понять: какова мера ответственности каждого из нас?» [9, с. 5].

Вообще Аркадий Слуцкий никогда не изменял установке на то, чтобы во всей полноте смыслов и оттенков передать речь, жизненную позицию собеседника. Не случайно его так любили художники — так ценили в качестве эссеиста, составителя текстов к буклетам выставок. Он в высшей степени обладал даром понять, словесно выхватить из плана восприятия то, что кажется стихией не выражимого в речи.

Такие поэты тем уникальны, что не растворены во «множестве других». И толь-

ко им дана магия превращать лирику в эпос. Имея собственную речь, никак не намереваясь скрыть свою жизненную позицию, они кажутся вездесущими протейми, воплощают не материю, а энергию гармоничного сочетания волн. Об этом скажем, когда перейдем к разговору о сборниках цветных.

Сборник «Время верлибра» (2005) мы отнесли к черно-белым. В нем ощутимо эхо «жестких разборок социальных, профессиональных, метафизических», как назвал прения о литературных течениях писатель Виктор Ерофеев. У Богдана Бойчука есть эссе о Слуцком «Слово о поэте», где сказано: «...со временем верлибр в его поэзии становится равноправным, все более взыскательным и прихотливым», при этом Слуцкий «не полагается на абстрактные или образные средства», а «с большим удовольствием использует неожиданную особенность мысли или уникальный поворот фразы... Даже в тех случаях, когда он использует образы (например, «Часы песочные уже который год / текут в тебя»), в них передается концепция» [12, с. 28].

Что в данном случае означает слово *концепция*? На данный вопрос ответил сборник «Время верлибра», по крайней мере, одно из его стихотворений — «Диахронные командировки в Москву». Обратимся к нему, посмотрим, сдвинули ли с места концепцию Слуцкого «метареализм», «концептуализм» и иные всплески нововведений, из-за которых «литература обвалилась», «упал ее престиж и статус писателя... на „жизнь после жизни“ перешли „толстые“ журналы, пресловутый литературный процесс исчез, как не было, сбилась на... бессовестное взаимоопыление критика, исписались прозаики и поэты» [13, с. 193].

В «Диахронных командировках...» [6, с. 18–19] есть фраза «Слишком много трассирующих муз» и текст разрознен на части. Хаотично летят то ироничная стилизация, в которой легко узнать Пригова («Над вехами цезур, цензур и вер / торчал Харон — пригой милицанер»), то террористически разорванные куски слов:

...пойти, что ли, в «Проект ОГИ»,
стихи послушать?
Пурги, тайги, шуги, мги,
ги

пер
(с)
трофированная Европа
пер
форма
(н)
сом
гендерной антропологии...

Вкрапления полужаза намекают на несходство лет (‘годов’) с единой рекой времен под названием Лета. Хаос заканчивается словом «Отправление...». Но это не конец. В конце автор от себя добавил рифмованную часть диалога:

*Кресты вдоль насыпи, погосты у дорог,
Таков наш Бог. И только осень ропщет,
Сады эдемские — березовые рощи.
В багрянце ямб, заиндевел порог...
Составы тянутся за всяким годом год,
Не то чтоб вспять, скорее, в недолет.
Деревня Биркино (придумать же такое!),
Или разезд с названьем «Номерное»,
Не считаны, не кляты, не смешны —
Живот намордником жиреет от мошны,
С Лубянской рядом книжные развалы,
Бомжи, мешочники, бичи,*

менты, вокзалы,

*Кресты вдоль насыпи, погосты у дорог...
Октябрь и Пушкин. Вот и весь наш Бог...*

«Волна волну торопит... / Все остальное — / случайные фрагменты...», — это написанное верлибром стихотворение Слуцкий как будто бы оборвал: «Что я могу еще сказать?» Или закончил всем нам известной классической цитатой, которую мы помним со школьных лет и столько раз в жизни произносили от себя.

Вот тут и следует искать концепцию-антитезу ударам «трассирующих муз», единый почерк наиболее гармоничных и точных стихотворных этюдов «Времени верлибра». По крайней мере, из этой книги мы более мудро воспринимаем оксюморон, открывающий «Концептуальные апологии»:

*Живу в традиционном государстве,
Где экономикой управляют
сюрреалисты,
А политики тиражируют искусство...*

*Живу в удивительной стране,
которая могла позволить
себе убеждение,
что красота спасет мир.*

Конечно, несоединимое мчит и гибнет. Неразбериху иллюзорно промелькнувших лет покрывают и уносят воды Леты. Что остается, выражено в сборнике «Пока я странник» (2008) как молитва за друзей.

*В рисунках сердца — тайные желанья
И искушенья долгого пути,
Который предстоит еще пройти,
А всякий путь — уже воспоминанье.
.....*

*Дубрав языческих, вааловых щедрот
Прервется речь на самом первом слоге...
Усталый ворон хлеба принесет
И весть о Боге.*

*И если покаянье — это путь
Молитв и верности, любви и всепрощенья,
То дай нам Бог в минуту возвращенья
Молитвой чью-то душу помянуть*

[11, с. 27].

Это вовсе не черно-белое письмо. И оно возвращает наш взгляд к лейтмотивам сборника «Пересечения», с его трепетными заботами, «Как уместить на одном листке / Жилу живую, чтоб не отворять, / Веру слепую, чтоб не предавать, / Странника странствующего налегке...» [10, с. 6]. Вдобавок к мысли о протезе мы бы подчеркнули именно радужность, нечто высокое, позволяющее делиться светом дня с теми, кому его подчас недостает. Как в стихотворении «Сон памяти», посвященном врачу Александру Паршикову:

*Все чаще в тишине ночной,
Наедине с самим собой,
Неслышно говорю с друзьями.
Я молча спрашиваю их,
Не мертвых, но уже ночных:
— А что же дальше будет с нами?
.....*

*И в темноте, и в немоте
Я разливаю по стаканам:
Кто безусловно жив — за тех,
Еще за тех, кого не стало,
Мы пьем, не отворяя уст,
Все наши тосты — наизусть,
А жесты — как кино немое.*

*Вот-вот я громко закричу,
Я задохнусь, если смолчу,
И все друзья мои со мною [10, с. 44].*

Включенное в сборник «Пересечения» стихотворение «Пока я странник» дало название книге стихов, выпущенной в 2008-м. В послесловии, которое мне довелось написать, я назвала эту согретую теплом сердца книгу опытом сентиментального путешествия.

Среди самых моих любимых в этом сборнике — диптих о большом и маленьком Париже «Памяти Василия Золотаренко».

*Мой город, мой кордон,
он мне давно родня
Опалой южных зим, осенними дождями...
На Графской пьют друзья,
не дождалась меня...
На Длинной банный день...
Чадит октябрь дымами...*

*К базару потянулся говорок...
Скрипят возы, домашний дух витает...
Отец Василий рифмы подбирает...
Сложить бы в строфы
хоть десяток строк.*

*Где тот Париж —
Ему не угодишь.
А вот в Васюринке — племянник,
сват, природа —
Предмет поэзии... И сторожит свободу
В дозоре аист на гнездовьях крыш
[11, с. 34].*

Среди самых масштабных по мысли — воронежский цикл, в котором время отцентровано обращением к «Комедии» Данте и «Евангелию от Иоанна» («Безвременья провинциален вид. / Что Иоанн об этом говорит?»), приближением к мандельштамовской теме: «Воздух как женские губы „О“»... «Мимо безмолвных, печально летящих рыб»... «Облако — синему небу боль — / Выстирать, чтобы до черных дыр»... «Ну что актер — птенец, щегол, повеса»...

*Сквозняк оседлости... Воронеж...
нежность... нож...
Рисунок речи... Литографский росчерк,
Зернистый карандаш. И время к ночи...
Где речь, где линия, уже не разберешь.*

*Три дня стояли, словно на подбор,
Мороз казнил верхушки детских легких.
И птицы, не успевшие к отлету,
Как нотный текст, легли на косогор.*

*Грел костерок копальщиков могил.
И кто-то молчаливо водку пил...
В рабочей робе молодой Вергилий
Мостками вывел нас
к заброшенной могиле.*

*Графичен пригород. Зимой графично все.
Времянка у крутого косогора,
Две темные штакетины забора,
Забывший семафор. И смутное родство
с провинцией <без места и названья>,
Земная ось, холмы — воспоминанья,
Тень сумерек, скупая проза лиц,
Обманчивая суета столиц.*

*Графична похвала, когда она без лести,
Легка которая. Она уже легла
Чернеющей проталиной крыла
На мерзлый наст декабрьских известий...*

*Графично время (чей-то силуэт)
На плоскости давно прошедших лет...
[11, с. 29]*

Одна из наиболее точных автохарактеристик Слуцкого-поэта: «Приговорен к неписанным стихам». В неписаной поэзии все темы молчаливо сходятся, как грани души. Сборники «Пока я странник» и «Две тетради черновиков» сильны возвратом к редкому ныне типу книжной образованности, пронизанному линиями единого свечения сути. Автор не зачеркивает ничьего опыта, но гармонично уравнивает восприятие смысла психологически близких тебе и неблизких, случившихся «с кем-то, где-то и когда-то» событий.

И тут пророческими становятся понимание неразрывности («времена глаголов вечны», «Станет родиной над разлукой / Горько-русская эта речь»), центростремительная сила смыслов.

В стихотворении «Ностальгия» все было сказано заранее, задолго до отъезда за границу:

Оттенки тишины важны для понимания. «И времени не слышно... Лишь объем / Мерцающей зимы... И разговор вдвоем. / И странный счет минут, бесцельный и напрасный.../ И дальний лай собак... и леность легких снов». Мир до гулко-го удивления просторен изнутри, когда рядом тот, кто занят творчеством, и на твоих глазах возникает именно то, что ты хотел бы создать сам:

*Есть мастерские — в них легко молчать,
Есть тишина — синоним «пониманью»,
Есть удивление, точнее узнаванье
Себя в другом,
Есть просто крепкий чай
И за окном мелодия вползвука
О чем-то нынешнем...*

Проводник ритмичного пульса значимых вещей, в которые верил и которые высветил через кристалл провинциального времени, поэт не принял странную свободу «писать стихи темно и наугад». Он видел чуточку дальше туманной полосы.

Времена ненастоящей свободы приходят и уходят, но если ты думал и жил искренне, листы с пометами вчерашних дум не зачадят, как прелея листва. Стихотворение об этом стало идеей сборника «Две тетради черновиков» (2012).

*Времен безвременья собрав черновики,
Среди случайных фраз
и торопливой правки,
Резонам умников и смыслу вопреки
Я уловил мгновенный привкус правды.*

*Быть может, был он чуть солоноват,
Косноязычен, чуть смешон,
быть может...
Сквер опустел. Грозился мелкий дождик.
На убыль осень шла...
Кто в этом виноват?*

*Костры и дворники на свой особый лад
Определяли это время года.
И наступала странная свобода —
Писать стихи темно и наугад.*

*Но надо же... Собрав черновики,
Я не исправил ни одной строки,
Не обозначил время именами...
Что именам и призракам пенять?
Уже дождит... И чудится опять,
Безвременье совсем не за горами*

[10, с. 13].

Мгновенный привкус правды — не он ли отличает качественную поэзию как сущностное свойство, свойство провиденциальное, а не «провинциальное»? Провинция, в отличие от столиц, более природным образом отвечает всему, что легло на душу, что перешло в народ, стало не поветриями, а поверьями. Интуитивно будучи срединным человеком родной культуры, Аркадий Слуцкий пронес сквозь перипетии литературного процесса, сохранил нечто очень важное. Шестьдесят лет, дистанцию поистине олимпийского марафона, он прошел достойно — взгляд вверх помогал не споткнуться на обломках под ногами.

Elena Yu. TRETYAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Southern Branch of the
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
drevo_rechi@mail.ru

“I Caught the Instant Hint of Truth”: About the Poetry of Arkady Slutsky

Abstract. The aim of the article is to comprehend the scientific worldview and career of Arkady Slutsky (1940–2019), a scholar, book historian, poet and teacher who left a bright mark in the history of the artistic life of the South of Russia. The research methodology is based on a historical and biographical approach, through which the influence of life circumstances on the worldview, attitudes, creative and professional achievements of the person studied is revealed. The materials were poetry

collections and research articles by Slutsky, research by historians and cultural scientists. Among the collections of lyrics and translations published in 1995–2012, the key ones were *Intersections* (1995), *Conceptual Apologies* (2000), *Selected and Penultimate Poems* (2002), *The Time of Vers Libre* (2005), *While I Am a Wanderer* (2008), *From the Ukrainian Poetry of the 20th Century* (2011). During the study, the biographical context of the main poetic cycles (Voronezh poems, “provincial sketches”, dedication verses to friends, “diachronic business trips to the capital”, etc.) and the genre-style palette of lyrics by Slutsky are determined. Treating the palette as a revealing and outstanding phenomenon, the author of the article substantiates her version of the approach to the poetic world created by Slutsky. This version takes into account the nature of his relationship with his predecessors (poets of the Silver Age), the features of dialogue with fellow poets, versatile interactions with fellow artists, and Slutsky’s understanding of sound and silence. The poet’s work is considered in close connection with the events of his life, as well as with the features that distinguished the dynamics of the literary process in the Russian province of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. As a result of the study, Slutsky’s concept of cultural interactions between the capital and the province was analyzed. Based on the poet’s statements about this concept, as well as its stable manifestations in poetic texts, by analyzing the relevant keynotes, the author concludes that high-quality poetry is distinguished by an “instant hint of truth”. This trait is an essential property of poetry, a providential property, not a provincial one. The article proves that the “crystal of provincial time” as a poetic seed of artistic generalizations allowed Slutsky, a charming and vibrant person, to educate in himself, to capture in his poetic world the qualities of a person of his native culture.

Keywords: modern literary process, capital and province, Kuban literature, biography, poetic works, Arkady Slutsky, history of book publishing in South of Russia, artistic life of Krasnodar.

Использованная литература:

1. Генис А. А. Иван Петрович умер: статьи и расследования. М.: Новое литературное обозрение, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://finbahn.com/генис-иван-петрович-умер> (дата обращения 04.02.2020).
2. Еремеева А. Н. Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. Краснодар: Кубанькино, 2006.
3. Самойлов Д. С. Весть. М.: Советский писатель, 1978. С. 64.
4. Слуцкий А. И. Биография одной коллекции (материалы к истории кубанского экслибриса) [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 2. С. 127–42. URL: http://old.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Slutsky.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
5. Слуцкий А. И. Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2016. № 2. С. 44–54. URL: http://old.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Slutsky.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
6. Слуцкий А. И. Время верлибра: стихи. Краснодар: Краснодарские известия, 2005.
7. Слуцкий А. И. Две тетради черновиков: стихотворения и переводы. Краснодар: б. и., 2012.
8. Слуцкий А. И. Из украинской поэзии XX века: избранные переводы и переложения. Краснодар: Альфа-полиграф плюс, 2011.

References:

1. Genis, A.A. (1999) *Ivan Petrovich umer: stat'i i rassledovaniya* [Ivan Petrovich Died: Articles and Investigations]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. [Online] Available from: <http://finbahn.com/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81-%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D1%83%D0%BC%D0%B5%D1%80/>. (Accessed: 04.02.2020).
2. Eremeeva, A.N. (2006) *Nauchnaya zhizn' i nauchnoe soobshchestvo Kubani v XX veke: ocherki istorii* [Scientific Life and Scientific Community of Kuban in the 20th Century: Essays on History]. Krasnodar: Kuban'kino.
3. Samoylov, D.S. (1978) *Vest': stikhi* [News: Poems]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Slutsky, A.I. (2015) The Biography of a Collection (The Materials for the History of the Kuban Bookplates). *Nasledie Vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp.127–142. [Online] Available from: http://old.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Slutsky.pdf. (Accessed: 04.02.2020). (In Russian).
5. Slutsky, A.I. (2016) The Great Patriotic War through the Documents from the Artist Alexander Glukhovtsev's Archive. *Nasledie Vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 44–54. [Online] Available from: http://old.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Slutsky.pdf. (Accessed: 04.02.2020).
6. Slutsky, A.I. (2005) *Vremya verlibra: stikhi* [The Time of Vers Libre: Poems]. Krasnodar: Krasnodarskie izvestiya.

9. Слуцкий А. И. Концептуальные апологии: стихи. М.: Руслан Элинин, 2000.
10. Слуцкий А. И. Пересечения: стихи. Краснодар: Северный Кавказ, 1995.
11. Слуцкий А. И. Пока я странник: стихи. Краснодар: Кубань-книга, 2008.
12. Среди текстов: сборник трудов, посвященный 65-летию А. И. Слуцкого / отв. ред. А. Н. Еремеева. Краснодар: Краснодарский государственный ун-т культуры и искусств, 2006.
13. Топоров В. В поисках зачеркнутого времени // Знамя. 2000. № 2. С. 193–195.
14. Ушел из жизни кубанский поэт Аркадий Слуцкий [Электронный ресурс] URL: <https://kuban.mk.ru/culture/2020/01/14/ushel-iz-zhizni-kubanskiy-poet-arkadiy-sluckiy.html> (дата обращения 04.02.2020).
15. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988.
7. Slutsky, A.I. (2012) *Dve tetradi chernovikov: stikhotvoreniya i perevody* [Two Draft Notebooks: Poems and Translations]. Krasnodar: [s.n.].
8. Slutsky, A.I. (2011) *Iz ukrainskoy poezii XX veka: izbrannye perevody i perelozheniya* [From the Ukrainian Poetry of the 20th Century: Selected Translations and Versions]. Krasnodar: Al'fa-poligraf plyus.
9. Slutsky, A.I. (2000) *Kontseptual'nye apologii: stikhi* [Conceptual Apologies: Poems]. Krasnodar: Ruslan Elinin.
10. Slutsky, A.I. (1995) *Peresecheniya: stikhi* [Intersections: Verses]. Krasnodar: Severnyy Kavkaz.
11. Slutsky, A.I. (2008) *Poka ya strannik: stikhi* [While I Am a Wanderer: Poems]. Krasnodar: Kuban'-kniga.
12. Eremeeva, A.N. (ed.) (2006) *Sredi tekstov: sbornik trudov, posvyashchenny 65-letiyu A.I. Slutskogo* [Among the Texts: A Collection of Works Dedicated to the 65th Anniversary of A.I. Slutsky]. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts.
13. Toporov, V. (2000) V Poiskakh zacherknutogo vremeni [In Search of the Crossed-Out Time]. *Znamya*. 2. pp. 193–195.
14. Kuban MK. (2020) *Ushel iz zhizni kubanskiy poet Arkadiy Slutskiy* [Kuban poet Arkady Slutsky passed away] [Online] Available from: <https://kuban.mk.ru/culture/2020/01/14/ushel-iz-zhizni-kubanskiy-poet-arkadiy-sluckiy.html>. (Accessed: 04.02.2020).
15. Epshteyn, M.N. (1988) *Paradoksy novizny* [Paradoxes of Novelty]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Третьякова, Е. Ю. «Я уловил мгновенный привкус правды»: о поэзии Аркадия Слуцкого / Е. Ю. Третьякова // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 64–75. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.005

Full bibliographic reference to the article:

Tretyakova, E. Yu. (2020) "I Caught the Instant Hint of Truth": About the Poetry of Arkady Slutsky. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 64–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.005

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ЛОГИНОВА Марина Васильевна

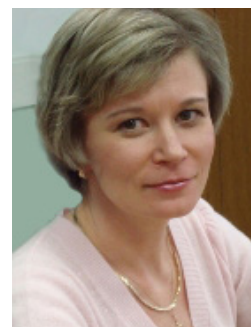
доктор философских наук, профессор кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов
Национального исследовательского Мордовского
государственного университета имени Н. П. Огарева,
Саранск, Российская Федерация

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,

marina919@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7605-007X

УДК 008:[125:161.14]
ГРНТИ 13.07.25
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.006

Граница как паракатегория современной культуры

The Border as a Paracategory of Modern Culture

В статье дан анализ проблемы границы в актуальном контексте формирования категориального аппарата культурологии. Материал исследования – работы М. М. Бахтина, В. В. Кандинского, М. Хайдеггера, в которых граница анализируется с философских позиций. Автор понимает границу как смысловую единицу – «паракатегорию» (В. В. Бычков), фиксирующую изменчивость современной культуры. Определение границы как становящейся паракатегории позволяет выделить ее специфические моменты: пространственность (граница – «место-топос» соприкосновения мира и человека); антиномичность (разделение/объединение Своего и Другого, Я и Не-Я, внутреннего и внешнего, чуждости и близости); ценностную доминанту (интенциональная напряженность выражения границы как определенного смысла); функциональность, определяющую ее смысловое разнообразие в зависимости от культурного контекста; антропологизм в понимании человеком своего места в мире, в котором современное искусство находит новые формы мировосприятия и способы выражения.

Ключевые слова: граница, категория, онтология, паракатегория, современная культура, становление.

Современный философско-культурологический дискурс стремится к созданию новых смыслов. Объединяя различные парадигмы, направленные на поиск иных способов смыслообразования, он нарушает существующие и устанавливает новые грани познания, акцентируя тем самым значение проблемы «граница» для исследователей. В различных аспектах изучения данная проблема отражена в работах А. Н. Быстровой [3], Ю. Н. Гирин [5], Т. А. Денисовой [6], Т. В. Куликовой [8], Ю. М. Лотмана [9], О. А. Ханзен-Леве [11], С. В. Чебанова [12]. Новизна нашего исследования заключается, во-первых, в акценте на становящемся характере рассматриваемой категории и, во-вторых, в выделении основных ее признаков.

Сложность изучения и понимания современной культуры заключается в ее процессуальности, незаконченности; «со-временность» объединяет временность, изменчивость, ситуационность и «вневременность» в сущностное измерение бытия культуры, которое не делится на непроницаемые временные модусы прошлого, настоящего и будущего. М. М. Бахтин отмечает, что «внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее...» [1, с. 44]. Подчеркивая важность понимания изменяющегося характера культуры, философ далее определяет ее как «автономную причастность — или причастную автономность». В этом заключается особенность современной культуры, относящейся к области становления, процессуальности.

В название статьи вынесено понятие «паракаатегория», которое использует В. В. Бычков для объяснения неклассической эстетики, феноменов «пост-культуры». Использование паракаатегории «граница» обусловлено становящимся характером современной культуры и применимо для разработки тех смысловых единиц, которые «... еще не категории... как и обозначаемые ими смысловые образования, не ставшие еще достаточно стабильными универсалиями культуры» [4, с. 469]. На взаимосвязь гуманитарного мышления и нового языка науки указывает создатель проектного словаря М. Н. Эпштейн. «Проектные терми-

ны,— пишет он,— предвосхищают концептуальную структуру тех объектов, которую они обозначают, а порой и вызывают их к жизни или определяют пути их использования» [13, с. 17]. Граница рассматривается нами как становящаяся паракаатегория, тяготеющая к обоснованию своего категориального статуса и активно используемая в гуманитарном знании XX–XXI вв.

Выделим важный момент для понимания сущности границы как паракаатегории. Речь идет о диалектическом единстве пересечения в границе двух планов — движения и покоя. Граница одновременно есть некий *результат*, связывающий и разъединяющий феномены культурного бытия, и *процесс* взаимосвязи этих феноменов. Потеря границ ведет, с точки зрения М. М. Бахтина, к тому, что культурный акт «теряет свою почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 44]. Важно понять глубину бахтинской мысли относительно того, что культурное бытие заключено в границах определенных смыслов, а на границах формируются новые смыслы.

В начале XX в. апологет теории и практики «чистого искусства» В. В. Кандинский активно изучал процесс создания новых форм, первоэлементами которого являются точка и линия. Слияние элементов в единое художественное произведение, обоснование нового языка искусства — таковы вопросы, поставленные художником в контексте авангардного искусства, но имеющие особое теоретико-методологическое значение для фундирования специфики паракаатегории границы.

Для Кандинского точка и линия имеют метафизическое значение, определяющее архетипические формы выражения культурного бытия. Он пишет: «Геометрическая линия — невидимое существо. Она — след движущейся точки, ее производная, возникающая из движения в результате уничтожения высшего, замкнутого в себе спокойствия точки» [7, с. 135]. Он выделяет «внутреннюю» и «внешнюю» силу, приводящие точку в движение, рождающие новый миропорядок.

В. В. Кандинский обозначил важную проблему процессуальности в искусстве, его трансформации во времени и пространстве на

примере архетипических знаков, приводящих к изменению содержания современного искусства и культуры. В метафизическом плане именно точка является творческим началом как встреча человека и мира, из нее, по неоплатоновскому принципу эманации, рождается все богатство смыслов, а формы приобретают новое содержание. Продолжая мысль Кандинского, можно утверждать, что граница как развитие точки (линия) имеет свою форму, очерчена в пространстве и является «местом-топосом» соприкосновения мира и человека.

Обозначим первый признак паракатегории «граница» как динамическое/процессуальное выражение бытия, данное человеку посредством взаимодействия с миром («про-явленность»). В этом состоит *пространственный* характер границы.

Пространственный характер определяет *антиномичность* границ, заключающуюся в том, что они разделяют/объединяют Свое и Другое. Обозначить границы Я возможно только при встрече с Другим/Иным. Эта проблема изначально была обозначена Ф. Фихте как диалектика Я и Не-Я и получила дальнейшее развитие в концепции М. М. Бахтина как проблема диалога, в философствовании М. Бубера как проблема отношения Я и Ты и др.

Принцип «пограничности» как «каллиптики»¹ применяет в своем исследовании О. А. Ханзен-Лёве, определяя «дионисийство/аполлинство» как границу интермедийности в русской культуре [11]. Обращение к Другому, Иному для данных концепций при всей вариативности взглядов и выводов характеризует то, что граница устанавливает отношения, без которых невозможно становление/развитие смысла.

Что же означает определение себя, своей культуры, ценностей? Установление границ, о-предел-ение собственных возможностей, своего места в этом бытии означает понимание *антиномичного* характера границы как паракатегории, которую мы выделяем для

обозначения ее содержания в качестве второй характеристики.

Граница принадлежит двум пространствам (внутреннему и внешнему), обнаруживая свое феноменальное содержание только через диалектику этих понятий. Граница способна не только обнаружить феномен, определить его, но и «вскрыть» его глубинные характеристики. Происходит своеобразная метаморфоза от феномена к явлению. На границе диалектики феномена и явления происходит формирование границы как нераздельного/неслиянного тождества/различия. Внешние черты границы очерчивают, выражают ее, а внутренние — устанавливают «смысловое напряжение», когда обозначается некий предел. В широком смысле предел означает осознание возможностей, через которые он и будет преодолен.

М. Хайдеггер точно определил динамику соотношения понятий внутреннего и внешнего в работе «Бытие и время» через категорию *Dasein*, подчеркивая ее становящийся характер между *уже* и *еще*, что также является границей. Бытие *Dasein* в его концепции представит как открытый исследовательский проект.

Для обозначения двойственности (внутреннего и внешнего) Хайдеггер использует понятие «ззор», имеющее пространственное значение: «Мы должны дать выступить полной загадочности этого бытия, пусть лишь чтобы суметь честным образом провалиться на ее „разгадке“ и заново поставить вопрос о бытии брошенно-набрасывающего бытия-в-мире» [10, с. 148]. Категорически отказываясь от понятия «между», философ отмечает: «Между осмысливается уже как результат *convenientia* двух наличных. Их предваряющее введение однако уже *взрывает* феномен, и бесперспективно всякий раз снова складывать его из разорванных кусков... Онтологически решающее лежит в том, чтобы заранее предотвратить взрывание феномена, то есть обеспечить его позитивное феноменальное состояние» [10, с. 132].

Опосредованно на временной характер «ззора» указывает и М. М. Бахтин через категорию «нераздельное»/«неслиянное», «данное»/«заданное». У Хайдеггера в «ззоре» звучит этический вопрос совести и искушения (что

¹ Ханзен-Лёве пишет о древнегреческой нимфе Калипсо, живущей на границе между водой/морем и землей. Этот мифологический образ определяет общую модель каллиптической эстетики, выраженной в творчестве Набокова, Мандельштама, Бродского. Ведущими признаками каллиптической эстетики являются притворство, иносказание, обман, игра, видимость, скрывающие подлинное содержание.

зорного?). Бахтин отвечает на него философией поступка. Феномен сообщения у Хайдеггера понимается «... в онтологически широком смысле. Высказывающее „сообщение“... есть частный случай в принципе экзистенциально взятого сообщения. В последнем конституируется артикуляция понимающего бытия-друг-с-другом» [10, с. 162]. Пограничность «чуждости» и «близости» порождает в культуре возможности интерпретации смыслов без преодоления временной дистанции.

При условии сохранения своего Я культура должна установить границы, которые на определенное время оставляют ее «в покое» от воздействия Другого. В функциональном плане это дает возможность сохранить собственную идентичность. Здесь мы должны указать на сложную диалектическую связь понятий «самость» и «иное». Именно самость как основа идентичности заботится о своих пределах, сохраняя свою уникальность. В случае взаимодействия самости и иного последнее становится пространственно внешним, задавая формы объективности, в том числе и формы осознания. Самость постоянно заботится о своих границах, лишение которых приведет ее к потере собственной значимости. Относительно встречи с иным отметим, что именно иное оформляет и обозначает самость.

Именно отношение способно формировать границу как постоянный процесс взаимодействия самости и иного, приводящий к тому, что отношение существует лишь как проникновение через границу. В начале общения самости и иного границы разомкнуты и прозрачны, но самость культуры не позволяет ей раствориться в ином. В этом и состоит стягивающий и размыкающий характер границы. В этом отношении граница есть край (возможностей, амбиций и пр.).

При этом границы не имеют локального характера, они существуют в определенном контексте культуры и потому являются подвижными. Линия (В. В. Кандинский) как граница определяет тот самый предел, служащий ценностным маркером культуры. *Ценностная* доминанта границы — это ее третий признак как паракатегории. «В каждом акте, — пишет Бахтин, — внутреннем и внешнем, своей жизненной предметной направленности я исхожу

из себя, я не встречаю *ценностно значимой, положительно* завершающей меня границы, я иду вперед себя и перехожу свои границы, я могу изнутри воспринимать их как препятствие, но вовсе не как завершение; эстетически пережитая граница другого завершает его положительно, стягивает его всего, всю его активность, замыкает ее» [2, с. 86–87].

Ценностный аспект границы как паракатегории выражен во внутреннем напряжении определения. При осознании своего предела культурой в ней изначально содержится интенциональная установка на возможность его преодоления.

Четвертым признаком рассмотрения границы является ее *функциональность*. В аспекте паракатегориального определения граница может быть определена как онтологическая функция культуры, определяющая ее смысловое разнообразие. Онтологическая природа культуры, заключающаяся в феномене ее присутствия Dasein (М. Хайдеггер) как факте наличествующего бытия, должна быть учтена при рассмотрении современной культуры, совершающейся «здесь» и «сейчас».

В современной культуре можно выделить множество «функционалов» границы: человеческое и Божественное, сакральное и земное, мужское и женское, популярное и элитарное и др. Множественность примеров только доказывает важность данной паракатегории. Один из авторов коллективной монографии по теории культурологии как раз и определяет границу в контексте проблемы формы как «фрагмент фигуры, который является реализацией части, выступающей как различающее в реализованной форме» [12, с. 556]. Данное определение изначально исходит из понимания границы как формы, имеющей структуру и функции. Подчеркнем, что именно из этой установки (сознательно и неосознанно) исходили новаторы искусства и культуры XX в., определяя новые, становящиеся смыслы.

Здесь мы приходим к *антропологической* характеристике границы, являющейся пятой, как нам кажется, важнейшей, чертой данной паракатегории. Противопоставление телесности и разумности, души и плоти к эпохе Нового времени достигло онтологического

дуализма. Дуализм по своей природе четко обозначил границы человека и мира и одновременно разрушил эти границы, показав диалектическое единство бытия. Философская антропология Нового времени не только расшатала привычные границы понимания человеком своего места в мире, но и поставила под сомнение внутреннее пространство человеческого бытия, из которого современное искусство явило новые способы жизненных укладов и соответствующие им формы мировосприятия.

Таким образом, мы делаем вывод о становящемся характере границы как онтологической категории, которая, без сомнения, актуальна для анализа современной культуры. Граница как нераздельно-делимая основа оформления культурного бытия в различных формах (искусство, философия, религия и др.), по сути, становится предметом поиска смыслов, поскольку современный человек эмоционально чутко воспринимает по-граничность своего существования как определенную интенциональную напряженность.

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
marina919@mail.ru

The Border as a Paracategory of Modern Culture

Abstract. The article analyzes the problem of the border in the modern philosophical and cultural context. The main feature of the 21st-century culture is its being in the field of formation, processuality. Consequently, the explanation of the meaning of modern culture is impossible without defining its categorical apparatus, which is formed in the comprehension of relevant art processes and, therefore, is also in formation. Studying the processes of the meaning-making of culture and the formation of its conceptual field are among the urgent tasks for cultural studies, emphasizing thereby the significance of the “border” problem for researchers. The research material is works by M.M. Bakhtin, V.V. Kandinsky, M. Heidegger, in which the border is analyzed from philosophical positions in various aspects of its problems. The use of ontological, dialectical, axiological, dialogical, philosophical, anthropological, historical and culturological methodological approaches in the course of the study contributed to the formation of the theoretical understanding of the essence of the border, as well as its specific features. The author understands the border as a semantic unit, “paracategory” (V.V. Bychkov), which fixes the changing existence of modern culture. In the research, the border is considered as a forming paracategory which gravitates to the substantiation of its categorical status and is actively used in the humanitarian knowledge of the 20th–21st centuries. The established definition of the border made it possible to single out a number of specific points, such as: spatiality (the border as a “place/topos” of contact between the world and man); antinomicity (separation/unification) of self and other, me and not-me, internal and external, alien and close); value dominant (intentional tension of expressing the border as a definite meaning); functionality (the semantic diversity of the border is determined depending on the cultural context); anthropologism in man’s understanding of their place in the world, in which contemporary art finds new forms of perception of the world and the corresponding ways of expression. As a result, the author draws the conclusion about the emerging nature of the border as an ontological category, which, no doubt, is relevant for the analysis of modern culture. The border as an inseparably divisible basis for the design of cultural being in its various forms (art, philosophy, religion, etc.), in essence, becomes the subject of a search for meanings, since a modern person perceives the extremeness of their existence in an emotionally sensitive way, as a certain intentional tension.

Keywords: border, category, paracategory, ontology, modern culture, formation.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. Быстрова А. Н. Проблема границ в культуре // Омский научный вестник. 2013. №2. С. 253–257.
4. Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2002.
5. Гирин Ю. Н. Граница и пустота: к вопросу о семиозисе пограничных культур // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 85–94.
6. Денисова Т. Ю. О существе границы // Идеи и идеалы. 2015. №3-1. С. 53–64.
7. Кандинский В. В. Избранные труды по теории искусства: в 2 т. М.: Гилея, 2001. Т. 2.
8. Куликова Т. В. Философия «границы». Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2009.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002.
11. Ханзен-Лёве О. А. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2016.
12. Чебанов С. В. Форма // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; Рос. ин-т культурологии, 2005. С. 553–557.
13. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

References:

1. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-Critical Articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
3. Bystrova, A.N. (2013) Boundaries Problem in the Culture. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 2. pp. 253–257. (In Russian).
4. Bychkov, V.V. (2002) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Gardariki.
5. Girin, Yu.N. (2002) Granitsa i pustota: k voprosu o semiozise pogranychykh kul'tur [Border and Emptiness: On the Issue of Semiosis of Border Cultures]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 11. pp. 85–94.
6. Denisova, T.Yu. (2015) On the Essence of a Boundary. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3–1. pp. 53–64. (In Russian).
7. Kandinskiy, V.V. (2001) *Izbrannye trudy po teorii iskusstva. V 2 t.* [Selected Works on the Theory of Art. In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Gileya.
8. Kulikova, T.V. (2009) *Filosofiya "granitsy"* [The Philosophy of the "Border"]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
9. Lotman, Yu.M. (2010) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
10. Heidegger, M. (2002) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V. Bibikhin. St. Petersburg: Nauka.
11. Hanzen-Löve, A.A. (2016) *Intermedial'nost' v russkoy kul'ture: Ot simbolizma k avangardu* [Intermediality in Russian Culture: From Symbolism to Avantgarde]. Translated from German by B.M. Skuratov, E.Yu. Smotrisky. Moscow: RSUH.
12. Chebanov, S.V. (2005) Forma [Form]. In: Rumyantsev, O.K. (ed.) *Teoreticheskaya kul'turologiya* [Theoretical Cultural Studies]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga; Russian Institute of Cultural Studies. pp. 553–557.
13. Epshteyn, M.N. (2017) *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Логинава, М. В. Граница как паракатегория современной культуры / М. В. Логинава // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 76–81. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.006

Full bibliographic reference to the article:

Loginova, M. V. (2020) The Border as a Paracategory of Modern Culture. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 76–81. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.006

БЕДИНА Наталья Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры культурологии и религиоведения
Северного (Арктического) федерального университета
имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Российская Федерация

Natalya N. BEDINA

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof.,
Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk, Russian Federation,
bedina-nat@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1613-4164

УДК [930.85:271.2-5]:821.161.1"10/11"
ГРНТИ 13.09.00
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.007

«Поучение» Владимира Мономаха в контексте духовного содержания Великого поста

Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent

Статья посвящена анализу «Поучения» князя Владимира Мономаха и, в частности, его письма к Олегу Святославичу Черниговскому, завершающего «Поучение». Последовательно проанализированы концепты, отраженные в тексте этого послания. Опираясь на двоякость толкования слова «исповедь» в древнерусском языке, исследователь отмечает, что письмо Мономаха – это одновременно поучение и покаяние. Идейный стержень всего сочинения при этом составляет нравственный выбор князя. В послании выделено пять смысловых моментов: определение нравственного выбора, апелляция к концепту семьи, обращение к опыту предшествующих поколений, покаяние и утверждение надежды на спасение души. Изучение фрагмента, с которого начинается свое «Поучение» Мономах, предпринятое на основе метода структурно-семантического анализа, показывает, что основу произведения определило великопостное богослужение. Литературный памятник обладает универсальными характеристиками служебного текста – соборностью (публичностью) и эсхатологизмом.

Ключевые слова: Владимир Мономах, «Поучение», служебный текст, богослужение, семантическая структура, соборность, эсхатологизм, нравственный выбор.

Знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха привлекает внимание исследователей начиная с XIX в. Наиболее авторитетное исследование текста «Поучения» в отечественной дореволюционной науке принадлежит Н. В. Шлякову [8]. В советский период исследова-

ние Шлякова, обратившего особое внимание на связь сочинения Мономаха и богослуженных текстов Великого поста, по известным причинам не получило продолжения. В поле зрения таких ученых, как А. С. Орлов, Н. В. Понырко, Д. С. Лихачев, В. В. Кусков, находились,

прежде всего, проблемы жанровой природы текста и морально-этическая идея князя Владимира Мономаха. В современном научном дискурсе не утрачивают актуальности исследования поэтики «Поучения» и его историко-культурного контекста [7; 4]. Настоящее исследование ставит перед собой цель, опираясь на разработанный в современной науке метод структурно-семантического анализа текста, вернуться к идее Н. В. Шлякова о внутренней связи «Поучения» с великопостным богослужением и определить основные смысловые составляющие в текстовой структуре изучаемого литературного памятника.

Великий киевский князь Владимир Мономах начинает «Поучение» (если не брать во внимание вступление) цитатами из Давидовых псалмов: «собрах словца си любая, и складохъ по ряду» [4, с. 215]. Компилирование стихов Псалтири свойственно в целом древнерусской книжности и заимствовано из византийской традиции, восходящей к трудам Отцов Церкви. По словам Е. Б. Рогачевской, возможность сокращений отрывков из Св. Писания, их перестановок, объединения отдельных цитат в большие смысловые фрагменты «во многом определялось бытованием Священных текстов в церковной практике и в служебных книгах, где они приводились не в порядке их следования в Ветхом и Новом Заветах, а тематически» [5, с. 195].

Как убедительно показал в детальном исследовании «Поучения» Н. В. Шляков, Владимир Мономах был не вполне самостоятелен в выборе текстов Псалтири: для цитатного фрагмента, открывающего «Поучение», он отбирает псалмы, входящие в состав служб 1-й недели Великого поста [8]. С этим выводом соглашаются В. Л. Комарович и Д. С. Лихачев. Н. В. Шляков выдвигает предположение, что «Поучение» князь Владимир писал «на этой (1-й) неделе после повечерья четверга или утрени пятницы и, вероятнее, готовился в это время к Причащению», занимаясь «духовными предметами» перед принятием Святых Тайн, в соответствии с наставлениями Св. Отцов [8, с. 68]. Ученый подчеркивает, что, безусловно, «не первая неделя вложила в него идеи, заключенные в его Поучении, но Богослужение в течение ее вызвало их на поверх-

ность сознания и дало возможность привести их в некоторую систему» [8, с. 92]. Время Великого поста — период наиболее напряженного духовного делания, покаяния и труда ради спасения души [2]. Можно предположить, что князь Владимир решил «въ время се» все им пережитое и не единожды передуманное вложить в «поучение детям». Собственно говоря, Мономах желает тому же научить детей и читателей, к чему призвано привести человека воздержание, самоограничение, аскеза, а Великий пост — в особенности. Поэтому наряду с цитатами из ветхозаветных пророчеств, сочинений Св. Отцов, покаянных молитв он обращается к тексту псалмов, входящих в состав великопостных служб, то есть ориентируется на литургический опыт Православной Церкви. Сила русского духа измеряется продолжительностью великопостной службы, в которой богослужебный текст, соединяясь с мелодией церковного пения, становится «конденсированной поэзией» (Н. С. Гумилев). Псалмопение и Богослужение Великого поста определили эмоциональную, смысловую и структурную основу произведения Мономаха.

На близость Владимиру Мономаху идей и настроений Великого поста указывает написанное еще в 1096 г. письмо к князю Олегу Святославичу Черниговскому, завершающее «Поучение»¹. К древнерусской книжности, на наш взгляд, применима формула, с помощью которой С. С. Аверинцев определяет древнееврейскую книжность: «мышление-не-о-мире», а «мышление-в-мире» и «слово-не-о-жизни», а «слово-в-жизни» (мудрость, а не философия, словесность, а не литература в современном понимании) [1]. Для древнерусской книжности не вполне адекватно определение «литература», а тем более «художественная литература», именно потому, что она генетически вырастает из библейской традиции. Духовная словесность Нового времени, церковная книжность вплоть до настоящего времени типологически остается тем же явлением. Однако историческая конкретность и ситуативная обусловленность текста оставляют возможность поэтико-семиотического подхода к анализу.

¹ Мы не затрагиваем вопрос о составе «Поучения», о том, является письмо частью «Поучения» или нет. Обобщение этого вопроса см. в [4, с. 276–279].

Письмо к Олегу Святославичу — князю, убившему в междоусобной войне сына Владимира Мономаха, — наиболее полно воплощает идею покаяния и прощения, «милости» (в качестве примера для подражания князь Владимир приводит покаяние царя Давида: «Не крове дѣля пролитья помазаникъ Божии Давыдъ, прелюбодѣянье створи(въ), посыпа главу свою и плакася горко — во тѣ час отда ему согрѣшенья его Богъ» [4, с. 271]). В разрез с общей эпистолярной традицией письмо начинается не с традиционного вводного риторического топоса самоуничужения автора, а с его самоопределения, обозначения собственной нравственной позиции: «О, многострастныи и печальны азъ! Много борещися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане тлѣньнѣ суци. Помышляю, како стати пред Страшным Судьею, каянья и смѣренья не приимши межю собою» [4, с. 269].

Нравственное самоопределение Владимира Мономаха отсылает адресата письма к их общей с автором экзистенциальной природе («Ибо я человек», — пишет Мономах) и предопределяет систему координат: Бог — человек — враг, в которой осмысливаются произошедшие трагические события.

Найдя духовную опору в Св. Писании, Владимир Мономах поднимается над «многострастностью» отцовского чувства: «Молвить бо иже: „Бога люблю, а брата своего не люблю“ — ложь есть. И паки: „Аще не отпустите прегрѣшении брату, ни вам отпустить Отецъ вашъ Небесныи“. Пророкъ глаголетъ: „Не ревнуи лукавнующим, ни завиди творящим безаконье“; „что есть добро и красно, [еже жити] братья вкупѣ“. Но все дьяволе наученье» [4, с. 269]. Кровный и политический враг в пределах земной жизни в эсхатологической системе координат перестает им быть, но становится братом во Христе, причем братом, с которым великий князь соединен и родственными узами.

Центральная идея письма в контексте всего «Поучения» — идея Божьего Суда, что обусловлено православным эсхатологическим мироощущением автора, а также трагизмом кризисной эпохи (раздробленности Руси конца XI — начала XII в.) и трагизмом жизненной ситуации князя. Владимир Моно-

мах и в 1096 г., когда было написано письмо, и во время составления и редактирования «Поучения» (до 1117 г. или 1123 г. [4, с. 249]) живет с ощущением близкой смерти — либо во время битвы, либо по своему преклонному возрасту.

Границы земного существования в представлениях средневекового человека соотносятся со знакомым и обжитым географическим пространством. Выход за пределы ойкумены в инобытийную пространственную или трансцендентную область предполагает обновление истории, возможность для человека начать ее заново в новом качестве. В буквальном переводе с греческого языка «покаяние» («метанойя») — «перемена ума»: преобразование человека, предполагающее его переход в новое качество. Ожидание личного суда, эсхатологическая перспектива, заставляет автора двигаться «по кругу» в ценностно-смысловой системе координат, совпадающей с пространственно-временной системой: от прошлого к настоящему и будущему (за пределы земной жизни) и обратно. В целом создается ощущение многократного повторения, несмотря на малый объем текста. Это «круговое» движение мысли психологически объяснимо трагической ситуацией и многокомпонентностью авторских задач:

— Утверждение невинности, оправдание перед человеком (братом): «...нѣсмь ти ворожити, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови твоя видѣти у Стародуба (...ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба)» [4, с. 272].

— Исповедь, покаяние и перед человеком, и перед Богом: «Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову поганых дѣля, ли того с якаю, да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане человекъкъ есмь (Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек)» [4, с. 272].

В церковнославянском языке слово «исповедать» имело и имеет два смысловых оттенка:

— объявлять, открыто признавать свои грехи;

— открыто прославлять Бога, свидетельствовать веру, а также пострадать за такое признание веры [3, с. 228].

Слово «грех» в буквальном переводе с греческого означает «промах». Промах возможен, когда есть цель, в духовном смысле — Идеал. Покаяние и утверждение веры — два взаимообусловленных процесса, потому что один без другого не может быть осуществлен. Поэтому и покаянное письмо Владимира Мономаха органично становится поучением и исповедническим деланием. Жанровый синтез исповеди и поучения находит выражение во всем тексте «Поучения» в том, что примеры из Священной или отечественной истории, обращение к авторитету Св. Писания сопряжены с поучением, основанным на личном примере сложнейшего нравственного выбора самого автора [6, с. 9–10; 7, с. 148].

Идея нравственного выбора — смысловой стержень всего сочинения Владимира Мономаха. В письме эта идея объясняет композицию и внутреннюю логику текста, где, на наш взгляд, могут быть выделены пять смысловых фрагментов:

1. Определение нравственного вопроса, выбора, стоящего перед автором письма, и двух возможных вариантов его разрешения — истинного и ложного. Цитатами из Св. Писания Владимир Мономах обозначает традиционную бинарную оппозицию «праведник — грешник»: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие...».

2. Во второй, трагически напряженной, наиболее эмоциональной части письма определены семейные связи между Изяславом (убитым сыном Мономаха), Олегом Черниговским (крестным отцом Изяслава) и самим князем Владимиром. Мономах отсылает адресата/слушателя/читателя не только к книжным текстам (цитаты из покаянных псалмов), но и к фольклорной традиции — к обрядам жизненного цикла (традиционное для похоронного плача «Увы, мне!», образ снохи как горлицы, плачущей на дереве). Именно в концепте семьи воплощена сложность выбора, стоящего перед автором.

3. По контрасту далее Мономах сдержанно и сурово вспоминает исторический опыт Руси и обращается к событиям, предше-

ствовавшим смерти сына: «Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши. Судъ от Бога ему пришелъ, а (не) от тебе <...> Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку? Ти лѣпше суть из мерли и роди наши» (Тем ведь путем шли деды и отцы наши. Суд от Бога пришел ему, а не от тебя <...> Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших) [4, с. 271–272]. Опыт отцов дает психологическую опору Мономаху в его выборе, эсхатологическая перспектива — духовную опору.

4. Преодоление «многогострастности» потерявшего сына отца приводит в четвертой части письма к покаянию и утверждению в принятом решении: «Понеже не хочу я лиха, но добра хочу братъи и Русьскѣи земли (Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле)» [4, с. 272].

5. Наконец, итоговое обращение: «Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь. Но душа ми своя лутши всего свѣта сего (Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего)» [4, с. 272]. Внутренне определяющая логику всего текста надежда на спасение души открыто звучит только здесь (спасение как результат нравственного выбора).

Единство настроения письма и предшествующего текста «Поучения», созвучность выписок из Псалтири, которые и в первом, и во втором случае открывают текст, не вызывает сомнения. Письмо и наставления Владимира Мономаха о поведении, обязанностях человека-христианина, и князя-христианина в особенности (по отношению правителя к подданным и подданных — к другу другу, каждого — к самому себе и к Богу), есть конкретное применение к повседневной жизни идей, заложенных в избранных стихах из Псалтири и определяемых логикой Богослужения. Это необходимость «тружиться» для спасения души, покаяние, упование на Бога, прошение о помощи и радость Его прославления. Если Священное Писание отвечает на все вопросы, которые ставит перед человеком его историческое бытие, особое значение приобретает поиск злободневных поучений, изъятых из апофатического контекста.

Письмо к Олегу Святославичу, вошедшее в состав поучения детям и всем, «кто слышавъ сю грамотицю», обращенное к политическому противнику, но не содержащее ни одного политического требования, отражает общие характеристики православного служебного

текста — соборность и эсхатологизм («Душа ми своя лутши всего свѣта сего»). В жанровом синтезе «Почения» чрезвычайно важен литургический опыт Богообщения, когда публичное пространство послания заставляет автора говорить «как пред Богом».

Natalya N. BEDINA

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof., Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, bedina-nat@yandex.ru

Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent

Abstract. The aim of the study is to return to N.V. Shlyakov's idea on the inner connection of Vladimir Monomakh's "Homily" with the Lenten Liturgy and to determine the main semantic components in the text of this literary monument, which was the main source of the research. The study uses the method of structural-semantic analysis of the text. Monomakh selected quotes from the Psalms on the basis of the psalms that are part of the services of the first week of Great Lent, so the author suggests that the "Homily" was written around this period of the liturgical cycle. The author points to Monomakh's closeness to the ideas and moods of Great Lent, which is manifested, in particular, in a letter to Oleg Svyatoslavich of Chernigov, the prince who killed Monomakh's son in an internecine war. The concepts laid down in the text of this letter, which concludes Monomakh's Homily and relates to moral self-determination, Christian fraternity, and God's judgment, are successively analyzed. The dominance of eschatological ideas is explained by Monomakh's Orthodox worldview, the sociopolitical situation in Russia (the collapse of a single state, the strife of the princes, etc.), and the tragic life situation Monomakh found himself. The expectation of a judgment on his soul makes him move "in a circle" from the past to the present and future (beyond the limits of earthly existence) and back when presenting his thoughts. The goals Monomakh achieved in a letter to Prince Oleg are revealed: the justification and assertion of innocence before his brother (man). Based on the double interpretation of the word "confession" in Old Russian, the author of the article notes that Monomakh's letter is both a homily and a repentance. The semantic core of the entire composition is the moral choice of the prince. The author singled out five semantic points in Monomakh's letter: the definition of a moral choice and its two options, an appeal to the concept of a family, an appeal to the experience of previous generations, repentance and expression of hope for the salvation of the soul. The author comes to the conclusion that the semantic, structural and emotional core of Monomakh's work consisted in the ideas underlying Great Lent, the corresponding psalms and church services. Vladimir Monomakh's letter to Oleg Svyatoslavich reflects the general characteristics of the Orthodox liturgical text: sobornost and eschatology, while the semantic space of the message is identified with the space of communication with God.

Keywords: Vladimir Monomakh, "Homily", service text, church service, semantic structure, sobornost, eschatology, moral choice.

Использованная литература:

1. Аверинцев С. С. Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1971. С. 152–191.
2. Великий пост [Электронный ресурс] // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://>

References:

1. Averintsev, S.S. (1971) Zapadno-vostochnyy genезis literaturnykh kanonov vizantiyskogo srednevekov'ya [The West-East Genesis of the Literary Canons of the Byzantine Middle Ages]. In: Rifting, B.L. (ed.) *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada* [Typology and Relations of Medieval

drevo-info.ru/articles/163.html (дата обращения 15.08.19).

3. Дьяченко Григорий, свящ. Объяснения воскресных и праздничных евангелий всего года, читаемых на литургиях и всенощных бдениях, с подробными догматическими и нравственными выводами: В 2 ч. Ч. 1: Объяснение воскресных евангелий, читаемых на литургии и утрени. [Репр. изд.]. М.: Изд-во Сретен. монастыря, 1997.

4. Карпов А. Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015.

5. Рогачевская Е. Б. Библейские тексты в произведениях русских проповедников // Герменевтика древнерусской литературы. 1992. №3. С. 181–195.

6. Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: поэтика жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 2. С. 8–13.

7. Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы жанра // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 148–149.

8. Шляков Н.В. О Поучении Владимира Мономаха. СПб.: тип. В.С. Балашева и К°, 1900.

Literatures of the East and the West]. Moscow: Nauka. pp. 152–191.

2. Drevo. An Open Orthodox Encyclopedia. (n.d.) *Velikiy post* [Great Lent]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/163.html>. (Accessed: 15.08.2019).

3. D'yachenko, G., priest. (1997) *Ob'yasneniya voskresnykh i prazdnichnykh evangeliy vsego goda, chitaemykh na liturgiyakh i vsenoshchnykh bdeniyakh, s podrobnymi dogmaticheskimi i npravstvennymi vyvodami: V 2 ch.* [Explanations of Sunday and Holiday Gospels of the Whole Year, Read at Liturgies and All-Night Vigils, With Detailed Dogmatic and Moral Conclusions: In 2 Parts]. Pt. 1. Reprint. Moscow: Izd-vo Sreten. monasterya.

4. Karpov, A.Yu. (2015) *Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh* [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moscow: Molodaya gvardiya.

5. Rogachevskaya, E.B. (1992) Bibleyskie teksty v proizvedeniyakh russkikh propovednikov [Biblical Texts in the Works of Russian Preachers]. *Germevntika drevnerusskoy literatury*. 3. pp. 181–195.

6. Filippovskiy, G.Yu. (2017) Vladimir Monomakh's "Homily": Genre Poetics. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 2. pp. 8–13. (In Russian).

7. Filippovskiy, G.Yu. (2017) "Pouchenie" Vladimira Monomakha: problemy zhanra [Vladimir Monomakh's "Homily": Problems of the Genre]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 3 (69). pp. 148–149.

8. Shlyakov, N.V. (1900) *O Pouchenii Vladimira Monomakha* [On Vladimir Monomakh's "Homily"]. St. Petersburg: tip. V.S. Balasheva i K°.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бедина, Н. Н. «Поучение» Владимира Мономаха в контексте духовного содержания Великого поста / Н. Н. Бедина // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 82–87. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.007

Full bibliographic reference to the article:

Bedina, N. N. (2020) Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 82–87. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.007

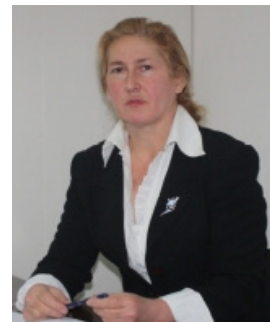

АГИЕВА Лемка Тугановна

кандидат философских наук, ученый секретарь
Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева,
Магас, Российская Федерация

Lemka T. AGIEVA

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Academic Secretary, Ingush
Research Institute of Humanities named after Ch. Ahriev,
Magas, Russian Federation,
7.lenka777@bk.ru

УДК 94(470.62/.67):323.269"18/19"
ГРНТИ 03.23.55
ВАК РФ 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.008

Абречество как одна из форм социального протеста

Abrechestvo as a Form of Social Protest

Феномен абречества исследуется в русле комплекса проблем, связанных с историей национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа. Методологической основой явился принцип эволюционного развития, примененный к анализу социальных процессов. Материалами стали архивные источники, исследования историков, данные толковых и энциклопедических словарей. Прослежена эволюция значения термина «абрек», изучено развитие самого абречества как формы социального протеста, привлечен фактографический материал, касающийся жизни одного из самых известных абреков Ингушетии – Зелимхана Гушмазукаева. Термин «абрек», первоначально означавший разбойника и изгоя, постепенно изменил смысл, приобретая значение борца за свободу против царских войск и администрации. Суть и внутреннее содержание абречества со временем эволюционировали аналогичным образом. Наличие у абречества социальной опоры обусловило вывод о том, что оно было ответом горского общества на политическое бесправие и экономические проблемы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ингушетия, абрек, революция, царизм, кровная месть, горцы, Зелимхан Гушмазукаев.

Наименее изученный период национально-освободительного движения народов Северного Кавказа приходится на конец XIX — начало XX в. Именно тогда, в эпоху укрепления в регионе русского царизма, здесь стало широко распространяться такое явление, как абречество, первоначально возникшее еще

в глубокой древности в недрах этнических сообществ Кавказа на почве кровной мести и конфликта с обществом из-за нарушения социальных и нравственных устоев его отдельными членами с последующим их изгнанием. Этому социально-бытовому явлению сопутствовал целый комплекс социальных, быто-

Верховой горец в бурке, с кавалерийским карабином системы Мосина-Нагана в руке. Именно так в начале XX столетия выглядели кавказские абреки

вых и экономических проблем, обусловленных особенностями процесса исторического развития этноса. Формирование абречества в условиях аграрно-общинного быта можно связать также с долгим отсутствием государственности в обществе, необходимостью защиты рода и членов семьи от нападения со стороны.

Историк и публицист Р. Х. Агуажба отмечал: «...одной из форм сопротивления царизму было абречество: на карательные экспедиции царских генералов, даже после покорения Кавказа, горцы отвечали стремительными и дерзкими акциями, приводившими в трепет военную администрацию Кавказа» [5, с. 130–134].

Многие становились абреками по трагическому стечению обстоятельств. Исследователи считают, что это были беглецы, уходящие в горы от возмездия, или, напротив, для того, чтобы совершить это возмездие. Очень часто они делились похищенным с бедняками, семьями без кормильцев. В абреки уходили даже князья, проштрафившиеся в своем обществе. Абречество было настолько емким понятием, что, объясняя его, каждый мог предлагать свой ракурс, придавая нужную направленность.

Приход России в регион в XVI в. и затяжная Кавказская война XIX в. добавили образу разбойников еще более страшные чер-

ты — военных преступников, разорявших и сжигавших крепости и станицы, сеявших смерть. Именно такими предстают абреки во многих трудах российских военных и интеллектуалов, посвященных событиям на Кавказе [4, с. 29; 23]. Даже в середине 1930-х гг. А. М. Горький, оценивая в том числе и историографическую ситуацию, сложившуюся к тому времени, говорил о нехватке объективной информации, связанной, в частности, с социальными потрясениями: «...что эти явления у нас еще не исследованы, — не знаем ни архивов старых, мы не знаем вообще того, что делалось. Судебные архивы того времени могли бы показать нам очень многое...

В этом разбойничестве были элементы бунта социального» [6, с. 497].

Термин «абрек» был распространен на Северном Кавказе: в Ингушетии — «эбарг», в Чечне — «обарг», в Грузии — «абраг», в Осетии — «абыраег», в Абхазии — «абрагъ», в Азербайджане — «гачаг», у адыгов — «хеджрет». О первых абреках стало известно XVI в.

Само слово «абрек» восходит к иранскому «бродяга, грабитель» (перс. арагак — «бродяга») [22, с. 17] и, вероятно, изначально имело лишь незначительный отрицательный оттенок. Негативную коннотацию оно приобрело уже в XIX в., во время Кавказской войны, когда через черкесский язык попало в русский. Судя по схожим определениям, приведенным в словаре Ф.-Э. Г. Толля (1863) [19, с. 9], и второму изданию словаря В. И. Даля (1880), слово «абрек» практически утратило свое «благородное» значение. В частности, в «Толковом словаре живого великорусского языка» абрек определяется как «отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово, также беглец, приставший для грабежа к первой шайке» [9, с. 2]. Автор статьи в словаре Брокгауза и Ефрона утверждает, что «у кавказских горцев этим именем называют человека, принимающего на себя обет избегать всяких жизненных удо-

вольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях с людьми». [3, с. 2]. Немного позднее, в XX в., значение слова «абрек» опять меняется, на этот раз в сторону романтизации: абреками стали называть «благородных кавказских разбойников» [2, с. 7].

Дореволюционный специалист в области обычного права Ф. И. Леонтович, исследуя адаты горских народов Северного Кавказа, следующим образом охарактеризовал социальный статус абреков: «По своему положению абреки были бездомные бродяги. Юридическое положение абрека выказывалось в полной его беззащитности и бесправности» [12, с. 360].

Словарь русского языка С. И. Ожегова, первое издание которого увидело свет в 1949 г., содержит совершенно иную дефиницию понятия «абрек»: «...в период присоединения Кавказа к России: горец, участвующий в борьбе против царских войск и администрации» [18, с. 18]. Наконец, в Большой Советской энциклопедии (3-е издание, 1970 г.) указывается, что в эпоху обоснования русского царизма на Северном Кавказе абреками стали называть и всех тех, кто вел одиночную борьбу против царизма и установленного им режима. Среди последних известны: Зелымхан Гушмазукаев из Харочоя, Саламбек Гороводжев из Сагопши и др. [1, с. 29].

В этой связи Ю. В. Хоруев утверждает, что во всех толкованиях термина «абрек» наблюдается смысловое сходство и расхождение; подчеркиваются какие-то новые черты и оттенки, что значительно обогащает его семантику и делает феномен более многогранным и разноплановым. В разных трактовках понятия ясно прослеживается их связь с историческим временем, в котором жили и действовали абреки. Менялись эпохи, а с ними и поведение этих людей. Неизменным после завоевания Кавказа оставалось одно — борьба с русской властью, ее администрацией и режимом [20, с. 114]. Словом, абреками стали называть всех тех, кто самостоятельно вел борьбу против установившегося на Кавказе царского режима.

Изначально возникнув как результат нарушения норм обычного права теми или иными членами общины, племени, семьи и т.д., ин-

ститут абречества претерпел на протяжении веков определенные изменения и приобрел новое содержание. Первоначально абрек (*инг. «эбарг»*) был изгоем этого сообщества и вел жизнь одинокого бездомного бродяги. Естественно, целью его жизни, главным образом, было воровство, и ему необходимо было выжить в одиночестве. Настоящие абреки — изгнанники и отшельники, ставшие таковыми в силу самых разных причин и обстоятельств, в число которых могли входит кровная месть или оговор в совершении тяжкого преступления, что влекло за собой незаслуженную кару властей.

Впоследствии абреки являлись активно протестующей частью местного населения, не принявшей власть царизма, считавшей ее чужой для себя, — властью, с которой с самого начала ее появления в крае, представители этой части общества связывали все свои беды и страдания из-за ограничения ею их прав и свобод. Все другие преступавшие закон лица — просто воры, грабители и разбойники, на которых механически было перенесено название абреков. Главное различие между настоящими абреками и разбойниками состоит в несхожести мотивов поведения. Разбойники для достижения корыстной цели не останавливались ни перед чем: грабили, убивали, насиловали. Абреки — борцы за справедливость — должны были также прибегать к насилию и грабить, не имея других источников к существованию. Ограбление у абреков носило избирательный характер, и средства, приобретенные криминальным путем, шли, главным образом, на приобретение оружия, боеприпасов к нему, на покупку одежды, еды; остальное раздавали нуждающимся, особенно тем семьям, чьи кормильцы отбывали сроки в тюрьме. В отличие от бандитских вылазок, это были грабежи, силовые отъемы имущества без покушения на жизнь, если можно было обойтись без этого, если ничто не угрожало собственной жизни абреков и не сопровождалось отчаянным сопротивлением со стороны жертвы.

Автор книги «Разбои на Кавказе» В. Козачковский, прослуживший более трех десятилетий в тюремной администрации и надзорных ведомствах Терской области, считал,

что «разбой на Кавказе берет свое начало со времени его покорения» и называл одну из причин абречества или разбойничества — казенное, бездушное отношение власти к тем, кто без всякого умысла, а то и совершенно случайно совершил противоправное действие. В. Козачковский также считал, что «разбойников-злодеев, рецидивистов немного: большинство же случайные; разбойники нередко даже поневоле. Одни из них жертвы темперамента, другие аффекта, третьи жертвы народных обычаев, а нередко и людской несправедливости» [11, с. 3].

К первому десятилетию XX в. «разбой» на Кавказе приняли столь угрожающие масштабы, что феноменом, присущим только горцам, — абреками — заинтересовались даже в Государственной Думе. На одном из заседаний был заслушан доклад начальника Терской области, в котором, в частности, утверждалось: «Создалось положение, при котором промышленность и сельское хозяйство начали приходить в упадок, так как работать спокойно и последовательно не представляется возможным». На правительство России начался массированный прессинг. Депутаты Думы, политические деятели разного масштаба, центральные газеты, с умилением писавшие ранее об абреках, дружно стали требовать «навести должный порядок на Кавказе». Было принято решение ужесточить действия кавказской администрации путем увеличения военного присутствия, снятия с должностей чиновников-либералов, проведения карательных операций в наиболее «разбойничьем» регионе — Терской области.

Вместе с тем в глазах большинства представителей северокавказских сообществ абреки были, прежде всего, борцами против притеснений, чинимых царской администрацией. Слово «абрек» «стало почетным именем и этим именем народ награждал не всякого», — писал Асламбек Шерипов, известный революционный и общественный деятель Чечено-Ингушетии. Он также указывал на несоответствие требований, предъявляемых судебными органами Российской империи, и норм обычного права горцев, отмечая: «Преступная администрация на Кавказе и общая политика притеснения заставили многих

сильных личностей из чеченцев (и вообще кавказцев) становиться на нелегальное положение. Их продолжали преследовать и для успешной борьбы с вредными элементами ввели систему „круговой поруки“. От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или просто односельчанами „преступника“. Это создавало новые кадры озлобленных людей, решавшихся на все\... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и другие правительственные учреждения. А власть еще больше налегала на мирное население... Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали эту власть» [21, с. 47].

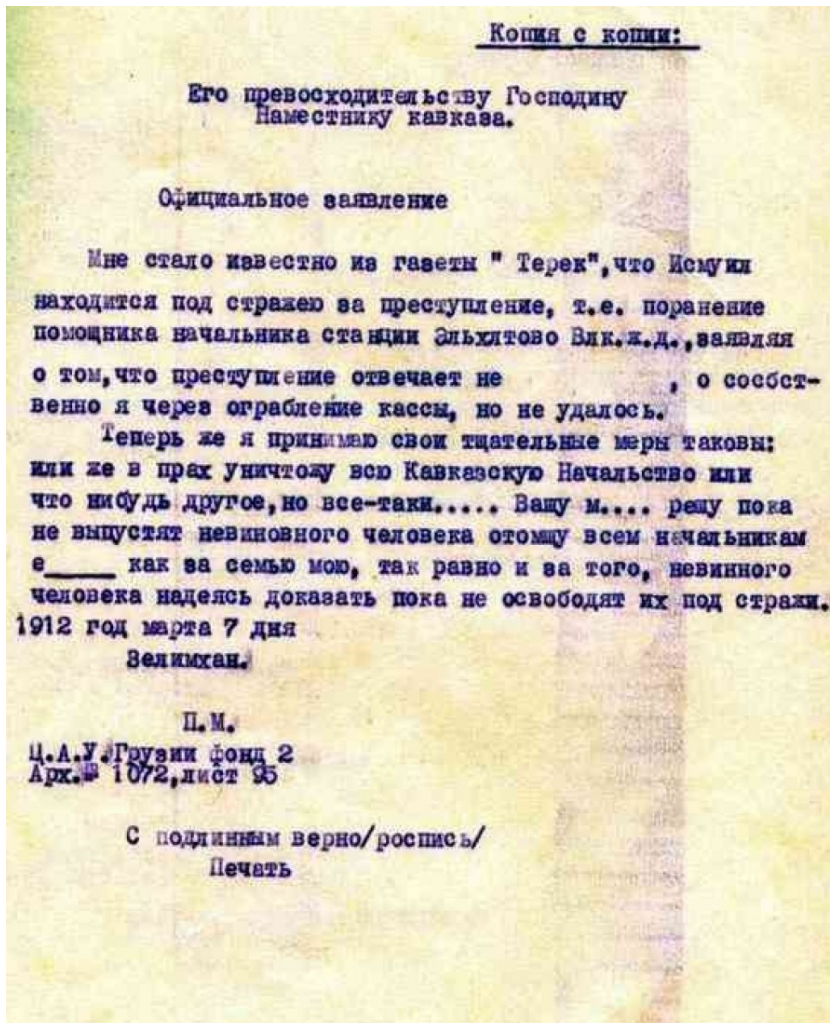
Ф. И. Леонтович, изучив происхождение абречества, утверждал, в частности, что абреком становился чаще всего тот, кто был виновен в убийстве невинного, или же совершил это преступление настолько бесчестно, что его собственный род отказывался выплатить за него «цену крови» (аналог виры) и защищать его. Нормы обычного права предполагали единственным возможным исходом для такого человека изгнание из общества, уход в горы и, по сути, бродяжничество. Такой образ жизни мог быть прерван, лишь если абрек заручался поддержкой кунака, который соглашался выполнять посредническую функцию в деле примирения изгоя и изгнавшего его рода.

Кроме того, для изгнания из общины будущему абреку было необязательно совершать тяжкое преступление — стойкое неповиновение общественным нормам также считалось причиной для подобного вердикта. Ф. И. Леонтович, в частности, указывает: «...абреком делалось лицо, лишенное наследства и изгнанное из своей семьи и рода за неповиновение отцу и вообще старшему в роде и другие поступки, влекшие для рода необходимость частой уплаты пеней за своего беспокойного члена, который в таких случаях обыкновенно изгонялся из рода» [13, с. 359–360].

Очень характерным в этом отношении является пример жителей аула Кок (Кек) в Горной Ингушетии в начале XX в. Из этого аула ведет свое начало род Кокурхоевых. Абрек Зелимхан Харачоевский был принят с семьей

Абрек Зелимхан Харачоевский (сидит)
со своими товарищами

Копия с копии официального заявления
Зелимхана Харачоевского 7 марта 1912 г.

по всем законам кавказского гостеприимства в этом ауле, при этом принимающая сторона осознавала, чем это грозит. Со временем власти узнали, что Кокурхоевы приютили у себя абрека Зелимхана и объявили им: «Лучше вам будет, если вы добровольно его выдадите, иначе мы ваш аул разорим и вас всех сошлем в Сибирь». Мудрые старики решили перенести все тяготы и ссылку, чем позор.

Действительно, если бы этот род поступил иначе, до сих пор народ их называл бы «Хъаьша вехка Кукурхой» — «Кокурхоевцы, предавшие гостя». Они как один стали на защиту Зелимхана и его семьи, за что и были взорваны аулы Кек и Нилх. Кроме того, 360 представителей рода Кокурхоевых были сосланы в Енисейскую губернию. Этот аул до сих пор заброшен, но род Кокурхоевых сохранил свою честь. Этот достойный для подражания пример характеризует принципы гостеприимства, где страх «позора» отодвигает на второй план все иные страхи и опасения. Властям приходилось считаться с обстоятельством, что абреков население никогда не выдавало ни добровольно, ни по принуждению.

Деятельность абрека Зелимхана, мстившего царской администрации за насилие, угнетение, грабеж народа, способствовало выселению в Сибирь людей, подозреваемых в связях с ним. Дважды выселяли горных ингушей и их семейства в Сибирь за содействие Зелимхану и его друзьям, при этом особо отличился командир 3-й сотни 2-го Кубанского пластунского батальона есаул Василенко. Много известных шейхов и мулл подозревались в сочувствии и связях с Зелимханом Харачоевским. По причинам, связанным с его деятельностью, были отправлены в ссылку (в Калугу) более 30 человек.

В 1910 г. военные власти на Кавказе организовали боль-

Взятое в плен семейство Зелимхана (почтовая карточка, 14 x 8,8 см. [не позднее 1912 г.]). Издание книжного магазина А. В. Дейкарханянца, г. Владикавказ

шую экспедицию для поимки абреков и, главным образом, Зелимхана. На его поимку и ликвидацию было снаряжено в поход более двух тысяч солдат и казаков. За голову знаменитого абрека была назначена награда в 18 тысяч рублей. Рассказывают, что даже вражье ружье не стреляло, если оно было направлено на Зелимхана. По народной легенде, Зелимхан и его оружие обладали чудодейственной силой, что помогало герою долгое время оставаться неуловимым.

1913 г. стал последним годом похождения Зелимхана. Есть основания полагать, что появление такого рода абречьих легенд связано с исключительностью этого уникального явления. Несомненно, Зелимхан Гашмазукаев, Суламбек Гараводжев и другие — это незаурядные личности из народа со своими

достоинствами и слабостями. Трагически оборвалась жизнь этих замечательных людей, вобравших в себя по воле обстоятельств той жестокой и противоречивой эпохи черты общественных героев, народных мстителей. Вот какую оценку дал таким героям-абрекам генерал Ольшевский: «Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил» (цит. по [17]). Такие люди действительно делали жизнь народа бессмертной. Про них ингуши говорили: «достойные мужчины — опора народа», то есть «Дика къонахий — мехка боаглий».

Подчеркиваемая отличительная черта абреков — защита бедных, обездоленных людей. Так, в преданиях повествуется, как

Абрек Суламбек Гараводжев (Сагопшинский) (Соламбек Гороводжев). Фото из газеты с пояснительной надписью («Кавказская копейка» (Баку) 1911 г., 25 августа) [?]

№ 3 Убитый абрেক ЗЕЛИМХАНЪ и его семейство.

Убитый абрек Зелимхан и его семейство (почтовая карточка, 14 x 8.8 см [Шали (Терская область), 26 сентября 1913 г.]).

Зелимхан со своими сподвижниками ограбил Кизлярский банк и деньги (золото) раздал бедным людям. Доказательством тому является «Прощение», которое абрек направил 15 января 1909 г. на имя председателя III Государственной Думы октябриста Н. А. Хомякова: «Хозяйства, как сосланных, так и заключенных, совершенно разорились, жены, и дети их живут подаянием добрых людей, да тем, что я иногда уделю им из своего добра после удачного набега» [7, с. 138].

В преданиях о Зелимхане внимание концентрируется на том, что он отнюдь не грабитель, не разбойник и не вор. Показано это с помощью сопоставления подлинного Зелимхана с лжезелимханами, которые, прикрываясь именем знаменитого абрека, обирали бедных людей. Завершаются эти предания тем, что Зелимхан восстанавливает причиненный ущерб, а грабителей нещадно избивает. Справедливость становится основной чертой характера любимых народных героев. Следует также заметить, что прежде чем учинить расправу над противником, Зелимхан, как правило, писал

ему письмо, в котором требовал прекратить всякое насилие, предупреждая в противном случае о печальных для него последствиях, вплоть до убийства. Каждое письмо Зелимхан скреплял собственной печатью, на которой было выгравировано его имя [8, с. 251].

Архивные документы сохранили для нас некоторые имена ингушских всадников-абреков, это: Дрис Сапралиев, Ума Оздоев, Бек-Султан Мальсагов, Егор Аушев, Баади Шибиллов, Саит Манкиев, Юха Хаматханов, Таштемир Султанов, Албаст-Хаджи Антошкиев, Эльбуздуко Муцольгов, Бекмурза Бахтиев, Хуни Гараков, Исак Арчаков, Саварби Даутов, Нагомурза Нальгиев, Тиса Бахтиев, Охруж Дарбазанов, Мида Аушев, Юнус Вдоев, Буряж Гамурзиев, Кажи Сагов, Эсмурза Арапиев, Сарали Гуражев, Исак Матиев, Алхас Медов, Атаби Картоев, Сулейман Баркинхоев, Инос Парчиев, Эдо Арсамаков, Сулейман Ведзижев, Хаджи-Мурат Бекков, Абдул Парчиев, Тотре Богатырев, Хакяш Евлоев, Казбек Абиев, Заур Евлоев, Соси Гасаров, Исбаа Аушев, Пасто Богатырев, Алихан Гатиев, Гайри Арапиев, Товмурза Бекков, Ар-

таган Дакиев, Косум Мациев, Артаган Абиргов, Янырс Гарданов, Хасан Картоев и многие другие [10; 14, л. 644–645 об.; 15, л. 142; 16, л. 151–151 об.]. Ингушский конный полк явился единственным соединением в дивизии, в штате которого находились пять конных сотен. Исходя из этого необходимо отличать истинных народных заступников от обычных грабителей.

Абречество — сложное социальное явление в жизни кавказских народов. Менялись исторические эпохи, изменялась и природа абречества, его характерные признаки, модифицировалось даже само понятие, каждый раз вбирая в себя новые черты, тем более что причин и источников у этого явления на всех

стадиях развития общества было предостаточно. Абреки — это не только изгнанники общества за вину. Для большинства абреков их жизнь — это яростный протест против социальной несправедливости, по причине которой они оказались вне общества, добровольно отказались от всех мирских благ и вступили в конфликт с ним, а затем и с бесцеремонным вторжением в жизнь горцев царской администрации и ее государственного аппарата. Таким образом, следует подчеркнуть, что абречество явилось ответом горского общества на политическое бесправие и тяготы экономической ситуации, сопровождавшие социальное развитие горцев Северного Кавказа в досоветский период.

Lemka T. AGIEVA

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Academic Secretary,
Ingush Research Institute of Humanities named after Ch. Ahriev,
Magas, Russian Federation,
7.lenka777@bk.ru

Abrechestvo as a Form of Social Protest

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of *abrechestvo* in line with a complex of scientific problems related to the history of the national liberation struggle of the peoples of the North Caucasus against the colonialist policy of the tsarist administration. The methodological basis was the principle of evolutionary development applied to social processes. The author used a set of methods inherent in historical science (historical-chronological, historical-comparative, diachronic, and others), as well as methods related to the interpretation of texts and concepts. The materials for the research were archival sources, studies of historians and data from explanatory and encyclopedic dictionaries. The term *abrek* is analyzed in detail, its variations in the languages of different peoples of the North Caucasus are given. Further, the author traces the evolution of the meaning of this concept in the Russian language for more than 120 years—from the dictionaries of the mid-19th century to the last edition of the Great Soviet Encyclopedia. The development of *abrechestvo* as a phenomenon of social life is investigated. The factual material relating to the activities of one of the most famous abreks of Mountain Ingushetia, Zelimkhan Gushmazukaev, is involved. The author comes to the conclusion that the term *abrek*, originally meaning a robber and an outcast, changed its meaning over the century, acquiring, in addition to a romantic connotation, the meaning of a freedom fighter against the tsarist troops and administration. Similarly, over time, the essence and inner content of *abrechestvo* evolved: from a forced exile and vagrancy to activities of social protest and of fighting for justice. These ideals were supported by the majority of representatives of the North Caucasian ethnic communities, who openly supported abreks, not fearing the possible reprisals from the authorities. At the same time, public consciousness quite clearly separated true abreks from those who did evil under their name and authority. The author claims that abreks resorted to robberies only selectively and avoided murders. They used the stolen property for buying weapons, for helping the needy and families who lost their breadwinners. Abreks had society's support, which led the author to the conclusion that it was a response of the highlanders' society to political lawlessness and economic problems that constantly accompanied its development during the pre-Soviet period.

Keywords: North Caucasus, Ingushetia, abrek, revolution, tsarism, blood feud, highlanders, Zelimkhan Gushmazukaev.

Использованная литература:

1. Абрек // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 т. Т. 1: А-Ангоб. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 29.
2. Абрек // Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 7.
3. Абрек // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. 1: А-Алтай. СПб.: Семеновская типолитография И.А. Ефрона, 1890. С. 41.
4. Абрек. Кавказская азбука в эссе Олега Кусова. [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Abrek-Kavkazskaya-azbuka-v-esse-Olega-Kusova.html> (дата обращения 20.06.19);
5. Гожба Р. От Кубани до Нила расселились уходящие от родных очагов горцы // Родина. 1994. № 3-4. С. 130-134.
6. Горький А. М. О литературе. М.: Советский писатель, 1937.
7. Гатуев Дз. Зелимхан. Орджоникидзе: Северо-Осетинское. кн. изд-во., 1965.
8. Гатуев Дз. Зелимхан // Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А-З. М.: Русский язык Медиа, 2007.
10. Картоев М.М. Абреки Ингушского полка Кавказской Туземной конной дивизии, 1916-1917 гг. 19 января 2017 г. // Государственный архив Республики Ингушетия. URL: <http://ingarchive.ru/publikacii/abreki-ingushskogo-konnogo-polka-kavkazs.html> (дата обращения 20.06.19).
11. Козачковский В. Разбои на Кавказе. Очерки. Владикавказ: Электропеч. С. Казарова, 1913.
12. Леонтович Ф. И. Адааты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. Вып. 1.
13. Леонтович Ф. И. Адааты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. Вып. 2.
14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 96.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 134.
16. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 140.
17. Современники Русско-Кавказской войны о воинских качествах черкесов // информационно-аналитическое агентство NatPress. URL: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=9572> (дата обращения 28.02.2019).
18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 25-е изд., М.: ОНИКС: Мир и Образование, 2006.
19. Толль Ф. Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. Т. 1: А — Двина. СПб.: издание Ф. Толля, 1863.
20. Хоруев Ю. В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: Олимп, 2011.

References:

1. Prokhorov, A.M. (ed.) (1970) Abrek. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. In 30 Vols. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 29.
2. Prokhorov, A.M. (ed.) (2001) Abrek. In: *Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. p. 7.
3. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1890) Abrek. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. V 86 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. In 86 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Semenovskaya tipolitografiya I. A. Efrona. p. 41.
4. Kusov, O. (2018) Abrek. *Kavkazskaya azbuka v esse Olega Kusova*. [Abrek. Caucasian alphabet in an essay by Oleg Kusov]. *Vestnik Kavkaza*. April. [Online] Available from: <https://vestikavkaza.ru/articles/Abrek-Kavkazskaya-azbuka-v-esse-Olega-Kusova.html>. (Accessed: 20.06.2019);
5. Gozhba, R. (1994) *От Кубани до Нила расселились уходящие от родных очагов горцы* [From the Kuban to the Nile, highlanders departing from their homes settled]. *Rodina*. 3-4. pp. 130-134.
6. Gor'kiy, A.M. (1937) *O literature* [About Literature]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
7. Gatuiev, Dz. (1965) *Zelimkhan*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe. kn. izd-vo. (In Russian).
8. Gatuiev, Dz. (1981) *Zelimkhan*. In: Sumenova, Z.N. (ed.) *Stakan sheykha* [The Glass of the Sheikh]. Ordzhonikidze: Ir.
9. Dal', V. (2007) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk Media.
10. Kartoev, M.M. (2017) *Abreki Ingushskogo polka Kavkazskoy Tuzemnoy konnoy divizii, 1916-1917 gg.* [Abreks of the Ingush Regiment of the Caucasian Indigenous Horse Division, 1916-1917]. [Online] Available from: <http://ingarchive.ru/publikacii/abreki-ingushskogo-konnogo-polka-kavkazs.html>. (Accessed: 20.06.2019).
11. Kozachkovskiy, V. (1913) *Razboi na Kavkaze. Ocherki* [Robberies in the Caucasus. Essays]. Vladikavkaz: Elektropech. S. Kazarova.
12. Leontovich, F.I. (1882) *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adata of the Caucasian Highlanders. Materials on Customary Law of the North and East Caucasus]. Is. 1. Odessa: Tip. P. A. Zelenogo.
13. Leontovich, F.I. (1882) *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adata of the Caucasian Highlanders. Materials on Customary Law of the North and East Caucasus]. Is. 2. Odessa: Tip. P. A. Zelenogo.
14. Russian State Military Historical Archive. Fund 3530. List 1. File 96. (In Russian).
15. Russian State Military Historical Archive. Fund 3530. List 1. File 134. (In Russian).

21. Шерипов А. Статьи и речи. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1961.
22. Этимологический словарь русского языка. М: Изд-во Московского ун-та, 1963. Т. 1. Вып. 1. (А).
23. Эшба Е. Асламбек Шерипов. Грозный: Отдел народного образования Чеченской авт. обл., 1927.
16. Russian State Military Historical Archive. Fund 3530. List 1. File 140. (In Russian).
17. NatPress. (2015) *Sovremenniki Russko-Kavkazskoy voyny o voinskikh kachestvakh cherkosov* [Contemporaries of the Russian-Caucasian War on the Military Qualities of the Circassians]. [Online] Available from: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=9572>. (Accessed: 28.02.2019).
18. Ozhegov, S.I. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 25th ed. Moscow: ONIKS: Mir i Obrazovanie.
19. Toll', F.G. (1863) *Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya (spravochnyy entsiklopedicheskiy leksikon): V 3 t.* [Desk-Top Dictionary for References in All Branches of Knowledge (Reference Encyclopedic Lexicon): In 3 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: izdanie F. Tollya.
20. Khoruev, Yu.V. (2011) *Abreki na Kavkaze* [Abreks in the Caucasus]. Vladikavkaz: Olimp.
21. Sheripov, A. (1961) *Stat'i i rechi* [Articles and Speeches]. Groznyy: Checheno-Ingushskoe kn. izd-vo.
22. Faktorovich, T.L. (ed.) (1963) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Is. 1. (A). Moscow: Moscow State University.
23. Eshba, E. (1927) *Aslambek Sheripov*. Groznyy: Otdel narodnogo obrazovaniya Chechenskoy avt. obl. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Агиева Л. Т. Абречество как одна из форм социального протеста / Л. Т. Агиева // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 88–97. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.008

Full bibliographic reference to the article:

Agieva, L. T. (2020) *Abrechestvo* as a Form of Social Protest. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 88–97. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.008

ДУДАРЕВА Марианна Андреевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Marianna A. DUDAREVA

Cand. Sci. (Russian Literature), Senior Lecturer,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation,

marianna.galieva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4950-2322

УДК 008:[398:801.6](470)"19"
ГРНТИ 13.11.25
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.009

**Апофатика русского языка
и культуры в творчестве
Н. С. Гумилева
(на примере стихотворения
«Жираф»)**

**The Apophatics of the Russian
Language and Culture
in the Works of Nikolay Gumilyov
(On the Example of the Poem
"The Giraffe")**

Апофатика русского языка и культуры, проявляющаяся на концептуальном уровне языка, составила проблемное поле исследования, цель которого заключается в выявлении апофатических идей, заключенных в стихотворении Н. С. Гумилева «Жираф». Материалом для исследования послужил текст данного произведения, а также работы российских и зарубежных культурологов и литературоведов. Методология сводится к целостному анализу художественного текста с применением структурно-типологического и сравнительно-сопоставительного методов исследования. Автор отмечает присутствие в стихотворном тексте двух топосов: мира, в котором пребывают герои, и далекого мира Африки. Этот мир создает в произведении фольклорную сакральную реальность, которая не может быть описана иначе, чем через отрицание категорий реального мира. Идеальная африканская страна света, «иное царство», доступна только при абсолютном доверии, вере в ее существование, и в этом проявляется апофатичность описанной поэтом ситуации.

Ключевые слова: традиционная народная культура, апофатика, поэтика, фольклор, миф, символ, «иное царство», Гумилев, африканская культура.

Введение

В русском языке есть лексические единицы, заставляющие задуматься не только иностранца, который знакомится с русской литературой и культурой, но и самого носителя языка. «Невыразимый», «несказанный», «необъяснимый», «немыслимый», «неведомый» — эти и другие прилагательные с приставкой «не» несут в себе семантику необъяснимого, того, что с трудом поддается лексическому описанию. Такие единицы связаны не с языковой, а с концептуальной картиной мира, с особенностями национального космо-психо-логоса [4, с. 37–40]. Стоит отметить, что подобных единиц достаточно много в русской литературе, особенно в поэзии, так как поэзия метафорична. Метафору не всегда просто расшифровать — она, по мысли О. М. Фрейденберг, представляет собой *осколок* мифа, то есть ее можно и следует понимать через миф, а литература перенимает силу мифа и фольклора, образуя с ними сложную диалектическую триаду [19, с. 118–119].

Материалы и методы

В некоторых исследованиях отечественных авторов последних десяти лет эти лексемы связывают с апофатической традицией в языке и культуре [10, с. 472–476]. Конечно, сегодня понятия «апофатика», «апофатический», пришедшие из богословской сферы, используются лингвистами и литературоведами в широком смысле. В богословии под апофатическим методом подразумевается невозможность объяснения сущности Бога, божественного начала, а также постижение Бога через любое отрицание определений Бога. Однако в филологических работах понятие «апофатика» распространяется уже на далекие от богословия, теологии вещи и связано с такими моментами в художественном тексте, которые сопряжены с Абсолютом, Танатосом, Эросом, Красотой. Перечисленные категории, имеющие философский подтекст, всегда трудно комментировать. Особенно это касается смертельной проблематики в тексте, так как тема смерти по своей природе табуирована. Однако обращение к традиционной народной культуре, фольклору в его широком понимании (учитывая формы обряда, ритуала), мифу позволяет расширить взгляд на проблему Танатоса

в культуре, потому что человек архаических представлений несколько иначе относился к смерти, воспринимая ее не как конечную инстанцию, а как *точку перехода*, важнейшее событие, подготавливающее к новой жизни.

В народной антропологии представления о душе и о жизни после смерти отличаются от принятых в светской культуре, в секулярном обществе. В статьях современных российских ученых-гуманитариев, посвященных антропологии смерти, подробно освещены вопросы отношения западного человека к смерти, особенностей реакции западной культуры на факт смерти [14] [9]. Исследователи наблюдают десакрализацию смерти, ее «отторжение» обществом, происходящее за счет развития медицины, продлевающей жизнь, облегчающей предсмертные страдания тяжелобольных, формирования похоронных институтов, моргов, крематориев. В отечественной истории тоже был период (1920-е гг.), когда к теме смерти относились с иронией. Однако «отторжение» смерти русскими все-таки имеет свои особенности.

По справедливому замечанию Н. Осиповой, смерть находится в парадигме со смехом, эти два явления не вытесняют друг друга, а сосуществуют в пределах одной культуры, создавая феномен «прирученной» смерти [13, с. 25]. Подтверждение этому мы находим в работах этнографов и фольклористов. Ученые приводят в пример известную «игру в покойника», распространенную на свадьбах. И. А. Морозов в статье «Переживание смерти в игре как аспект становления личности» приходит к выводу, что «именно игра и сопутствующее ей веселье являются самым эффективным средством нейтрализации смерти» [12, с. 94]. Таким образом, смерть вступает в амбивалентные отношения со смехом, и в теоретическом, культурфилософском, осмыслении дела обстоят гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Подобное отношение к *тому свету* выражено и в русской сказке, где герою необходимо преодолеть «иное царство», чтобы добыть сакральные знания, волшебный предмет, вещую невесту и т.д. Кроме того, по словам философа Е. Н. Трубецкого, у русского человека есть даже скрытая необходимость

в «ином царстве», *солнечной земле* [18, с. 19]. В фольклоре топосы, связанные с *тем светом*, нередко имеют статус неведомых, лежащих за пределами данного. Оный мир вообще отличается по ряду признаков, в первую очередь, тем, что он *оборотен*, имеет другой коррелят: «Все, что характерно для земного мира, мира жизни, имеет свой обратный коррелят в мире потустороннем, который фигурирует в заговорах и заклинаниях как локус, куда изгоняются болезни и прочие злые силы» [17, с. 345].

Исходя из представленных культурфилософских замечаний рассмотрим такие лексемы, как «несказанный», «неведомый», «невыразимый», «немыслимый», в фольклорном аспекте, а также проанализируем в этом контексте ставшее уже классическим, программным для акмеизма, стихотворение Н. Гумилева «Жираф», в котором поэтом употреблено словосочетание «запах немыслимых трав», дающее перспективу для фольклористического комментария. С этой целью обратимся к историко-типологическому методу и фольклористическому комментированию текста. Последнее предполагает, что исследователем будут учтены разные типы фольклоризма, регистрирующие формы и латентные проявления фольклорной традиции в поэтике.

Результаты

Стихотворение Гумилева «Жираф» многие исследователи анализировали преимущественно в контексте африканской темы и в неразрывной связи с образами, топографией Африки в творчестве акмеиста. Конечно, это правомерно, поскольку образ жирафа эмблематичен (это животное является символом Африки и ключом к разгадке полного тайн континента). Однако литературоведы давно обратили внимание на то, что в стихотворении представлены два топоса — дано пространство собственно героя и загадочный, волшебный, далекий мир Африки, который, по замечанию М. Баскера, написавшего один из самых развернутых комментариев к стихотворению, представляется грезой, вымыслом рассказывающего [2, с. 132]. Проблему двух хронотопов «Жирафа» продолжает исследовать уже в метафизическом ключе И. Видугирите в статье «Стихотворение „Жираф“ и африканская тема Н. Гумилева». Исследователь

указывает на амбивалентную природу африканского мира в тексте: «С одной стороны, он подчеркнута искусственен. Как и его эмблематический представитель, „изысканный“ Жираф, он — порождение творческой фантазии. Но одновременно ему присущи черты объективной реальности — „я знаю, что много чудесного видит земля“» [5]. И в этом контексте очевидной становится проблема веры и доверия между рассказывающим о жирафе и слушателем, в данном случае женщиной. Исходя из этого ученый делает вывод, что главным скрытым смыслом стихотворения являются взаимоотношения двух людей, между которыми происходит коммуникация. В таком случае гумилевский текст вовсе не об Африке, а об отношениях этих двоих. Это весьма убедительно, и мы соглашаемся с тем, что личная тема — одна из основных в стихотворении, но, тем не менее, африканский контекст и хронотоп воссоздают и фольклорную реальность в «Жирафе».

С одной стороны, правы М. Баскер и И. Видугирите, пишущие об *идеальной* составляющей стихотворения, заключающейся в топографии Африки. С другой стороны, любая коммуникация имеет определенную цель. Зачем лирический герой рассказывает своей, по всей видимости, подруге о жирафе, таинственной далекой стране? Девушка находится *здесь*, то есть вместе с рассказчиком, но она погружена в свою грусть, сосредоточена на себе, о чем говорит и ее поза:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен
твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв
[7, с. 142].*

На психофизическое состояние героини исследователи также обращали внимание. Собеседник же пытается как бы вытащить ее из этого состояния, рассказывая о чудесной далекой стране. Но дело здесь не только в психологизме момента. Во-первых, стоит отметить, что жираф — не сам по себе. Сама луна старается сравниться в красоте с его шкурой:

*Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,*

*С которым равняться осмелится
только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер
[7, с. 142].*

Обращаясь к мифологическим представлениям народов Африки, мы обнаруживаем, что Луна занимает одно из главных мест в их космогонической системе координат. Кроме того, Луна на определенном этапе культурного мышления была главнее Солнца [16, с. 175]. Гумилев же уподобляет главное светило жирафу. И это тоже представляется не поэтической вольностью. Исследователи, анализирующие «африканские» мотивы, зарисовки в творчестве поэта, обращают внимание на то, что Гумилев перерабатывал, проживал эту тему, и Африка является не вымышленной в его поэтике, она органична для художественного мира акмеиста: «Гумилев видит мир сказочным и экзотическим, опираясь на личные впечатления, которые одновременно вымышлены и, безусловно, прожиты, вычитаны из книг и пройдены буквально сотнями дорог» [8, с. 79].

В африканской мифологии животные занимают одно из ведущих мест, и многие из них (змея, птица, рысь) наделены *онтологическим* смыслом, они сакральны для народа. Конечно, мы не подводим поэта к «присяге на верность» фольклорной традиции или этнографической реальности, поскольку художник слова всегда вступает в поэтический диалог с мифом, фольклором, осмысливая и обыгрывая их по-своему. Но аналогия со славянским фольклором оказывается продуктивной: мотив оборачивания светила в шкуру животного, например, свиньи, волка, связан со сменой космического годового цикла, солярными культами. А. Н. Афанасьев, с работами которого были знакомы многие представители Серебряного века, подробно описывает оборачивание в шкуру животного Солнца, показывает, как воспринимали это люди. Тучи, облака, туман им виделись животными, заслоняющими светило и его свет. Снять шкуру означало выйти из тумана и холода, совершить *прорыв* из тьмы к свету [1, с. 167]. Случайно ли то, что Луна уподобляется жирафу, а лирическая героиня пребывает как бы в печали, грусти

и тумане? Сутью рассказа о жирафе является представление, имажинация о солнечной земле, которая лежит за пределами данного:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен
твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф [7, с. 142].*

И озеро Чад, и сам жираф находятся далеко. И чем отдаленнее этот топос, тем больше он связан с *тем светом*, «иным царством». Рассказчик словно заклинает, заговаривает свою слушательницу, чтобы вывести ее из тумана, из *пограничного* состояния, на что указывает и кольцевая композиция стихотворения, которое будто не имеет конца, по справедливому замечанию И. Видугирите. Таким образом, жираф становится символом *прорыва* из тьмы к свету. Само рассказывание представляется имажинацией африканской идеальной земли (имагинацию, вслед за Я. Э. Голосовкером, мы понимаем как высший образ [6]). Рассказывающий не просто верит и знает, что все рассказанное — правда, но и видит это словно наяву. Обращение к стихотворению «Жираф» можно встретить в статьях, посвященных проблеме классификации героя в ранней лирике Гумилева [15]. В данном случае можно говорить о мифологеме героя-мага/жреца, который создает и открывает особую сакральную реальность.

В описании африканской земли в «Жирафе» все вроде бы просто и реально, но уподобление Луны, одного из доминантных образов и кодов культуры Африки, животному важно в ритуальном — фольклорном — контексте и косвенно указывает на выстраивание *мировой оси* в произведении (Луна и на небе, и, отраженная в водах озер, на земле) и на потенциальную сопричастность лирического героя этой мировой оси. На *иномирную* природу африканского мира указывает также запах *немыслимых трав*, который нередко и сбивает с толку исследователей. В этом сочетании кроется *апофатичность* момента — рассказчик не знает, как донести до своей молчаливой собеседницы представления о *другой* земле, о существовании другого — *метафизическо-*

го — в жизни (и здесь не так важно, африканский или славянский это мир). Речь идет об апофатичности самой ситуации, невозможности передать словами доступного языка то, что *неведомо*.

На достижение апофатического эффекта «работает» и употребляемое в стихотворении местоимение «что-нибудь». Как и любое другое неопределённое местоимение, оно добавляет тексту завуалированности, делает значения амбивалентными [3, с. 67].

Выводы

Таким образом, в «Жирафе» ситуация приобретает пограничный характер. Собеседница не хочет верить не столько в изысканного жирафа, сколько в собственную возможность выхода из своего *лиминального* положения. Однако катарсис все-таки случается — девушка плачет. Слезы являются ответной психофизической реакцией на рассказ о чудесной земле, озере Чад, жирафе. Слезы в мировой культуре связаны с сакральным, с открытием сакрального [11]. Если даже косвенно учитывать тот факт, что слезы в ритуальном про-

странстве сопровождают плач, то перед нами в стихотворении разворачивается некое *пространство смерти*. В этом случае следует говорить уже не о топосе двух героев (условно комнате, в которой они находятся), а о *топике*. Рассказчик не только повествует об африканском рае, но и невольно (или сознательно) вовлекает читателя в эту имагинацию. Лирический герой открывает перед своей слушательницей «иное царство», царство света, в противовес царству тумана и дождя. На его иномирную природу указывают и типологически схожий со славянскими представлениями о солнце и шкурах животных, в которые оборачивается светило, сюжет уподобления Луны жирафу, и некоторые языковые моменты в тексте: «немыслимые травы», неопределенное местоимение «что-нибудь». Фольклористический комментарий к стихотворению, анализ апофатической реальности, возникающей в тексте, позволяют глубже понять и заглавный образ, и смысл коммуникации, которая осуществляется между рассказчиком и его адресатом.

Marianna A. DUDAREVA

Cand. Sci. (Russian Literature), Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, marianna.galieva@yandex.ru

The Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of Nikolay Gumilyov (On the Example of the Poem "The Giraffe")

Abstract. The article considers the problem of the apophatics of the Russian language and culture, which manifests itself at the conceptual level of the language. The aim of the study is to identify apophatic ideas contained in Gumilyov's poem "The Giraffe". The material for the study was the text of this work, as well as the works of Russian and foreign cultural scientists and literary scholars. The methodology is reduced to a holistic analysis of a literary text using structural, typological and comparative methods of research. These methods allow studying the features of the penetration of the folklore tradition (and with it the tanatological complex) into a work of art. The author points out the connection of adjectives bearing the semantics of the inexplicable with the apophatic picture of the world, which finds expression in philological studies, especially those related to mortal problems. In popular culture, ideas related to the "other world" acquire the status of the unknown, and this world appears as the "inverse correlate" of the real world. In close connection with this, two topoi in the text of the studied poem are noted: the world in which the characters live and the distant world of Africa. The latter world creates a folklore reality in the work. The poet compares the image of a giraffe with the Moon, which occupied one of the main places in the traditional cosmogony of the peoples of Africa. Mythological consciousness often identifies animals with celestial objects, so it can be assumed that Gumilyov rethought the plot about the Moon disguised in the skin of an animal. The far Lake Chad is an image of the "other world", an ideal

land, and the image of a giraffe symbolizes a breakthrough from darkness to light. In this context, the narrator of the poem, turning to his beloved, appears as a priest prophesying about the sacred reality. He cannot describe this reality to the heroine other than by denying the categories of the real world, and this manifests the apophaticity of the situation. The heroine's crying is perceived as catharsis, also revealing the sacred sphere. The folkloristic commentary and analysis of the lexical units of the text led to the conclusion that the heroes of the poem (the narrator and his silent listener) are physically in one space, but metaphysically belong to different worlds. The paradox of the space is that the ideal African country of the light, "another kingdom", is accessible only with absolute trust, faith in its existence. This is the apophatic effect in Gumilyov's poem "The Giraffe".

Keywords: traditional folk culture, apophatics, poetics, folklore, myth, symbol, "another kingdom", Gumilyov, African culture.

Использованная литература:

1. Афанасьев А. Н. Сказка и миф // Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Сов. Россия, 1986. С. 142–196.
2. Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилева (к эволюции акмеистической поэтики) // Гумилевские чтения. СПб.: Издательство гуманитарного университета профсоюзов, 1996. С. 125–137.
3. Беглярова А. Л. Неопределенное местоимение как компонент образной структуры художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 66–71.
4. Блох М. Я. Концепт и картина мира в философии языка // Пространство и Время. 2010. № 1(1). С. 37–40.
5. Видугирите И. Стихотворение «Жираф» и африканская тема Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Николай Гумилев. URL: https://gumilev.ru/about/50/#_ftn11 (дата обращения: 19.01.2020)
6. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический проект, 2012.
7. Гумилев Н. С. Жираф // Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1.
8. Куликова Е. Ю. Африканские «картинки из книжки старинной» Н. Гумилева // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 76–83.
9. Малышева С. Ю. Проблематика смерти в социально-гуманитарных исследованиях второй половины XX в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 1043–1053.
10. Михайлова М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 472–476.
11. Морозов И. А. «Мужские слезы» и эмоции пограничных состояний // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. СПб.: Индрик, 2007. С. 43–61.
12. Морозов И. А. Переживание смерти в игре как аспект становления личности // Категории жизни и смерти в славянской культуре. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 93–110.
13. Осипова Н. Смех и смерть в русской культурной традиции: истоки и трансформация мотива // Slavica Wratislaviensia. № 167. С. 23–34.

References:

1. Afanas'ev, A.N. (1986) *Narod-khudozhnik: Mif. Fol'klor. Literatura* [An Artist People: Myth. Folklore. Literature]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 142–196.
2. Basker, M. (1996) ["The Far Lake Chad" by Nikolai Gumilyov (On the Evolution of Acmeistic Poetics)]. *Gumilevskie chteniya* [Gumilyov Readings]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Izdatel'stvo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov. pp. 125–137. (In Russian).
3. Beglyarova, A.L. (2011) Indefinite Pronoun as a Component of Figurative Structure of the Fiction Text. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adyghe State University, Series "Philology and the Arts"*. 2. pp. 66–71. (In Russian).
4. Blokh, M.Ya. (2010) Kontsept i kartina mira v filosofii yazyka [Concept and Picture of the World in the Philosophy of Language]. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. 1(1). pp. 37–40.
5. Vidugirite, I. (2001) *Stikhotvorenie "Zhiraf" i afrikanskaya tema N. Gumileva* [The Poem "The Giraffe" and the African Theme of N. Gumilyov]. [Online] Available from: https://gumilev.ru/about/50/#_ftn11. (Accessed: 19.01.2020)
6. Golosovker, Ya.E. (2012) *Imaginativnyy absolyut* [An Imaginative Absolute]. Moscow: Akademicheskii projekt.
7. Gumilyov, N.S. (1998) *Poln. sobr. soch. v 10 t.* [Complete Works: In 10 Vols]. Vol. 1. Moscow: Voskresen'ye.
8. Kulikova, E.Yu. (2010) African "Pictures From an Old Book" by Nikolai Gumilev. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 76–83. (In Russian).
9. Malysheva, S.Yu. (2017) The Problem of Death in Socio-Humanitarian Studies During the Second Half of the 20th Century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 159 (4). pp. 1043–1053. (In Russian).
10. Mikhaylova, M.Yu. (2016) Artistic Apophaticism of Russian Folklore. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 21 (2). pp. 472–476. (In Russian).
11. Morozov, I.A. (2007) "Muzhskie slezy" i emotsii pogranichnykh sostoyaniy ["Men's Tears" and Emotions of Borderline Conditions]. In: Morozov, I.A. (ed.) *Muzhskoy sbornik* [Men's Collection]. Is. 3. St. Petersburg: Indrik. pp. 43–61.

14. Роббен А. Антропология смерти в XXI в.: обзор литературы // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 232–239.
15. Соколова Д. В. Лирический герой Н. С. Гумилева: воин, путешественник, маг или эстет? // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2011. № 3. С. 63–69.
16. Татаровская И. Г. Животные в африканской мифологии: онтологические и культурологические аспекты // Африканский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 172–183.
17. Толстая С. М. Магические функции отрицания в сакральных текстах // Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 343–348.
18. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдаевского кустарного и сельско-хозяйств. союзного т-ва, 1922.
19. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: Период античной литературы. Л.: Гослитиздат, 1936. С. 118–119.
12. Morozov, I.A. (2008) *Perezhivanie smerti v igre kak aspekt stanovleniya lichnosti* [The Experience of Death in the Game as an Aspect of the Formation of Personality]. In: Leskinen, M.V. & Sofronova, L.A. (eds) *Kategorii zhizni i smerti v slavyanskoj kul'ture* [Categories of Life and Death in Slavic Culture]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 93–110.
13. Osipova, N. (2018) *Laughter and Death in Russian Cultural Tradition: Origins and Transformation of the Motive. Slavica Wratislaviensia*. 167. pp. 23–34. (In Russian).
14. Robben, A. (2016) *Antropologiya smerti v XXI veke: obzor literatury* [Anthropology of Death in the 21st Century: A Literature Review]. *Arkheologiya russkoj smerti*. 2. pp. 232–239.
15. Sokolova, D.V. (2011) *N.S. Gumilev's Lyrical Hero: A Warrior, a Traveller, a Magician or an Aesthete? Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 3. pp. 63–69. (In Russian).
16. Tatarovskaya, I.G. (2013) *Zhivotnye v afrikanskoj mifologii: ontologicheskie i kul'turologicheskie aspekty* [Animals in African Mythology: Ontological and Culturological Aspects]. In: Zheltov, A.Yu. (ed.) *Afrikanskiy sbornik* [African Collection]. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 172–183.
17. Tolstaya, S.M. (2015) *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. pp. 343–348.
18. Trubetskoy, E.N. (1922) *“Inoe tsarstvo” i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke* [“Another Kingdom” and His Seekers in the Russian Folk Tale]. Moscow: Tip. Bоровинско-Voldayskogo Kustarnogo i Sel'sko-Khozyaystv. Soyuznogo T-va.
19. Freydenberg, O.M. (1936) *Poetika syuzheta i zhanra: Period antichnoy literatury* [Poetics of the Plot and Genre: The Period of Ancient Literature]. Leningrad: Goslitizdat. pp. 118–119.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дударева, М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») / М. А. Дударева // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 98–104. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.009

Full bibliographic reference to the article:

Dudareva, M. A. (2020) The Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of Nikolay Gumilyov (On the Example of the Poem “The Giraffe”). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 98–104. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.009

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

CULTURAL LIFE: HISTORY AND MODERNITY

ЛУГИНИНА Анна Григорьевна
кандидат философских наук, доцент
кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация
Anna G. LUGININA
Cand. Sci. (History of Philosophy), Assoc. Prof.,
Trubilin Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russian Federation,
luginina.anna8@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3561-7353

УДК [165.321+81'221]:347.782
ГРНТИ 18.11.00
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.010

**В поисках смыслов:
актуализация невербального
опыта средствами
изобразительного искусства**

**Searching for Meanings:
Actualization of Non-Verbal
Experience through Fine Art**

В статье рассмотрено взаимодействие человека с объектами искусства как возможность для проявления качеств неповторимого актора социокультурного поля. Методология основана на концепциях символическо-интерпретативной антропологии, семиотического структурализма и теории эмотивности В. И. Шаховского. Виртуальная реальность понимается как потенциально возможная реальность, требующая от индивида актуализации. Утверждается подобие текста и человеческого сознания по критерию изоморфизма, что позволяет изучать внешний для человека мир сообразно с его внутренним миром. Практическую часть исследования составил анализ творческих работ студентов-юристов, в которых концепт права выражен средствами художественных образов. Подобный опыт позволяет преодолеть внутриличностные противоречия, возникающие вследствие деятельности индивидуума в современной социальной среде. Взаимодействие с художественными образами актуализирует познавательную работу, приводящую к постижению ценностной сущности вещей и явлений.

Ключевые слова: изоморфизм, эмотивность, виртуальность, искусство, смыслообразование, интерсубъективность, рефлексия, коммуникация.

Одной из особенностей коммуникативных взаимодействий в информационном обществе является обусловленное техническими возможностями совмещение разных типов реальности. Более того, сама социальная реальность под воздействием Интернета приобрела параметры виртуального пространства, в рамках которого формируется некое информационное поле, оказывающее влияние на способы реализации и актуализации человеком социальных коммуникаций. Можно допустить, что в данном контексте происходит смешение правил коммуникации виртуального мира и реального. В этой связи важно понять, насколько виртуальное пространство способно заполнить собой интерактивную среду, а может даже вытеснить реальные социальные взаимодействия. Отдавая себе отчет в том, что проблема виртуальных (возможных, потенциальных) миров и механизмов (логики) возникновения и пребывания в них имеет давнюю традицию, подчеркнем следующее. Наша исследовательская оптика сосредоточена на виртуальности как потенциальной реальности, которая требует от индивида своей актуализации. Вне искомой актуализации такая виртуальность не утрачивает своей реальности, оставаясь при этом лишь потенциально возможной. Подобного рода виртуальные миры сокрыты в художественных образах как эмотивы аксиологического порядка.

В художественных текстах содержатся действительные (первичные) и возможные (вторичные) послы, связать и схватить которые сумеет только культурно бодрствующий человек. Если учесть, что мышление человека имеет виртуальный характер, то создание и осмысление виртуальных миров — это встреча человека с самим собой. В частности, Аристотель в диалоге «Софист» различает два вида изобразительного искусства: «один — творящий образы, другой — призраки» [8, с. 339]. Относительно нашего исследования предположим, что «интернет-пространство» — это среда, производящая «призраки» (симуляции коммуникации, мышления, предметного мира, чувств). Напротив, текст культуры выступает образной средой, так называемым «творческим искусством», реализуя в себе «способность, которая является причиной

возникновения того, чего раньше не было» [8, с. 341]. В силу изоморфизма человека и текста методологически возможно изучать внешний для человека мир в подобии с его внутренним миром.

Правомерность подобного опыта обусловлена тем, что человек и текст имеют много общего как по содержанию, так и по структуре: эмоциональность, виртуальность, эстетичность, этичность, рефлексию, трансцендентализм, стремление к истине и идеалу. Центральная роль в этом методе принадлежит эмотивности как языковому феномену, представленному виртуальными эмотивами, которые служат «пусковым механизмом» процесса смыслообразования, и актуальными эмотивами, обеспечивающими верное направление обозначенному процессу. В целом эмотивность оказывается точкой отсчета в формировании опыта рефлексии, противостоящего реализуемому на уровне познавательной активности индивида языковому рефлексу. Подобный опыт освобождает языкового носителя из-под власти природного безличностного механизма, открывая доступ в надприродный мир [2].

Возвращаясь к понятию изоморфности, предположим, что культурный текст отражает и продолжает человека. С этой точки зрения нельзя не признать, что исследование произведений современного искусства поможет нам увидеть, что происходит сегодня с людьми, показать нам, какие мы, открыть нам то, в чем мы боимся себе признаться, затормаживая процесс осознания и принятия своих пороков и деформаций, без чего невозможно осуществлять «работу над ошибками». Совершать смыслообразование в отношении современного искусства, представленного, например, творчеством Маурицио Каттелана, Аннет Мессаже, Жана-Мишеля Баския, довольно сложно: авторское видение современного человека подчас кардинально отличается от нашего представления о самих себе. Однако работа с такими художественными образами необходима по ряду причин.

Во-первых, анализируя реалистическое искусство, мы, как правило, следуем заданным шаблонам, что затрудняет процесс переживания невербальных (визуальных)

образов вербальными знаками, призванными не столько фиксировать содержание художественного творения, сколько раскрывать смысл картины. Подобная ситуация нередко порождает множество вопросов, в числе которых такие, как: «Зачем ходить в музей?», «Зачем смотреть на одну и ту же картину несколько раз?», «Как можно посещать музей только для встречи с одной картиной?». Другими словами, современный человек, пребывающий в пространстве «мозаичной культуры» (А. Моль), все более утрачивает способность творчески перерабатывать художественную информацию, воспринимая ее как данность, не умея извлекать из нее смыслы, столь необходимые для самостановления.

Во-вторых, именно во взаимодействии человека с объектами культуры проявляются его личностные качества как неповторимого актора социокультурного поля. Благодаря бесконечному многообразию уникальных комбинаций смыслов и контекстов использования культурного продукта каждая личность создает свой микромир бытия. Из чего он будет соткан и как оформлен — зависит от культурной наполненности личности, кругозора, степени вовлеченности в событийность социокультурного пространства. Благодаря иносказательности, аллегоричности и метафоричности искусства привычные отношения и предметы возможно рассмотреть более детально, углубить и нюансировать исследовательский поиск.

Наконец, в-третьих, там, где наука в жестких логических структурах объясняет понятия «общество», «коммуникация», «сознание», искусство, выходя за рамки вербального, наукообразного характера мысли, генерирует в себе новое поле человеческих возможностей. Выражение через художественные образы различных сфер человеческой деятельности реализует попытку «понять и объяснить культурное поле нашего обитания, а значит, научиться принимать его и жить в нем» [5, с. 86].

Проблематичность существования в современном социокультурном пространстве опознается в том, что выстраиваемые в настоящее время коммуникативные связи предопределены сетевым способом общения, мгновенным обменом информацией, симуляцией

важности определенных действий, готовыми шаблонами и зависимостью от Интернета. Видеть мир через призму Сети — это новое ощущение реальности для человека. *Человечество столкнулось с проблемой способа трактовки предмета.* Учитывая специфику виртуального киберпространства, отмеченную исчезновением географических и временных границ, бездействием физических законов, гибкую структурированность Сети («отсутствующая структура» У.Эко), кажущуюся свободу творчества и построение личного социального пространства, нельзя не заметить, что такое пространство не поддается познанию в опоре на традиционные методы гуманитарной науки. Здесь мы полностью разделяем позицию американского ученого Питера Ладлоу, который констатирует, что «львиная доля академической писанины, посвященной киберпространству, просто ужасна: либо она отдает постмодернистской фразеологией, либо представляет собой некачественную социологию...» [4, с. 14]. В связи с этим ученый предлагает задуматься о способе расширить возможности языка науки с тем, чтобы сделать его менее сухим, более доступным для объяснения современного социального пространства. Как заметил М. Маклюэн: «Мы живем мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко» [6, с. 31].

Исходя из того, что современность принципиально коммуникативна, средства, обеспечивающие эту коммуникативность, приобретают роль фетиша. Если значительное количество людей владеет техническим средством интерактивной коммуникации, она становится всеобъемлющей и начинает манипулировать человеком. Власть информационного поля трудно осознать и описать в рамках сложившейся парадигмы мышления. Современная интеракция, имеющая своим компонентом виртуальный тип взаимоотношений, безусловно, будет терять прежние смысловые позиции, выстраивая новые. Однако нельзя исключать и отличное развитие сценария нашего будущего, когда вновь созданные смыслы окажутся невостребованными, что обусловит нулевой контекст коммуникации.

Думается, что подобное положение дел вряд ли допустимо отнести к области науч-

ной фантастики. Сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что при большом объеме транслируемой и принимаемой информации включается принцип потери смысловой нагрузки, так как невозможным становится отслеживание исторического поля информации, географического ракурса, персонифицированной авторской составляющей. Складывается впечатление, что информационное пространство общее и что возможности использовать сетевой ландшафт безграничны. Создается иллюзия, что человек управляет сетью, хотя на самом деле сеть считывает наши запросы, получая тем самым возможность манипулировать нами. В итоге продуктивная, смыслообразующая коммуникация обретает статус симулякра.

Опираясь на научные традиции философии и культурологии в исследовании виртуальной реальности, обратим внимание на следующее обстоятельство. Если философия обладает мощным методологическим и теоретическим аппаратом, то культурология — востребованной сегодня прикладной направленностью. При этом само по себе философское знание также имеет виртуальный характер, поскольку ничего не изобретает, а отражает картину мира, выходя за рамки возможного. Другими словами, когда мы имеем дело с гиперреальностью, виртуальным пространством, Всемирной паутиной, необходимо включать воображение и идти впереди технологий, потому что опыт идет по следам воображения. Однако если современная философия мало отвечает представлению о пределах возможного, то современное искусство, нацеленное на освоение новой социальной среды, напротив, занимает авангардные позиции. Могут ли эти две науки предложить сегодня более и менее сильную версию идеала?

Осмысление мира в его целостности и взаимосвязи — имманентное свойство философии. Оно может быть востребовано в современном дискретном мире, иницируя методологию возрождения его целостной картины. В свою очередь культурология обеспечит наглядность этого процесса. При этом в ситуации, когда философия призвана актуализировать смыслообразы, запечатленное в текстах культуры, искусство акцентирует

внимание на смыслообразях [3, с. 135]. Именно последние обеспечивают успешное достижение цели работы с художественными образами — запуск мыслительных функций мозга, знаменующих собой переход от его адаптивной и познавательной работы к смыслообразованию и высвобождению надприродных, виртуально содержащихся в человеке способностей схватывать этот мир в его единстве и уникальности.

Знаменательно, что такая работа может осуществляться как с готовыми художественными образами, так и при попытке создания новых. В частности, вот уже третий год на занятиях по дисциплине «культурология» студентам Кубанского государственного аграрного университета, обучающимся по специальности 40.03.01 «Юриспруденция», предлагается продемонстрировать свое понимание такого феномена, как «право», посредством визуальности. Будущие юристы с большим энтузиазмом относятся к этому творческому заданию, хотя вынуждены осваивать большой объем специальной нормативно-правовой литературы и испытывают соответствующие затруднения, находясь под гнетом вербальности (рациональности). В данном контексте актуализация невербального (иррационального, или, иначе, эмоционального) опыта становится одновременно и закреплением пройденного материала, и своего рода арт-терапией [5]. В качестве аргумента предлагаем обратить внимание на работы, выполненные студентами первого курса во втором семестре 2017/2018 учебного года.

Картина Анны Чубатовой (ЮФ 1709) «Игры разума» (рис. 1) — отсылка к игровой концепции культуры нидерландского культуролога Й. Хейзинги, по мысли которого мировая культура есть бесконечно развивающийся и усложняющийся принцип игрового начала [9]. Игровой принцип свойственен и правовой сфере, например, судопроизводству, в котором присутствует компонент состязательности и театральности. Даже в наши дни судьи надевают парик и мантию. Установление правовой справедливости — не что иное, как поиск истины, которую юристы пытаются зафиксировать посредством строго вербализованных правовых норм. Анна пытается показать в сво-

Рис. 1. Чубатова Анна «Игры разума» (1918 г.)

ей работе, что за жесткой вербализацией скрывается живая материя, вступающая в связь с установками и нормами правовой системы. Данное произведение перекликается с картиной Дениса Середы (ЮФ 1709) «Право должно быть живым» (рис. 2), в которой прогляды-

Рис. 2. Середя Денис
«Право должно быть живым» (1918 г.)

вается, по сути, та же логика рас- суждения — сквозь жесткие фор- мы пробивается росток, который корнями связывает, удерживает расколотый мир правил и предпи- саний, так необходимый обществу для выживания. Фактически здесь осмысливается проблема фикса- ции неохватного, бесконечного разнообразия человеческого про- явления в правовом поле. На при- мере работы Аксаны Велиметовой (ЮФ 1711) (рис. 3) мы можем на- блюдать утверждение незыблемо- го авторитета права, которое спо- собно обеспечить справедливость, гуманность и верховенство закона.

Многослойный, разноплановый со- циокультурный контекст, прописанный в до- статочной экспрессивной манере, уходит на второй план, все внимание приковано к впеча- танным словам, белый цвет которых освещает и умиротворяет это произведение.

На наш взгляд, оправданность такого методического приема зиждется на том осно- вании, что способности к рисованию, пению и танцам у индивида врожденные, это исклю- чает возможность квалифицировать попытку выхода в сферу смыслообразования посред- ством создания визуального художественно- го текста, насильственного и чужеродного для человеческой природы. Пожалуй, именно в этом случае нам предоставляется возмож- ность осуществить гармонизирующий диалог

Рис. 3. Велиметова Аксана (1918 г.)

сознаний как диалог вербального и невербального, рационального и иррационального (эмоционального), дискретного и континуального, в том числе искусственного и природного, избегая тем самым когнитивного диссонанса.

То обстоятельство, что «качество межличностной коммуникации обусловлено предельной банализацией речевого поведения, представленного триадой „передающая / кодирующая инстанция — сообщение — принимающая / декодирующая инстанция“» [10, с. 132], делает актуальной и необходимость перехода от рационального (кодированного знания) в сферу иррационального (декодированного знания) с целью его последующего кодирования. Важность обозначенных мыслительных операций определяется тем, что, с одной стороны, происходит субъективация объективно накопленной индивидом информации, а с другой — объективация его субъективного опыта, и это обеспечивает возможность несколько отстраниться от себя самого

[1, с. 18]. Предположительно, таким образом актуализируется не только личностный опыт постижения смысла художественного текста, но и межличностный, реализуемый в процессе общения с искусством. Другими словами, обретаемая в процессе работы с текстами культуры интерсубъективность служит гарантом от оперирования культурными штампами и художественными стереотипами, а также бесконечным цитированием как возможностью спрятаться за авторитетным мнением, что в целом порождает симуляцию и формализацию мыслительной деятельности [7].

В качестве примера проведем культурологический анализ работы Василия Перова «Христос в Гефсиманском саду» (1878 г.), написанной в несвойственной портретисту манере. Мы обратились к этой картине в связи с изучением темы «Культура и личность» в рамках дисциплины «культурология» (рис. 4). Лицо центрального персонажа картины скрыто. Но можем ли мы по фигуре Спасителя и ночному пейзажу услышать

Рис. 4. Василий Перов «Христос в Гефсиманском саду» (1878 г.)
Холст, масло. Третьяковская Галерея, Москва, Россия.

вибрации той минуты, ощутить борение человеческого и божественного в Христе. Эта картина-размышление дает нам простор для трансценденции. За счет отсутствия большого количества предметов достигается глубокая сакральность происходящего, как будто художник пытается стереть границу между фигуративным и абстрактным искусством. И хотя мы понимаем сюжет полотна, нас не покидает ощущение, что Христос ведет разговор не только с Богом, но и со всем человечеством, обращаясь конкретно к каждому (это может служить примером архетипической памяти, когда ветхозаветный Бог напрямую общается с людьми). Размер и положение картины на стене в Третьяковской галерее играют свою роль. Подходя к полотну, невольно вступаешь в диалог с происходящим. Фигура Христа как бы выпадает из заданной ситуацией и художником пространства и потенциально входит в нашу реальность. Спаситель принял свое предназначение, и это далось ему нелегко, что видно по измученной, смиренной позе. Происходила трудная работа самопознания и осмысление неотвратимости и благодати Божественного замысла. Спаситель простирает руки, ладони разжаты — это энергетический канал связи со зрителем. Именно положение рук создает эмоциональное напряжение, которое сконцентрировано на кончиках пальцев. То ли он просит о помощи, то ли сам про-

тягивает руку помощи и спасения. Христос отодвигает руками тьму, и как будто фигура не освещена, а сама является светом и хочет распространить этот свет. Тьма отступает, не может приблизиться к нему, на что указывает тень дерева перед фигурой Спасителя. Виртуальные эмотивы этой работы В. Перова создают эффект присутствия, но только через ментальные, эмоциональные, умообразные каналы и только когда мы уходим от известной трактовки заданного сюжета. Убирая вербально заданные, жесткие структуры прочтения данного художественного образа, мы выходим в сферу актуализации личностных архитектурных, эмоциональных, знаково-символических переживаний, виртуально присутствующих в гносеологических потенциях человека.

Таким образом, обозначенный вектор смыслообразования и актуализации человека посредством метода эмотивности как девербализации культурных текстов и художественных образов способствует преодолению диалоговой дисфункциональности реальностей различного порядка. Предполагается, что взаимодействие с художественными образами и текстами, изоморфными человеку, запускает мыслительные функции мозга, преодолевающие его адаптивные задачи, актуализируя познавательную работу, приводящую к смыслообразованию.

Anna G. LUGININA

Cand. Sci. (History of Philosophy), Assoc. Prof., Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation, luginina.anna8@mail.ru

Searching for Meanings: Actualization of Non-Verbal Experience through Fine Art

Abstract. The article discusses the interaction of a person with objects of art as an opportunity to show their personal qualities of a unique acting subject of a sociocultural field. The research methodology is based on the concepts of symbolic-interpretative anthropology, the ideas of semiotic structuralism and the principles of the theory of emotiveness proposed by the Russian scholar V.I. Shakhovskiy. The author understands virtual reality as a potential reality, requiring an individual to be updated. The text of culture as an environment producing images is opposed to the Internet as an environment that produces “ghosts” (that is, simulations of communication, thinking, the objective world, feelings). The similarity of the text and human consciousness by the criterion of isomorphism is affirmed. Such an analogy allows studying the world, external for a person, as similar with their inner world. This method is based on the phenomenon of emotiveness, represented by virtual and real

emotives (lexical units used to express emotional states). This phenomenon allows comprehending the works of modern art from new methodological positions since a modern person traditionally perceives the art of realism in accordance with given patterns, without trying to interpret it creatively. At the same time, contemporary art goes beyond verbal and scientific-like perception; it concentrates new human opportunities. This is extremely relevant since modern social practices are often not amenable to cognition based on traditional methods of the humanities. The practical part of the study is reflected in the analysis of the creative work of law students who received a creative task to express their understanding of law through artistic images. Such an actualization of non-verbal (irrational, emotional) experience has demonstrated the possibility of an internal dialogue of the rational and the irrational, the discrete and the continuous, the artificial and the natural without a cognitive dissonance. The figurative visualization of verbal signs actualized not only the personal experience of comprehending the meaning of a literary text, but also the interpersonal one, realized in the communication with art. Such an experience allows overcoming various intra-personal contradictions that arise as a result of the activities of an individual in the modern social environment. Interaction with artistic images and texts launches the mental functions of the brain that overcome the brain's adaptive tasks and actualizes cognitive work that leads to the comprehension of the value essence of things and phenomena.

Keywords: isomorphism, emotiveness, virtuality, art, meaning-making, intersubjectivity, reflection, communication.

Использованная литература:

1. Волкова П. С. Смерть как социокультурный феномен: Научная монография. Саратов: СКГ, 2019.
2. Волкова П. С. Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация [Электронный ресурс] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. №. 16(4), 2017. С. 207–214. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.4.20
3. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический проект, 2012.
4. Ладлоу П. Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / Пер. с англ. Т. Давыдовой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
5. Лугинина А. Г. Право в пространстве абстракции: pro et contra (репортаж с выставки) // ASPECTUS. 2017. № 1(14). С. 86–91.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.
7. Минкин А. В. Человек цитирующий // Человек в коммуникации: от категории эмоции к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В. И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2013. С. 142–174.
8. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1999.
9. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: АСТ, 2004.
10. Шаховский В. И., Волкова П. С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1(134). С. 132–138.

References:

1. Volkova, P.S. (2018) *Smert' kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Death as a Sociocultural Phenomenon]. Saratov: SKG.
2. Volkova, P.S. (2017) Language and Speech in the Space of Culture: Interpretation and Reinterpretation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 16(4). pp. 207–214. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.4.20
3. Golosovker, Ya.E. (2012) *Imaginativnyy absolut* [An Imaginative Absolute]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
4. Ludlow, P. (2005) *Kriptoanarkhiya, kibergosudarstva i piratskie utopii* [Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias]. Translated from English by T. Davydova. Yekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura.
5. Luginina, A.G. (2017) *Pravo v prostranstve abstraktsii: pro et contra (reportazh s vystavki)* [Law in the Space of Abstraction: Pro et Contra (A Report from an Exhibition)]. *ASPECTUS*. 1(14). pp. 86–91.
6. McLuhan, G.M. (2007) *Ponimanie Media: Vneshnee rasshirenie cheloveka* [Understanding Media: The Expansions of Man]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Giperboreya, Kuchkovo pole.
7. Minkin, A.V. (2013) *Chelovek tsitiruyushchiy* [A Citing Man]. In: Panchenko, N.N. (ed.) *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorii emotsii k emotivnoy lingvistike* [Man in Communication: From the Category of Emotion to Emotive Linguistics]. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo. pp. 142–174.
8. Plato. (1999) *Fedon, Pir, Fedr, Parmenid* [Phaedo, The Symposium, Phaedrus, Parmenides]. Translated from Old Greek. Moscow: Mysl'.
9. Huizinga, J. (2004) *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens]. Translated from Dutch by V. Oshis. Moscow: AST.

10. Shakhovskiy, V.I. & Volkova, P.S. (2019) Emotivity as a Method of Entering the Space of Interpersonal Communication. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 1(134). pp. 132–138. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

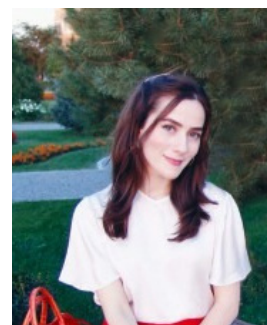
Лугинина, А. Г. В поисках смыслов: актуализация невербального опыта средствами изобразительного искусства / А. Г. Лугинина // *Наследие веков*. – 2020. – № 1. – С. 105–113. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.010

Full bibliographic reference to the article:

Luginina, A. G. (2020) Searching for Meanings: Actualization of Non-Verbal Experience through Fine Art. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 105–113. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.010

АВТОРХАНОВА Дагмара Мовсаровна
аспирант кафедры культурологии
Астраханского государственного университета
Астрахань, Российская Федерация
Dagmara M. AVTORKHANOVA
Postgraduate Student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
avtordag@mail.ru

УДК 351.853.1:070(470.46)
ГРНТИ ГРНТИ 18.11.00
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.011

**Культурное наследие региона
в медиакультурном пространстве
постсоветской России
(на примере Астраханской области)**

**The Cultural Heritage of a Region
in the Mediacultural Space
of Post-Soviet Russia (On the Example
of Astrakhan Oblast)**

Статья посвящена проблеме сохранения культурного наследия региона в эпоху глобализации. Целью исследования является определение степени полноты отражения проблем сохранения культурного наследия в массмедиа постсоветской России на примере Астраханского региона. Материалами явились исследования культурологов и историков, а также публикации в региональных СМИ. Реконструкция процессов развития астраханских СМИ в социокультурной динамике и проведение контент-анализа современного медиакультурного пространства региона обусловили вывод о том, что массмедиа Астраханской области уделяют значительное внимание проблематике культурного наследия во многом благодаря серьезной поддержке местных властей, активно использующих СМИ в целях привлечения общественного внимания к сохранению культурного наследия. Указано на необходимость дальнейшего исследования данной проблематики средствами различных областей научного знания – от истории, культурологии и философии до мультимедийной журналистики и политики.

Ключевые слова: медиа, медиакультурное пространство, редства массовой информации, культурное наследие, регион, Астраханская область, постсоветская Россия.

Введение

Рассмотрение вопроса о культурном наследии отдельных регионов становится весьма актуальным в современном – глобализиру-

ющемся – мире, характеризующемся процессами экономической, социальной, политической и культурной интеграции в единое мировое пространство. Одну из решающих ролей в этих

интеграционных процессах играют медиа, которые, благодаря развитию технологий, стремятся переструктурировать такие категории нашего бытия, как время и пространство. Последние, в свою очередь, «сжимаются», сближая акторов коммуникации. Ярким примером этого может служить электронная почта, которая уже интегрировалась в наши мобильные телефоны. Этот инструмент изначально предназначался для облегчения нашей жизни, но в итоге загнал субъекта в состояние перманентной коммуникации. Если в XIX или XX вв. человек получал корреспонденцию, у него не было потребности отвечать на письма сразу. Порой это могло затянуться на месяцы и считалось нормой. Сегодня же человек ежедневно получает на электронную почту порядка 50, а то и больше, писем, на которые ему необходимо ответить сию же минуту. Это держит его в состоянии постоянного стресса (зачастую незаметного ни ему, ни окружающим), вызванного непрерывной коммуникацией. Таким образом медиа современного мира, или новые медиа, и способствуют перестройке нашего бытия, образа жизни человека, заставляя его интегрироваться в мировое социокультурное пространство.

С другой стороны, глобализация, подобно огромному лайнеру, плывущему по океану повседневности, размывает культурные границы, оставляя за бортом человеческого внимания многие элементы локальных культур. И если случившаяся совсем недавно трагедия с известным на весь мир собором Парижской Богоматери [4], благодаря глобальному медиaprостранству приковала внимание всего человечества, то многие не менее важные памятники культурного наследия остаются без внимания даже местных жителей отдельных стран, поскольку связанные с ними проблемы мало освещаются в средствах массовой информации и коммуникации.

Таким образом, целью данного исследования является анализ отражения культурного наследия в медиакультурном пространстве региона. Иными словами, нам необходимо узнать, как локальное медиaprостранство того или иного региона способствует сохранению культурной памяти и культурного наследия.

Культурное наследие и культурная память

Два понятия, которые мы вынесли в подзаголовок статьи, являются важными для объекта нашего исследования и идут в связке друг с другом. Прежде чем мы перейдем к анализу состояния медиакультурного пространства отдельного региона (Астраханской области) и отражения в нем культурного наследия, нам необходимо разобраться с терминологией данного вопроса.

Период, охватывающий последнее десятилетие прошедшего века и первое десятилетие века наступившего, отмечен повышенным интересом к теме памяти, занявшей значительное место в ряду других тем современного социально-философского и гуманитарного дискурсов. Для того чтобы сохранить культуру во времени (в истории), необходима память, но понятие «культурная память» не может рассматриваться оторванно от истории. Впервые термин «культурная память» был использован немецким египтологом Я. Ассманом [2]. В своей монографии «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» он выделяет четыре вида памяти.

1. «Миметическая память» – память действия, которую постигают путем подражания.

2. «Предметная память» – память, связанная с культурой повседневности. Предметы, окружающие человека в обычной жизни, являются частью не только личного, но и единого общечеловеческого культурного прошлого. Каждый предмет отражает ту или иную эпоху, то есть несет отпечаток времени.

3. «Коммуникативная память» – это память, установленная как в процессе общения людей, так и в их языке. Коммуникативная память социальна. Исследователи считают, что информация передается по принципу «из рук в руки». То есть она «живет» на протяжении жизни нескольких поколений. Но, как правило, такая память недолговечна (80–100 лет).

4. «Культурная память», будучи также социальной по своей сути, представляется одновременно как «способ сохранения прошлого в настоящем и как условие преемственности исторического процесса» [2, с. 63].

Важно понимать, что культура и история – это не разные категории, а единое целое,

определяемое понятием «культурная память», – свойство целостности сформировавшегося во времени социокультурного организма. Культурная память стала предметом исследования как в историографии [14, с. 103], [10], так и отдельно в культурологии [22]. Данные направления акцентируют внимание на процессе формирования памяти (историография) и ее смысле и объекте (культурология). Появились две научные школы, первая из которых доказывает, что «настоящее определяет осознание прошлого», вторая – что «прошлое имеет влияние на поведение людей в настоящем».

Все вышеперечисленные виды памяти относятся к коллективной памяти. Понятие «коллективной памяти» впервые выдвинул М. Хальбвакс в труде «Социальные рамки памяти» [23]. Исследователь считал, что абсолютно любая память является социальной и коллективно обусловлена. Для Хальбвакса коллективная память – это «фактор, объединяющий группу, она всегда социальна и дифференцирована. Каждая социальная группа (семейная, религиозная) имеет свою память. Хотя каждая из форм коллективной памяти имеет свою специфику, но все они, даже, казалось бы, такая специфическая, как религиозная память, подчиняются общим законам коллективной памяти. Она реконструирует прошлое с помощью настоящего» [23, с. 35]. Культурная память формируется символическим наследием, воплощенным в материальных и нематериальных объектах – текстах, произведениях искусства, памятниках, обрядах, праздниках и пр., – которые служат проводником между прошлым и настоящим.

Культурная память является не кладзем ценной информации, а постоянно развивающейся и меняющейся субстанцией. Ю. М. Лотман считал, что «память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна... и смыслы в памяти культуры не „хранятся“, а „растут“» [15, с. 185]. Я. Ассман утверждал, что культурная память – непрекращающийся процесс, в котором определенный социальный пласт накапливает и преобразовывает знание о себе и своей идентичности в форме культурной памяти» [2, с. 94].

Таким образом, культурная память сохраняет символическое наследие, к которо-

му люди прибегают в процессе создания собственной идентичности и утверждению себя в составе группы.

Культурное же наследие – это наследие физических артефактов и нематериальных атрибутов группы или общества, унаследованных от прошлых поколений. Культурное наследие включает материальную культуру (например, здания, памятники, пейзажи, книги, произведения искусства и артефакты), нематериальную культуру (например, фольклор, традиции, язык и знания) и природное наследие (включая культурно значимые ландшафты и биоразнообразие) [24]. Объекты культурного наследия являются частью изучения истории человечества, потому что они обеспечивают конкретную основу для идей и могут подтвердить их. Их сохранение демонстрирует признание необходимости прошлого и вещей, которые рассказывают его историю [25]. Но то, что одно поколение считает «культурным наследием», может быть отвергнуто следующим поколением только для того, чтобы его возродило следующее поколение.

Специфика развития региональных СМИ (на примере Астраханской области)

Обращаясь к истории астраханских медиа, следует сказать о том, что задолго до появления в регионе периодических изданий проживавшими на данной территории переселенцами из Армении была предпринята попытка издательской деятельности, связанная с выпуском ежегодных армянских календарей, которые печатали в астраханской армянской типографии. Первая же газета появилась в области после того как в 1812 г. учитель немецкого языка Астраханской гимназии Иосиф фон Вейскгонфен получил государственное разрешение на открытие здесь издательства «Восточные известия». А 29 января 1813 г. увидел свет первый номер одноименного периодического издания. Оно публиковалось на русском и армянском языках. Статьи были посвящены торговле, последним новостям в регионе и т. д. Но 2 июля 1816 г. в связи со смертью издателя выпуск газеты был прекращен [1, с. 23–24].

Следующим региональным изданием был «Азиатский музыкальный журнал». Основал его Иван Добровольский, работавший

в тот момент учителем музыки в Астраханской гимназии. Издание было посвящено фольклору, причем не только астраханского региона, но и Средней Азии, Кавказа и т. Д. [11, с. 74].

1860 г. стал для астраханских издателей довольно значимым, так как был ознаменован появлением не только официальной прессы, например, «Астраханских губернских ведомостей», но и частных изданий («Астраханский справочный листок» и «Восток»). «Восток», являясь одновременно литературной и коммерческой газетой, начал свое существование 1 июля 1866 г. и выходил еженедельно под редакцией П. Кашперова. Газета была закрыта в 1868 г. Другая частная газета, «Астраханский справочный листок», публикуемая с 1866 г. ежедневно под редакцией Н. Попова, в 1897 г. была переименована и до 1918 г. выходила под названием «Астраханский листок» [11, с. 85].

После Октябрьской революции все астраханские типографии были объединены и национализированы, а самыми популярными периодическими изданиями того периода были газета «Коммунист» (орган Астраханского городского комитета РКП), выходившая в типографии бывшего «Астраханского листка», «Пролетарская мысль», «Астраханская беднота», «Голос трудового мусульманства», «Красный воин» [11, с. 42].

Несмотря на то что большинство астраханских газет и журналов первых лет Советской власти были общественно-политическими, постепенно свою нишу начали здесь занимать и различные специализированные издания. Первым из них стал журнал «Известия Общества астраханских врачей» [8, с. 97–98], адресовавшийся ученым-медикам.

Продолжила свое развитие экономическая периодика, ориентированная, в связи со спецификой региона, в основном на сельскохозяйственный сектор и имевшая очень прочную профессиональную базу в прошлом. Так, например, журнал «Труды Вольного экономического общества», появившийся в 1765 г., просуществовал 150 лет, вплоть до начала революционных событий в России [8, с. 98–99].

С наступлением новой – социалистической – эпохи влияние периодической печати на формирование общественного мнения не только не ослабевало, но и, напротив, росло.

Соответственно, росло и количество новых наименований в астраханской прессе. В 1960-х гг. открылась типография В. Е. Лесникова, выпускавшая газету «Волга» под редакцией В. А. Бенземана [19, с. 17]. В 1965 г. в образовавшемся в результате административно-территориального деления Астраханской области Володарском районе была создана газета «Заря Каспия». Она освещала не только районные события, но также регулярно публиковала материалы о жизни в области, стране и за рубежом. Надо отметить, что эта астраханская газета-долгожитель выходит и по сей день, с периодичностью раз в неделю, а с 2001 г. еще и онлайн [17].

Особенностью данной газеты является наличие редкой сегодня в СМИ обратной связи, посредством колонки, в которой размещаются письма читателей и ответы на них от редакции и экспертов. В газете также часто публикуются присылаемые читателями авторские рассказы и стихотворения. Все это, естественно, без ущерба для официальной информации, с которой издание знакомит аудиторию в полном объеме [17].

В 1996 г. МУ «Редакция газеты „Заря Каспия“» стала выпускать еще и телевизионную программу с вещанием на территории Володарского района, осуществляя по вторникам и четвергам (в вечернее время) прямую трансляцию [17].

Второй по значимости районкой области стала образованная 11 февраля 1981 г. газета «Коммунист Приволжья» (Приволжский район). После целого ряда реорганизационных мероприятий 31 августа 1991 г. она получила хорошо знакомое нам и сегодня название – «Приволжская газета» [18].

Обратим внимание на другую немаловажную составляющую медиапространства Астраханской области – радио. Радио Астрахани начало свое вещание в 1926 г. (на тот момент это была единственная радиостанция в регионе) [6, с. 138] и не прекращало его даже в годы Великой Отечественной войны, донося до астраханцев вести с фронта, поддерживая их веру в победу над врагом. И несмотря на все обилие в современной России различных радиостанций для жителей Астраханской области наиболее значимыми являются именно

региональные [3, с. 21]. Они не только растут количественно, но и меняются качественно, расширяя тематический спектр передач, совершенствуя характер вещания.

Особого внимания заслуживает и колоритная региональная реклама, отражающая особенности местного менталитета.

Что касается астраханского телевидения – периодом его становления можно считать 1956 г. В этом году было закончено строительство малого телецентра (ТЦ), расположившегося в правом крыле звонницы Астраханского Кремля. Высота башни, на макушке которой была установлена телевизионная турникетная антенна 4-го канала, достигала 75 м [9].

Астраханцы теперь могли смотреть кинофильмы (художественные и документальные), концертные программы, которые транслировались из Москвы, различные телепередачи. А в 1957 г. на Привокзальной площади был построен типовой ТЦ с однопрограммным телевизионным вещанием по первому частному каналу, который впоследствии стал областной редакцией радиовещания и телевидения (ОРРТ) [10].

Как мы видим, от момента появления первой газеты до сегодняшнего дня астраханские СМИ прошли долгий путь развития, в чем-то не выходящий за рамки общих для любых отечественных средств массовой информации «схем», а в чем-то имеющий свою специфику, но так или иначе приведший к формированию единого современного медиакультурного пространства.

Отражение специфики культурного наследия в медиакультурном пространстве постсоветской России (на примере Астраханской области)

За время, прошедшее после распада СССР, Россия изменилась до неузнаваемости, но интерес к истории и культуре нашего прошлого, в том числе недавнего, не только не ослабевает, но даже возрастает. В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 г. №83-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов РФ», одной из первоочередных государственных задач является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий.

Существовавшая ранее система государственной охраны объектов культурного наследия была сформирована на основе принципов, определенных в 60-х–70-х годах прошлого века и обеспечивала приемлемое состояние важнейших памятников. Но колоссальные экономические и социальные изменения в России, произошедшие за последние 20 лет, потребовали коренной модернизации этой системы, и принятие указанного закона «Об объектах культурного наследия народов РФ» стало важным шагом в этом направлении. Он ввел ряд новых важных понятий и норм, регламентирующих условия и способы охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия.

Принятие нового закона – это бесспорная победа научной общественности, так как именно по инициативе ученых – историков, архитекторов, реставраторов – ведется интенсивная работа по подготовке, переработке и дополнению пакета законодательных актов, касающихся охраны культурного наследия.

В связи с этим стоит сказать, что с 1990-х гг. в Астрахани существует прочная законодательная база, четко определяющая ответственность властей в сфере сохранения памятников культурного наследия. Так, например, в 1999 г. было создано Государственное автономное учреждение Астраханской области «Научно-производственное учреждение „Наследие“», главной задачей которого является учет и сохранение памятников культурного наследия региона [21]. В частности, учреждение составило «Список объектов культурного наследия регионального значения» и «Список объектов культурного наследия федерального значения» [20].

Заметную роль в этом непростом деле играет и медиакультурное пространство, в котором, как в зеркале, отражается отношение астраханцев к проблеме культурного наследия. Медиа «воздействуют на чувства, настроения, ценностные ориентации, социальные установки, усваиваемые людьми, а также на выбор формы и возможности распространения их в обществе. Благодаря оперативности и динамичности пресса эффективно влияет на духовную жизнь общества, сознание масс» [12, с. 249]. Е. У. Байдаров и ряд других исследователей

дователей отмечают: «Передача сообщений посредством слов не является единственным элементом информационной деятельности, особенно аудиовизуальных массмедиа. Поток образов, символов, сигналов, адресуемых потребителю, существенно воздействует на восприятие сведений людьми, вследствие этого снижается значимость слова как элемента культуры современной эпохи» [10, с. 249]. Следует обратить внимание и на то, что в своей функциональной природе медиа не содержат целеполагающего компонента и при всей своей силе они лишь ретранслятор задаваемых образцов в зависимости от целей, которые закладываются в них извне. По мнению О. Н. Ленивихиной и В. В. Власовой, «инструменты коммуникации и знания массмедиа являются одновременно и инструментами власти. Они способны склонить общественное мнение к

поддержке организаторов конкретных кампаний, того или иного политического курса; содействуют восприятию и усвоению людьми господствующих ценностей, идеалов; стандартизируют однородную культуру; унифицируют поведенческие ориентиры» [13, с. 52].

Таким образом, мы видим, что в формирующемся с 1990-ых гг. медиакультурном пространстве России значительное место отведено проблеме сохранения культурного наследия региона, в частности Астраханской области. Используя средства массовой информации и коммуникации, власти региона постоянно обращают на эту проблему внимание общественности, что, тем не менее, не является поводом для прекращения исследования данного вопроса в различных областях науки – от истории, культурологии и философии до мультимедийной журналистики и политики.

Dagmara M. AVTORKHANOVA

Postgraduate Student, Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
avtordag@mail.ru

The Cultural Heritage of a Region in the Mediacultural Space of Post-Soviet Russia (On the Example of Astrakhan Oblast)

Abstract. The article is devoted to the issues of reflecting activities to preserve the cultural heritage of a region in the mediacultural space of post-Soviet Russia using the example of Astrakhan Oblast. The aim of the study is to determine the degree of coverage of the problems of preserving cultural heritage in the mass media of post-Soviet Russia, based on the study of the evolution of the mediacultural space of Astrakhan. The research materials were the studies of culturologists and historians, as well as publications in regional media. The methodology is based on a system-historical approach and the ideas of the followers of the French sociological school (Emile Durkheim). The analysis of the concept “cultural memory” showed that objects of cultural heritage are an integral part of the history of humankind since they provide a factual basis for the development of ideas that arise in the field of humanitarian knowledge and can confirm them. Such objects’ preservation reflects the recognition of the need to study the past; however, the specific content of the concept “cultural heritage” varies from generation to generation. The author used these ideas in the subsequent review of the media development in Astrakhan Oblast. This process began in the pre-revolutionary period with the appearance of the first sociopolitical newspapers and periodicals on economics. The study of the history of regional media in the Soviet times showed that the number of printed periodicals grew, their influence on the formation of public opinion increased, new media communication technologies (broadcasting and television) appeared. It is noted that the regional features of the media formed in the 20th century contributed to the formation of a single modern mediacultural space. The development of the media sphere of Astrakhan in the post-Soviet period was characterized by intense dynamics. Skillfully using modern communication capabilities, the regional authorities were able to draw public attention to the problems of preserving the objects of cultural heritage of Astrakhan. This became possible due to the nature of

the mass communication tools, which have a direct impact on ideas, opinions, values, and guidelines of behavior that form and exist in the public consciousness. At the same time, a continuous coverage of a problem in the media devalues it, reduces its social significance and normalizes its severity in people's minds. The need for further study of this issue by means of various fields of scientific knowledge, from history, cultural studies and philosophy to multimedia journalism and politics, is indicated.

Keywords: media, mediaculture space, mass media, cultural heritage, region, Astrakhan Oblast, post-Soviet Russia.

Использованная литература:

1. Акопян В. З. Армянская периодическая печать Юга России в Советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. №1 (113). С. 23–24.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
3. В соборе Парижской Богоматери вспыхнул пожар [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190415/1552714312.html> (дата обращения: 24.04.2019).
4. Важнейшие утраты из «списка Архнадзора». Карта всех снесенных исторических зданий за 8 лет [Электронный ресурс] // Карты Гугл. URL: https://www.google.com/maps/d/embed?mid=1jXsm_au_EjOI-HVVcBu83FkbyDK70F1x&ll=55.76630532939207%2C37.60013087819584&z=10 (дата обращения: 24.04.2019).
5. Гаврилюк И. Л. Развитие фабрично-заводской и районной печати в Нижнем Поволжье в 1920–1930 годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. №12. С. 137–139.
6. Давыдова А. А. Становление и развитие периодических изданий в Астраханской губернии в начале XX в. // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2015. №1 (59). С. 97–98.
7. Заря Каспия [Электронный ресурс]. URL: <http://moyaokruga.ru/zaryakaspia/> (дата обращения: 23.04.2019).
8. Историко-архитектурный комплекс «Астраханский кремль» [Электронный ресурс] // Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. URL: <http://astrakhan-musei.ru/article/view/13843> (дата обращения: 24.04.2019).
9. История Российской телевизионной и радиовещательной сети [Электронный ресурс] // Цифровое эфирное телевидение. URL: <https://astrakhan.rtrs.ru/prof/rtrs-region/history/> (дата обращения: 22.04.2019).
10. Коростин А. Ф. Начало литографии в России. М.: б.и., 1943.
11. Ларина А. В. Особенности взаимодействия государства и СМИ в решении проблемы сохранения и популяризации объектов культурного и национального наследия России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. №4. С. 246–254.

References:

1. Akopyan, V.Z. (2013) The Armenian Periodicals of the South of Russia During the Soviet Period. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Adyghe State University*. 1 (113). pp. 23–24. (In Russian).
2. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. RIA Novosti. (2019) *V sobore Parizhskoy Bogomateri vspykhnul pozhar* [A Fire Broke out in Notre Dame Cathedral]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190415/1552714312.html>. (Accessed: 24.04.2019).
4. Google Maps. (2019) *Vazhneyshie utraty iz "spiska Arkhnadzora"*. *Karta vseh snesennykh istoricheskikh zdaniy za 8 let* [The Most Important Losses From the "List of Archnadzor". Map of All Demolished Historic Buildings for 8 Years]. [Online] Available from: https://www.google.com/maps/d/embed?mid=1jXsm_au_EjOI-HVVcBu83FkbyDK70F1x&ll=55.76630532939207%2C37.60013087819584&z=10. (Accessed: 24.04.2019).
5. Gavrilyuk, I.L. (2007) *Razvitie fabrichno-zavodskoy i rayonnoy pechati v Nizhnem Povolzh'e v 1920–1930 gody* [Development of Factory and Regional Printing in the Lower Volga Region in the 1920s–1930s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 12. pp. 137–139.
6. Davydova, A.A. (2015) Formation and Development of Specialized Periodicals in Astrakhan Province in the Early Twentieth Century. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 1 (59). pp. 97–98. (In Russian).
7. *Zarya Kaspiya*. [Online] Available from: <http://moyaokruga.ru/zaryakaspia/>. (Accessed: 23.04.2019).
8. Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve. (n.d.) *Istoriko-arkhitekturnyy kompleks "Astrakhanskiy kremel'"* [Historical and Architectural Complex "Astrakhan Kremlin"]. [Online] Available from: <http://astrakhan-musei.ru/article/view/13843>. (Accessed: 24.04.2019).
9. *Tsifrovoe efirnoe televidenie*. (n.d.) *Istoriya Rossiyskoy televizionnoy i radioveshchatel'noy seti* [History of the Russian Television and Radio Broadcasting Network]. [Online] Available from: <https://astrakhan.rtrs.ru/prof/rtrs-region/history/>. (Accessed: 22.04.2019).
10. Korostin, A.F. (1943) *Nachalo litografii v Rossii* [The Beginning of Lithography in Russia]. Moscow: [s.n.].

12. Ленивихина Н. О., Власова В. В. Проблемы возрождения национальных культур в России и СМИ // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории: Материалы Всерос. молодежной конф. в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19-21 сентября 2012 г.). Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2012. Т.1. С. 52–56.
13. Ловягин А. М. Историография // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. 13а: Исторические журналы - Калайдович. Спб.: Семеновская типолитография И. А. Ефрона, 1894. С. 488-499.
14. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллин: Александра, 1992. С. 200-202.
15. Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 22.04.2019).
16. Одинаев А. Деятельность работников печати и радио в условиях военного времени // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 4 (32). С. 21–25.
17. Приволжская газета [Электронный ресурс] // Официальный сайт издания. URL: <http://privgaz.ru> (дата обращения: 22.04.2019).
18. Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984.
19. Список объектов культурного наследия Астрахани [Электронный ресурс] // Государственное автономное учреждение Астраханской области «Научно-производственное учреждение „Наследие“». URL: <http://nasledie-ast.ru/index.php/informatsiya-ob-okn/spisok-ob-ektov-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 22.04.2019).
20. Структура ГАУ АО «НПУ „Наследие“» Государственное автономное учреждение Астраханской области [Электронный ресурс] // «Научно-производственное учреждение „Наследие“». URL: <http://nasledie-ast.ru/index.php/ob-organizatsii/struktura> (дата обращения: 22.04.2019).
21. Сьюзен Стюарт [Электронный ресурс] // Poets.Org. URL: <https://poets.org/poet/susan-stewart> (дата обращения: 22.04.2019).
22. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
23. Sullivan A. M. Cultural Heritage & New Media: A Future for the Past. Vol.15 (2015-2016). Issue 3 (2016) // The John Marshall Review of Intellectual Property Law. pp. 604-646.
24. Tanselle G. Th. Literature and Artifacts. Charlottesville: Bibliographical Society of the University of Virginia, 1998.
11. Larina, A.V. (2015) Osobennosti vzaimodeystviya gosudarstva i SMI v reshenii problemy sokhraneniya i populyarizatsii ob'ektov kul'turnogo i natsional'nogo naslediya Rossii [Features of the Interaction of the State and the Media in Solving the Problem of Preserving and Popularizing the Cultural and National Heritage of Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4. pp. 246–254.
12. Lenivikhina, N.O. & Vlasova, V.V. (2012) [Problems of the Revival of National Cultures in Russia and the Media]. *Sokhranenie kul'turnogo naslediya i problemy fal'sifikatsii istorii* [Preservation of Cultural Heritage and Problems of Falsification of History]. Proceedings of the All-Russian Youth Conference. Astrakhan. 19–21 September 2012. Vol. 1. Astrakhan: Astrakhan State University. pp. 52–56. (In Russian).
13. Lovyagin, A.M. (1894) Istoriografiya [Historiography]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgaуza i Efrona. V 86 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. In 86 Vols]. Vol. 13a. St. Petersburg: Semenovskaya tipolitografiya I. A. Efrona. pp. 488–499.
14. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: In 3 Vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra. pp. 200–202.
15. Nora, P. (2005) *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Memory]. *Zhurnal'nyy zal.* [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. (Accessed: 22.04.2019).
16. Oдинаev, A. (2012) The Activities of the Employees Engaged in Press and Radio under the Conditions of War Time. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika B. Gafurova. Ser. Gumanitarnye nauki – Scientific Notes. The Humanities and Social Sciences*. 4 (32). pp. 21–25. (In Russian).
17. *Privolzhskaya gazeta.* [Online] Available from: <http://privgaz.ru>. (Accessed: 22.04.2019).
18. Byalik, B.A. (ed.) (1984) *Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka. 1905–1917. Burzhуazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya* [Russian Literature and Journalism of the Early 20th Century. 1905–1917. Bourgeois-Liberal and Modernist Publications]. Moscow: Nauka.
19. Nasledie. (n.d.) *Spisok ob'ektov kul'turnogo naslediya Astrakhani* [List of Objects of Cultural Heritage of Astrakhan]. [Online] Available from: <http://nasledie-ast.ru/index.php/informatsiya-ob-okn/spisok-ob-ektov-kulturnogo-naslediya>. (Accessed: 22.04.2019).
20. Nasledie. (n.d.) *Struktura GAU AO NPU "Nasledie" Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie Astrakhanskoy oblasti* [The Structure of the Research and Production Institution "Heritage", a State Autonomous Institution of the Astrakhan Region]. [Online] Available from: <http://nasledie-ast.ru/index.php/ob-organizatsii/struktura>. (Accessed: 22.04.2019).
21. Poets.Org. (n.d.) *S'yuzen Styuart* [Susan Stewart]. [Online] Available from: <https://poets.org/poet/susan-stewart>. (Accessed: 22.04.2019).
22. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
23. Sullivan, A.M. (2016) Cultural Heritage & New Media: A Future for the Past. *The John Marshall Review of*

Intellectual Property Law. 15 (3) pp. 604–646.

24. Tanselle, G.Th. (1998) *Literature and Artifacts*.
Charlottesville: Bibliographical Society of the University of
Virginia.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Авторханова, Д. М. Культурное наследие региона в медиакультурном пространстве постсоветской России (на примере Астраханской области) / Д. М. Авторханова // *Наследие веков*. – 2020. – № 1. – С. 114–122. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.011

Full bibliographic reference to the article:

Avtorkhanova, D. M. (2020) The Cultural Heritage of a Region in the Mediacultural Space of Post-Soviet Russia (On the Example of Astrakhan Oblast). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 114–122. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.011

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

РЫБАК Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Российская Федерация

Kirill E. RYBAK

Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation, kirill.rybak@mkrf.ru

УДК 069.4:332.264.2"1917/1930"
ГРНТИ 13.51.09
ВАК РФ 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.012

**Способы и этапы комплектования
музейного фонда: законная
экспроприация в Советской
России (1917 – 1920-е годы)**

**Methods and Stages
of Museum Fund Acquisition:
Legal Expropriation
in the Soviet Russia (1917–1920s)**

Статья посвящена особенностям комплектования государственного музейного фонда в первые годы советской власти. Методологию составили историко-правовой, формально-юридический методы, метод юридического толкования. Материалами явились нормативные акты советской власти, архивные документы, исследования юристов и историков права. Изучены национализация банковской сферы, передача культурных ценностей Украине, Польше и Литве. Исследованы вопросы комплектования музеев за счет изъятого церковного имущества. Проанализированы отдельные нормативные акты о национализации крупных собраний культурных ценностей и уникальных произведений искусства. Рассмотрены полномочия Наркомпроса, связанные с обращением культурных ценностей в пользу государства. Сделан вывод о том, что массовый экспорт этих ценностей, производившийся после 1922 г., способствовал возникновению лакун в собраниях музеев, что привело к перераспределению ценностей по структуре музейной сети, которое продолжалось в 1930-е гг. и позднее.

Ключевые слова: музейный фонд, экспроприация, конфискация, реквизиция, национализация, муниципализация, церковные имущества, Гохран, Наркомпрос, передача культурных ценностей.

В истории развития советских музеев можно выделить несколько периодов, когда в музейные хранилища страны за небольшое время поступало или выбывало из них значительное количество музейных предметов.

В нижеследующей таблице приведены этапы и способы изменения объема и структуры музейного фонда страны за относительно небольшие (для цикла существования государства) периоды.

Таблица 1

**Этапы и способы изменения объема
и структуры музейного фонда СССР (1917-настоящее время)**

Комплектование музейного фонда	Экспроприация культурных ценностей (1917–1922 гг.)	Передача культурных ценностей Украине, Польше и Литве (декабрь 1917– октябрь 1920 гг.) Исполнение российской стороной требований «Русско-германского добавочного договора к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с – другой» от 27.08.1918 г. ¹ Реализация культурных ценностей из числа национализированных за границу (1921 г. – начало 1930-х гг.)
	Перераспределение музейных предметов по собраниям музеев страны (1920-е гг. – 1941 г.)	
	Межграницное перемещение культурных ценностей в ходе и по итогам Второй мировой войны (1941–1945 гг.)	
	Перемещение культурных ценностей в порядке осуществления компенсаторной реституции с территорий бывших неприятельских государств на территорию Союза ССР	Разграбление и незаконный вывоз бывшими неприятельскими государствами ² с территории СССР
		Передача ГДР произведений из Дрезденской картинной галереи (1955 г.)
	Отдельные крупные поступления культурных ценностей в государственные музейные собрания (1960–1980-е гг.)	
	Передача культурных ценностей бывшим неприятельским государствами, заинтересованным государствам, Австрийской Республике (в развитие Федерального закона №64-ФЗ от 15.04.1998 г. «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации») и возвращение в Российскую Федерацию культурных ценностей, которые были похищены из российских музеев, архивов и библиотек (с 1992 г. по настоящее время)	

Информация таблицы свидетельствует, что с Октябрьской революции 1917 г. комплектование Музейного фонда, понимаемое как увеличение во времени количества хранимых в российских музеях ценностей, в определенные периоды сопровождалось встречным процессом разукрупнения собраний музеев путем перераспределения ценностей из одних музеев в другие, а также изъятием из

¹ По этому договору Россия должна была передать Германии 245 546 кг чистого золота. Фактически было передано 42 860 кг. После аннулирования Брест-Литовского договора и дополнительных соглашений к нему, золото подлежало возврату России, но оно оказалось во Франции. Статус этого золота был зафиксирован в Версальском мирном договоре как конфискованный на временной основе» Францией [48, с.160].

² Германия и ее бывшие военные союзники – Болгария, Венгрия, Италия, Румыния и Финляндия.

музеев ценностей без восстановления целостности собраний (распродажи 1920–1930-гг., разграбление советских музеев бывшими неприятельскими государствами в ходе Второй мировой войны).

Механизмы комплектования музеев реализуются путем совершения правомерных юридических действий. В данном исследовании не будут рассматриваться известные способы «точечного» комплектования (пополнения) музейного фонда, такие как научные экспедиции и командировки по сбору экспонатов, покупка и принятие в дар от государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций, а также от частных лиц материалов, имеющих музейное значение; заказ произведений изобразительного и прикладного искусства за счет ассигнований, предусмотренных и утвержденных для музея по смете; обмен дублетными и непрофильными материалами с другими музеями¹.

Для рассмотрения первого этапа (с октября 1917 г. по 1922 г.), основным содержанием которого была экспроприация культурных ценностей, сначала следует определиться с терминами.

1. Экспроприация — изъятие, лишение, отнятие «имущества из (частного) обладания лица без определенного указания: почему, для чего и как обладатель лишается имущества». В обыденной речи экспроприацией именуется кража, грабеж и т.д. Экспроприацией признавалось также допускаемое законом «отображение имущества у частных лиц, как родовое понятие» при этом предполагалось, что оно «определенного содержания не имеет, и для практической жизни непригодно». Законной экспроприацией является конфискация, реквизиция, национализация, социализация и муниципализация. Последние три вида экспроприации исходят по постановлению законодательной власти и не направлены на наказание граждан, а используются для обеспечения «насуточных, жизненных интересов

¹ См. пункт 36 «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных)», утвержденной Министерством культуры СССР 02.04.1968 г. [42].

человеческого общежития, запросов социальной жизни»².

2. Конфискация — «безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, применяемое как наказание по приговорам народных судов, революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий по делам, по коим последним предоставлено право вынесения приговоров, а равно по распоряжению административных властей в случаях, указанных в Декрете Совета Народных Комиссаров (СНК) от 17.10.1921»³. Подобные определения содержались в Гражданском кодексе РСФСР (ст. 70) и Уголовном кодексе РСФСР (ст. 38). Все движимое имущество бежавших за пределы РСФСР или скрывавшихся граждан объявлялось собственностью государства (ст. 1 Декрета СНК от 19.11.1920)⁴. При этом в циркуляре Наркомю-

² При описании терминов «конфискация», «реквизиция», «национализация», «социализация» и «муниципализация» использованы материалы исследования А. С. Невзорова [49, с. 3, 28–29].

³ Цит. по Декрету СНК от 17.10.1921 г. [38] (этим Декретом СНК были отменены Декрет СНК от 16.04.1920 г. [33], Постановление СНК от 25.07.1920 г. [53] и отчасти Декрет СНК от 03.01.1921 г. [36]).

⁴ Декрет СНК от 19.11.1920 г. «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени» [35] был издан в дополнение к Декрету СНК «О бесхозяйном имуществе» [34]. Согласно Декрету от 19.11.1920 г. объявлялось собственностью РСФСР «все движимое имущество бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось. Из означенного имущества все предметы искусства и старины, имеющие особую художественную и историческую ценность, передать в музеи, университеты и другие просветительные учреждения распоряжением Наркомпроса; все остальное имущество таких граждан обратить в товарный фонд Республики и передать в распоряжение Наркомвнешторга и других народных комиссариатов по принадлежности».

Интересно сравнение норм данного Декрета с положениями, обозначенными в Декрете СНК «О конфискации и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля» [37]. Согласно ст. 1 данного документа, имущество лиц, проживающих в местностях РСФСР, которые были временно заняты неприятельскими и контрреволюционными войсками, и добровольно ушедших с противником при эвакуации ими означенных местностей, подлежит конфискации. Имущество оставшихся членов семьи ушедшего, совместно с ним не проживающих, конфискации не подлежит.

ста № 65 от 25.11.1921 г. были установлены три положения:

1) конфискованное до 16.04.1920 г. не подлежало возврату владельцам;

2) подлежало возврату неправильно конфискованное после 16.04.1920 г. (то есть без соблюдения правил, установленных Декретом СНК от 16.04.1920 г. [33]);

3) если неправильно конфискованное находилось в ведении отдельных начальников учреждений, то они могли своим распоряжением осуществлять возврат имущества владельцам, в остальных случаях такое возвращение осуществлялось по распоряжению суда¹.

3. Реквизиция — «применяемое в силу государственной необходимости возмездное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ» (в соответствии со ст. 2 Декрета СНК от 17.10.1921 г.). Реквизиция, как и конфискация, является принудительным изъятием имущества, но в случае реквизиции имущество отчуждается на время, пока в нем есть надобность у государства, и владелец имущества получает вознаграждение по средним рыночным ценам на момент изъятия имущества (ср. ст. 69 ГК РСФСР).

4. Национализация² — огосударствление имущества, обращение его в национальное, государственное. При этом имущество поступало в обладание государства как юридического лица, само же имущество, в силу его особого значения и важности для этого юридического лица, объявлялось достоянием нации,

¹ По вопросам конфискаций начала 1920-х гг. в фондах Государственного архива Российской Федерации отложились многочисленные архивные документы, например: «Материалы по выработке инструкции и декрета Совнаркома о реквизициях и конфискациях» (1920) [12], «Декреты, постановления Совета Народных Комиссаров (проекты) и переписка с губернскими отделами юстиции о реквизициях и конфискациях, о государственной кожевенной монополии и с частными лицами о возвращении конфискованного имущества» (1921) [13], «Дополнение к Декрету СНК от 16 апреля 1920 г. „О реквизициях и конфискациях“, об осуществлении права реквизиции и конфискации Наркомпросом» (1920) [14], «Дело по обвинению Командующего армией Петрова, Солонина и других в незаконных реквизициях и конфискациях имущества у граждан» (1919) [16].

² Обратный процесс — денационализация, по этой теме см., например, [2; 24; 39].

составляющей государства, государственной собственностью. Превращение имущества в государственное могло последовать исключительно по распоряжению высшей власти (Всероссийский Съезд Советов), ее высшего законодательного органа (ВЦИК) или органа, ведающего общим управлением делами (СНК), а также ВСНХ. Национализированное имущество могло быть предоставлено в непосредственное ведение отдельного учреждения, однако не могло поступить в распоряжение частных лиц, за исключением временного пользования им на правах аренды [49, с. 9, 14].

«Ввиду важного и государственного значения», «принимая во внимание чрезвычайно важное государственное значение сооружений», «высоко-техническое оборудование», «в интересах народного хозяйства», ввиду того, что «по своему культурному и художественному значению [Третьяковская галерея] выполняет общегосударственные и правительственные функции» и по другим, подобным этим, мотивам в РСФСР в 1917–1921 гг. были национализированы, объявлены (Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК), СНК и Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ)) достоянием, собственностью РСФСР, архивы умерших писателей, композиторов и пр. ... музыкальные произведения и магазины, Третьяковская галерея, Московский Зоологический сад, «Ясная Поляна» [49, с. 9–10]³.

Фактическое осуществление национализации означало выполнение одного из перечисленных условий: либо органы власти принимали предприятие в соответствии с приемочным актом или подобным ему документом, либо было организовано управление предприятием или назначался заведующий, либо же деятельность или охрана предприятия финансировались из государственных средств.

Предприятия мелкой промышленности и кустарного производства, по факту перешедшие под юрисдикцию органов государственной власти до 23.04.1919 г., признавались собственностью РСФСР в случае их эксплуатации государством в производственных целях или

³ О национализации аптек в Баку см., например, воспоминание Соколовского [25].

же если производственный процесс усиливался правительственными структурами посредством нового оборудования или организации снабжения (ст. 2 и 4 Декрета ВЦИК и СНК от 10.12.1921 г.).

В ст. 2 циркуляра Главного управления коммунального хозяйства 07.07.1922 г. № 226 устанавливалось, что «национализированными домовладениями, составляющими общее достояние Республики и находящимися в распоряжении и эксплуатации центральных органов Республики, являются: а) домовладения, находящиеся на территории промышленных предприятий, состоящих в ведении ВСНХ и его органов; б) домовладения, имеющие специальное назначение и притом общегосударственного, а не местного характера. К таковым относятся воинские казармы, здания государственных банков, здания университетов и других высших учебных заведений, государственные музеи, картинные галереи и академические театры». Бывшие собственники, имущество которых было экспроприровано на основании революционного права или вообще перешло во владение трудящихся до 23.05.1922, не имели права требовать возвращения этого имущества (см. примечание № 1 к ст. 59 ГК РСФСР, речь идет об истребовании через исковое производство в суде, путем ходатайств в административном порядке это допускалось).

5. Социализация — изъятие из частной собственности отдельных лиц или обществ, обращение имущества в общенародное достояние. Собственником социализированного (обобществленного) имущества является общество, этим имуществом члены общества непосредственно пользуются, и в этом состоит предназначение имущества (например, леса), собственником национализированного (огосударственного) имущества — государство, члены государства этим имуществом непосредственно не пользуются, поскольку оно предназначено для надобностей государства как такового, а не его членов [49, с. 15–16]. Хотя, так как общество мыслится организованным в государство, то социализированное имущество допустимо называть государственными (см., например, ст. 21 ГК РСФСР).

Термин «социализация» используется, например, в принятой 12 (25) января 1918 г.

«Декларации о правах трудящегося и эксплуатируемого народа», законодательно закрепившей завоевания Октябрьской революции и провозгласившей основные принципы социалистического государства: «в осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования. Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала» [26].

6. Муниципализация — обращение какого-либо имущества в городское (общинное) для обслуживания потребностей города (общины). Отличие муниципализации состоит в том, что имущество поступает в собственность не государства (национализация), не общества (всего народа, социализация), а отдельного города (общины).

Начало формированию различных фондов («государственный музейный фонд», «общегосударственный золотой фонд», «государственный запас художественных ценностей и предметов роскоши и старины, могущих служить предметом вывоза за границу», «антикварный экспортный фонд», «фонд Коминтерна») было положено действиями по овладению Государственным банком, изданием Декрета от 26.10.1917 г., отменявшего навсегда право частной собственности¹, за ним последовали декреты, регламентирующие взаимоотношения государства, школы и церкви, национализации банков, конфискации золотых запасов, национализации внешней торговли², отдельных крупных собраний, а также отраслей промышленности и торговли, в которых имелись в обороте культурные ценности.

¹ Пункт 1 Декрета Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «О земле» [43, с. 13].

² Декрет СНК от 22.04.1918 г. «О национализации внешней торговли» [43, с. 45–47].

Ценности в банках, благородные металлы и драгоценные камни

Как мы уже упомянули, конец октября 1917 г. увязывается с началом овладения большевиками кредитной системой страны (национализация банков), в ходе которого было изъято значительное количество ценностей, хранящихся в банках.

Этапы национализации банков заключались в следующем:

- захват Государственного банка;
- установление рабочего контроля¹ над частными банками;
- национализация частных банков и слияние их с Государственным банком;
- ликвидация банков ипотечного кредитования;
- государственная поддержка кредитной кооперации [1, с.69–70].

По балансу на 23.10.1917 г., Государственный банк имел золота на 1 292 млн. руб. и кредитных билетов в кассе на 152 млн. руб.

20.11.1917 г. (по новому стилю) банк был захвачен вооруженным отрядом Военно-революционного комитета под руководством В. Р. Менжинского², который потребовал от управляющего банком И. П. Шипова 10 млн. руб. на покрытие срочных расходов Совнаркома. Шипов сообщил, что предоставит деньги в случае, если Совнарком добьется от Департамента Государственного казначейства приказа о переводе на счет Совнаркома 10 млн. рублей. Деньги получить не удалось. 24 но-

¹ «Мы не декретировали сразу социализма во всей нашей промышленности потому, что социализм может сложиться и упорядочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс... Поэтому мы ввели рабочий контроль, зная, что это шаг противоречивый, шаг неполный, но необходимо, чтобы рабочие сами взялись за великое дело строительства промышленного громадной страны без эксплуататоров, против эксплуататоров» (В. И. Ленин) [47, с.139–140].

² О реакции на эти действия см. документы архивных дел ГАРФ «Ограбление Государственного банка „Вчера в Государственный банк явился большевистский комиссар Менжинский...“ (Петроград, ноябрь 1917) Подпись: комитет спасения родины и революции» [9], «От комитета спасения: Комитет спасения родины и революции опубликовал следующее обращение к населению: „Вчера в Государственный банк явился большевистский комиссар Менжинский, потребовал выдачи 10 млн. рублей...“» [10].

ября Совнарком уволил Шипова и назначил в Государственный банк комиссара, которому предоставил право «в виде временной исключительной меры выдать с текущего счета Департамента государственного казначейства краткосрочный аванс Совету Народных Комиссаров в размере 25 млн. руб.³ с отнесением их на текущий счет СНК». Высшие и средние служащие банка объявили забастовку, однако через три дня после объявления забастовки, все ключи от денежных касс, сейфов и шкафов с документами оказались в руках комиссаров банка. Первые 5 млн. из 25 млн. руб. были взяты из кассы банка, несмотря на препятствия, учиненные высшим руководством банка, и доставлены в одну из комнат, соседних с кабинетом В. И. Ленина (именно там в первые дни находилась советская казна)⁴. Поскольку акционерные банки испытывали острый недостаток в денежной наличности, они пошли на подписание 14.12.1917 г. соглашения о контроле Государственного банка над частными

³ А. Г. Мосякин отмечает, что это было не золото, а обесценившиеся рублевые купюры. «Новой власти нужен был золотой запас. Началась ленинская „экспроприация экспроприаторов“, что и породило последующие декреты о конфискации и национализациях. Экспроприация была главным источником формирования финансовых ресурсов и фондов советского государства и его вождей. Она прошла двумя волнами: с 1918 г. до весны 1922 г. и с 1928-го до середины 1930-х гг.» [48, с. 130, 142].

«Попало здесь особенно лозунгу: „грабь награбленное“, лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то — почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? И я думаю, что история нас полностью оправдает, а еще раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но если лозунг „грабь награбленное“ проявил себя без всяких ограничений в деятельности Советов и если окажется, что в таком практическом и коренном вопросе, как голод и безработица, мы натываемся на величайшие трудности, то тут своевременно сказать, что после слов „грабь награбленное“ начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, таких нарушителей дисциплины расстреливай» (В. И. Ленин) [46, с.269].

⁴ «Самым большим фондом конфискованных драгоценностей обладал В. И. Ленин. Этот фонд, который в Кремле называли „кладовкой Ильича“, находился в бывшем здании Московской ссудной казны по адресу: Москва, Настасьинский переулок, 3. Им заведовал Якуб Ганецкий» [48, с.130].

банками¹. Оцепление частных банков в Петрограде началось с 7 утра 27.12.1917 г., чтобы банки не могли связаться друг с другом, телефонная связь между ними была прервана, к 12 часам дня все частные банки Петрограда оказались в руках советской власти. 27.12.1917 г. был принят Декрет ВЦИК «О национализации банков», а также Декрет «О ревизии стальных ящиков в банках». Ревизия банковских сейфов в Петрограде началась 04.01.1918 г., накануне этого события был опубликован приказ наркома финансов Менжинского, которым предлагалось владельцам сейфов явиться на ревизию в трехдневный срок под угрозой конфискации всего содержимого сейфов². Декретом

¹ Заместитель председателя Комитета акционерных банков Е. М. Эпштейн позже писал: «Мы сидели без денег, так как иммобилизовали свои средства в обязательства госказначейства, выпущенные во время войны, а потому вынуждены были принять требования комиссаров Государственного банка» [59, р. 79].

² По вопросу изъятия и ревизии сейфовых ячеек см. архивные дела фонда 1102 Российского государственного исторического архива («Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ») [56], а также архивные дела ГАРФ (например: «Переписка с Наркомфином по делу изъятия из сейфов материалов и литературы», 1921 [11]; «Переписка с банками и кредитными учреждениями о представлении сведений о наличию них сейфов, принадлежащих быв. министрам и др. должностным лицам и о прекращении допуска к ним», 1917 [4]; «Список арендаторов сейфов в Московском банке (с адресами)», 1918 [5] и «Список арендаторов сейфов в бывшем Московском купеческом обществе взаимного кредита с отметкой о вскрытии сейфов», 1917, 1918 [6]; «Постановление (копии) Малого СНК о просмотре рукописей и литературных материалов, изъятых из сейфов, доклад о результатах просмотра и переписка с Малым Совнаркомом и Наркомфином по тому же вопросу», 1921–1922 [15]; «Акт о конфискации из сейфа серебряных и золотых вещей гражданки Иды Ив. Баллод», 1920 [17]; «Доклад инспекции НК РКИ РСФСР о результатах ревизии сейфов и касс бывших и функционирующих банков, справки и акты о выдаче ценностей из Гохрана Наркомфина РСФСР», 1920 [18]; «Дело о деятельности сейфовой комиссии бывшего Русского торгового-промышленного банка», 1920 [20]; «Материалы о результатах работы сейфовой комиссии Наркомфина РСФСР (протоколы, акты, ведомости и другие)», 1922 [19]; «Акты ревизии сейфов торгового-промышленного, коммерческого и других банков», 1918 [21]; «Акт ревизии сейфа, арендуемого польским гр. Вильневчицем А. О. в соединенном банке в г. Москве», 1918 [22] и другие дела о ревизии сейфов частных лиц из упомянутой описи; «Переписка с центральными и местными учреждениями Наркомфина СССР и губернскими архивными бюро о разборке документов, изъятых из сейфов», 1923 [23]).

СНК от 24.01.1918 г. все акционерные капиталы бывших частных банков передавались Государственному банку на основе полной конфискации; Декретом ВЦИК от 03.02.1918 г. были аннулированы все государственные займы, заключенные царским и временным правительствами (к ноябрю 1917 г. госдолг составлял 60 млрд. руб., в том числе внешний долг — 16 млрд. руб.). Следует отметить, что национализация и слияние банков продолжалась более года. Так, только в конце декабря 1918 г. Наркомфин и Центральное управление Народного банка разослали на места инструкцию «О порядке национализации частных банков» (отметим, что количество отделений бывших коммерческих банков на советской территории на 01.10.1919 г. составляло: 56 — петроградские банки, 46 — московские банки и 238 — провинциальные банки; сумма сводного ликвидационного баланса составила 12 669 млн. руб., причем 55% этой суммы приходилось на петроградские банки, 39% на московские и лишь 6% на провинциальные банки). Постановлением СНК от 02.12.1918 г. все иностранные банки, действовавшие в пределах РСФСР, подлежали ликвидации, все операции — прекращению, а денежная наличность — передаче в отделения Народного банка. Особо сопротивлялось инициативе советской власти по депонированию в Народном банке ценностей петроградское отделение «Лионского кредита», существовавшее в России с 1879 г. Дело дошло до опечатывания входа в кладовую печатью Датского посольства и Датского Красного креста. Однако Наркоминдел разрешил Народному банку снять печати, и в апреле 1919 г. кладовые агентства были вскрыты, ценности переданы в Народный банк, а дело о сопротивлении агентства направлено в суд [1, с. 71–74, 87, 91–93, 115, 186–187; 29; 30].

В соответствии с примечанием к ст. 1 Декрета «О ревизии стальных ящиков в банках» от 14.12.1917 г., конфискации с последующей передачей в государственный золотой фонд подлежали золотые монеты и слитки³. Выплата компенсации в 32 рубля за золотник чистого золота 96-й пробы полагалась владельцам

³ Примечание к пункту 1 Декрета ЦИК «О ревизии стальных ящиков в банках» [43, с.27].

благородного металла (учреждениям, частным лицам, мастерским, магазинам и т.д.) в сыром виде, а также изделий из него весом более 16 золотников (или 68,256 г), которые переходили в собственность государства. Если проба была ниже, то и компенсация, соответственно, уменьшалась. Та же мера применялась к золоту, находившемуся в банковских сейфах. Без компенсации оставались те владельцы, которые не представили свои ценности в течение месяца с 15.01.1918 г., однако третья часть вознаграждения все же выплачивалась гражданам, указавшим властям на факт наличия этих ценностей у владельца¹. Описи в месячный срок подлежали все золотые изделия весом больше 16 золотников (или 68,256 г), находившиеся в государственных музеях и дворцах, а также в церквях и монастырях. Вес каждого изделия указывался в отдельности, при этом данная опись предоставлялась впоследствии в секцию благородных металлов ВСНХ².

Нормативное регулирование процесса овладения государством запасами благородных металлов, находившихся во владении частных лиц, продолжалось вплоть до 1921 г. и завершилось в апреле 1922 г., когда был издан Декрет СНК от 04.04.1922 г. «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» [43, с. 336].

В соответствии с Декретом СНК от 03.01.1921 г. «О реквизициях и конфискации» (ст. 2), изделия из благородных металлов реквизировались, если их общий вес был выше установленных для индивидуального употребления норм, составлявших для изделий из золота — 18 золотников (то есть 76,788 г), для серебряных предметов — 3 фунта (или 1,2285 кг)³.

В соответствии с нормами Декрета СНК от 04.04.1922 г., население более не было обязано сдавать государству имеющееся благородные металлы, драгоценные камни и ино-

странную валюту, при этом гражданам разрешалось свободно распоряжаться данными ценностями. Вместе с тем Госбанк сохранил за собой исключительное право покупки и продажи монет из благородных металлов и валюты иностранных государств⁴.

Этот же правовой акт разрешил вывоз без особого разрешения благородных металлов, валюты и драгоценных камней на общую сумму не более 50 рублей золотом на одно выезжающее за рубеж лицо⁵. При этом в данную сумму не включались и, соответственно, также разрешались к беспрепятственному вывозу на каждого выезжающего одни золотые или серебряные часы, одно обручальное кольцо и изделия из серебра весом не более одного фунта (0,4095 кг)⁶.

Несмотря на то что создание «общегосударственного золотого фонда» было заявлено в Декрете от 14.12.1917 г., специальная организация, которая бы аккумулировала запасы драгоценных металлов, была создана лишь спустя более чем два года. Такой организацией, основанной в целях централизации хранения и учета всех принадлежавших РСФСР ценностей (золота, платины, серебра в слитках и изделиях из них, бриллиантов, драгоценных камней и жемчуга), стало Государственное хранилище ценностей РСФСР (Гохран), учрежденное при Центральном бюджетно-расчетном управлении.

Следует особо отметить, что сдаче в Гохран не подлежал определенный круг ценностей, включавший ценные экспонаты, находившиеся в музеях или в научных учреждениях и вещи, переданные в пользование религиозных общин как предметы культа, а также ценности, находившиеся в распоряжении распределительных органов. Определение ценностей, остававшихся в их распоряжении,

⁴ Статьи 1–3 Декрета СНК от 04.04.1922 г. «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» [43, с. 336].

⁵ Статья 5 Декрета СНК от 04.04.1922 г. «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» [43, с. 336].

⁶ Декрет СНК «О дополнении пункта 5 Декрета СНК от 04.04.1922 г. „Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты“» [43, с.364].

¹ Пункты 5 и 2 Постановления ВСНХ от 12.01.1918 г. «О золоте и платине» [43, с. 31–32].

² Пункты 5 и 2 Постановления ВСНХ от 12.01.1918 г. «О золоте и платине» [43, с. 31–32].

³ Статья 2 Декрета СНК от 03.01.1921 г. «О реквизициях и конфискации» [43, с. 253–262].

производилось Наркомфином по согласованию с ВСНХ и Наркомвнешторгом¹.

Все золотые часы всеми Народными комиссариатами и другими учреждениями немедленно передавались по описям в Гохран для хранения².

Завершился этап национализации благородных металлов изданием Декрета СНК от 11.10.1922 г., которым устанавливалось, что всякие претензии частных лиц к государству, вытекающие из реквизиций и конфискации благородных металлов и драгоценных камней, имевших место до 04.04.1922 г., аннулируются³.

Передача культурных ценностей Украине, Польше и Литве⁴

В декабре 1917 г. военные трофеи, относящиеся к истории украинского народа и полученные властями Российской империи главным образом в период правления Екатерины II, подлежали передаче украинскому народу⁵ «Братья Украинцы! — сообщалось в Декрете СНК от 01.12.1917 г. — В хранилищах Петербурга ваши знамена, пушки и булава свидетельствуют о вашем угнетении — именем великорусского — угнетателями этого народа. Нет больше угнетенных народов в свободной

России. Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов возвращает вам трофеи, как память о вашей славной борьбе за свободу»⁶.

В январе 1918 г. различные предметы, относящиеся к истории Польши и польского народа (предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и предметы, имеющие музейное значение) были приняты под охрану советского правительства (точнее, Комиссариата по польским делам и «Общества охранения древностей») как собственность польского народа с целью последующей передачи польским народным музеям⁷.

В октябре 1920 г., согласно постановлению Наркомпроса, польскому народу немедленно возвращались предметы, имевшие историческое, художественное или научное значение (собрания, художественные полотна, архивная документация, церковные принадлежности, мебель и т.д.), в военное время подвергшиеся эвакуации с территории Польши⁸. Литовскому государству также передавались оказавшиеся в ведении российских государственных или общественных организаций ценности, которые принадлежали различным общественным учреждениям и эвакуированные в период Первой мировой войны, а также культовые предметы всех конфессий⁹.

Церковные имущества

Первым шагом в комплектовании музеев страны за счет церковных имуществ стало издание Комиссариатом народного просвещения в декабре 1917 г. Постановления «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Затем в янва-

¹ Статья 1 и 4 Декрета СНК от 03.02.1920 г. «Об учреждении государственного хранилища ценностей РСФСР» [43, с.183–184].

² Декрет СНК от 28.02.1921 г. «Инструкция СНК по применению Постановления СНК от 18.12.1920 г. о забронировании за Народным комиссариатом внешней торговли в качестве экспортного фонда золотых часов, находящихся в распоряжении Народного комиссариата финансов и всех других учреждений» [43, с.268].

³ Декрет СНК от 11.10.1922 г. «Об аннулировании претензий, вытекающих из реквизиций и конфискации благородных металлов и драгоценных камней» [43, с.365].

⁴ Относительно практики конца 1910-х гг. межгосударственной передачи культурных ценностей, а также, например, по Сен-Жерменскому договору 10.09.1919 г. (мир с Австрией) «Особые права получает Италия в смысле требования возврата драгоценностей, принадлежавших герцогству Тосканскому, и произведений искусства, вывезенных в разное время, и особенно в 1859 г., австрийскими военными властями Модены и в XVIII в. из Палермо и Неаполя» (цит. по [58, с. 90]).

⁵ Декрет СНК от 01.12.1917 г. «О передаче трофеев украинскому народу» [43, с.24].

⁶ Декрет СНК от 01.12.1917 г. «О передаче трофеев украинскому народу» [43, с.24].

⁷ Пункт 1 Декрета СНК «Об охране предметов старины и искусства, подлежащих передаче польскому народу» [43, с.34].

⁸ Постановление Народного комиссариата просвещения «О возвращении польскому трудовому народу эвакуированного из Польши культурного, художественного, научного и исторического достояния» [43, с.61].

⁹ Статья X Мирного договора между Россией и Литвой (обмен ратификационными грамотами состоялся 14.10.1920) [43, с.235–242].

ре 1918 г. был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Передаче из духовного ведомства в Комиссариат народного просвещения подлежали все церковно-приходские школы, с библиотеками и учебными пособиями, ценностями, капиталами и ценными бумагами¹.

Любые праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменялись. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы, не допускалось. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявлялись народным достоянием².

Имущество, имеющее культурно-историческое значение, употреблявшееся в религиозно-обрядовых целях и относившееся к ведомству православного исповедания на момент принятия Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также церкви, молитвенные дома, монастыри, надгробия и другие сооружения, обрядовое и церковное имущество переходили в ведение Отдела по делам музеев и охране памятников и искусства и старины Народного комиссариата просвещения, его местных подразделений и представителей³. Принимая это имущество,

¹ Постановление Комиссариата по народному просвещению от 11.12.1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению» [43, с.26].

² Пункты 3, 9 и 13 Декрета СНК от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». [43, с.37–38]. Под действие упомянутого Декрета попадали: а) церкви — православная, старообрядческая, католическая всех обрядов, армяно-григорианская, протестантская и исповедания — иудейское, магометанское, буддийско-ламаистское; б) все иные частные религиозные общества, образовавшиеся для отправления какого-либо культа; в) все общества, которые ограничивали круг своих сочленов исключительно лицами одного вероисповедания и, хотя бы под видом благотворительных, просветительных или иных целей, преследовали цели оказания непосредственной помощи и поддержки какому бы то ни было религиозному культу. Все эти общества лишались прав юридического лица (цит. Постановление Наркомюста от 24.08.1918 «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)». [43, с.86–92].

³ Пункт I Инструкции Наркомюста от 24.08.1918

данное подразделение должно было подробно описать его, установить его художественную и историческую ценность, а также классифицировать по нескольким категориям.

В первую из таковых входило «имущество совершенно исключительной историко-художественной ценности», которое образовывало госфонд и в случае необходимости могло быть вывезено для пополнения центральных музеев по причине недостаточных условий хранения и для реализации плана музейного строительства.

Вторую категорию составляло «имущество высокой историко-художественной ценности, имеющее показательное и музейное значение», которое в особых случаях также могло изыматься с целью планомерного распределения по фондам центральных и местных музеев.

Третья категория — «имущество, имеющее незначительную историко-художественную ценность», — не признавалось имеющим музейное значение и относилось к обыденным принадлежностям церковной жизни⁴.

Качество и ценность памятников и находившихся в них предметов производилось специальной комиссией, состоявшей из представителей местного совета депутатов, членов местной коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения и представителей рабоче-крестьянской инспекции⁵. В функции этой комиссии входило также определение предметов для изъятия с целью дальнейшей передачи в государственный музейный фонд и государственное казначейство.

Отделом Наркомюста 15.09.1923 г. было сообщено, что взнос эквивалента при изъ-

«Порядок передачи по договорам религиозного имущества, имеющего историческое, художественное или археологическое значение» [44, с. 14–20]. Следует обратить внимание, что в этой Инструкции Наркомюста впервые встречается термин «государственный музейный фонд».

⁴ Пункты III, IV Инструкции Наркомюста от 24.08.1918 «Порядок передачи по договорам религиозного имущества, имеющего историческое, художественное или археологическое значение» [44, с. 14–20].

⁵ Инструкция Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса от 05.10.1918 [44, с. 22–24].

тии ценностей из храма не создает права собственности на вещи, оставленные в пользовании группы в данном храме. При ликвидации храма судьба вещей определялась в общем порядке ликвидации [44, с. 98–99].

В 1918–1923 гг. было обследовано более 2350 церквей и монастырей, в которых взято на учет свыше 10 тыс. произведений древнерусской живописи и 25 тыс. предметов древнерусского прикладного искусства [3; 8, л. 192].

«Точечные» акты о национализации крупных собраний культурных ценностей и уникальных произведений искусства

В отношении крупных собраний культурных ценностей, принадлежавших частным лицам, на протяжении апреля 1918 г.—июня 1921 г. издавались отдельные Декреты. Например:

— все капиталы и все имущество Академии Художеств поступали в собственность Советской Республики, как фонд, предназначенный для специальных нужд художественной культуры¹;

— картина Боттичелли (тондо), принадлежавшая Е. П. Мещерской, реквизировалась, признавалась собственностью РСФСР и передавалась в один из национальных музеев РСФСР²;

— Московская государственная художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых объявлялась государственной собственностью РСФСР и передавалась в один из национальных музеев РСФСР³;

— все движимое и недвижимое имущество Московского художественного общества национализировалось и переходило в ведение Наркомпроса⁴;

¹ Декрет СНК от 14.04.1918 «Об упразднении Академии Художеств, реорганизации Высшего художественного училища и передаче в ведение Народного комиссариата просвещения Музея Академии Художеств» [43, с. 45].

² Постановление СНК от 30.05.1918 «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (тондо)» [43, с. 56–57]. Речь идет о картине Дж. Боттичелли «Мадонна с младенцем», которая сейчас находится в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

³ Постановление СНК от 03.06.1918 «О национализации Третьяковской галереи» [43, с. 57].

⁴ Пункт 1 Декрета СНК от 12.07.1918 «О закрытии

— имущество, принадлежавшее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам Александре Федоровне и Марии Федоровне Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях как в России, так и за границей, объявлялось достоянием РСФСР⁵;

— все имущество и инвентарь Петроградской и Московской консерваторий объявлялись народной государственной собственностью⁶;

— художественная галерея Сергея Ивановича Щукина объявлялась государственной собственностью РСФСР⁷;

— художественные собрания А. И. Морозова, И. С. Остроухова и В. А. Морозова объявлялись государственной собственностью и передавались в ведение Наркомпроса⁸;

— «Дом Льва Толстого» в Москве объявлялся государственной собственностью РСФСР и переходил в ведение Наркомпроса⁹;

— усадьба «Ясная Поляна» с домом и его обстановкой, парком, фруктовым садом, лесом, посадками, пахотной, луговой, огородной и неудобной землей и надворными постройками объявлялись национальной собственностью РСФСР¹⁰.

В. К. Граданов и Ю. Ф. Кононов в числе национализированных за 1918–1919 гг. распо-

Московского художественного общества» [43, с. 66–67].

⁵ Декрет СНК от 13.07.1918 «О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома» [43, с. 67–68].

⁶ Декрет СНК от 12.07.1918 «О переходе Петроградской и Московской консерваторий в ведение Народного комиссариата просвещения» [43, с. 67].

⁷ Декрет СНК от 29.10.1918 «О национализации художественной галереи Щукина» [43, с. 120].

⁸ Постановление СНК от 19.12.1918 «О национализации художественных собраний А. М. Морозова, И. С. Остроухова и В. А. Морозова» [43, с. 144].

⁹ Декрет СНК от 06.04.1920 «О национализации дома Льва Толстого в Москве» [43, с. 185].

¹⁰ Статья 1 Декрета ВЦИК от 13.06.1921 «О национализации усадьбы «Ясная Поляна» [43, с. 311–313]. В этом же Декрете приводятся обязанности хранителя усадьбы.

ряжениями советского правительства указывают также «собрания [в Москве] известных коллекционеров — А. А. Брокера (собрание работ старинных западных мастеров живописи), Н. С. Исаджанова (собрание произведений новейших русских художников), Н. М. Соллогуба (портреты XVIII и XIX вв.), В. Гиршмана (собрание русской и иностранной мебели), А. Н. Ляпунова (картины Левитана) и др. В Петрограде в это же время были национализированы исторические и художественные ценности, находившиеся в особняках и дворцах крупнейших помещиков и капиталистов — Юсупова, Долгорукого, Нарышкиных, Строгановых, Шуваловых, Шереметевых, Воронцовых-Дашковых, Мятлевых, Горчакова, Лейхтенбергских, Паскевича, Рудановского и др.» [3] (см. также [7, л. 40; 40, с.2]).

Национализация отраслей производства и торговли, в обороте которых были культурные ценности, продолжилась до середины 1922 г.

В частности, достоянием государства были объявлены все аптеки, независимо от формы собственности и подчиненности. При этом их инвентарь, запасы и соответствующие принадлежности, оборотные капиталы, а также лаборатории и складские помещения также переходили в собственность государства. Управление национализированными аптеками осуществлялось Наркомздравом РСФСР в соответствии с нормативной документацией, издаваемой данным ведомством [32]. Также национализировались и передавались в ведение Наркомпроса нотные магазины, склады, нотопечатни и нотопечательства [31]. Все магазины, склады и мастерские, производящие и продающие рояли, пианино, фисгармонии, фонолы, пианолы и все механические музыкальные инструменты, а также сдающие их в прокатное пользование, равно как производящие и продающие духовые, струнные и все иные музыкальные инструменты и принадлежности к ним, граммофоны, фонографы, пластинки, валики и пр., после национализации передавались в управление Музыкального отдела Наркомпроса¹.

¹ Декрет СНК от 20.08.1919 г. «О национализации магазинов, складов и мастерских, производящих и продающих клавишные и другие музыкальные инструмен-

Театральное имущество, включая реквизит и здания, было объявлено национальным достоянием вследствие своей культурной ценности. При этом личное имущество театральных, эстрадных и цирковых артистов, используемое для профессиональной деятельности, оставалось их собственностью. Между тем в случае его продажи преимущественное право приобретения имело государство или местные Советы². Наконец, собственностью государства стали принадлежащие частным лицам, организациям и учреждениям, а также муниципализированные Советами запасы книг и печатных изданий (кроме библиотек)³.

Также стали государственной собственностью дворцы и дачи частных лиц, включенные в список национализированных курортов Крыма и обслуживающих их хозяйств (Декрет ВЦИК и СНК от 13.07.1922 г.)⁴.

Полномочия, связанные с овладением государством культурными ценностями (выработка планов музейного строительства, контрольные, регистрационные и учетные функции в отношении культурных ценностей, права реквизиции и конфискации, реализации ценностей) были возложены на Наркомпрос и его органы. Данный комплекс состоял из нескольких групп полномочий.

В первую из них входили полномочия, связанные с реквизицией, конфискацией и национализацией. В частности, только с санкции Наркомпроса осуществлялась реквизиция книг, библиотечных собраний, книжных

ты» [43, с. 156–157]. См. также декрет СНК от 01.12.1923 г. «О музыкально-клавишных инструментах, переходящих в собственность государства» Музыкально-клавишные инструменты передавались в ведение и распоряжения Наркомпроса в лице местных органов народного образования [43, с. 156–157].

² Пункт 4, примечание к пункту 8 декрета СНК от 26.08.1919 «Об объединении театрального дела». [43, с. 158–161].

³ Статья 1 Декрета СНК от 20.04.1920 «О национализации запасов книг и иных печатных изданий» [43, с. 194–195].

⁴ Декрет ВЦИК и СНК от 14.09.1922 г. «Об утверждении списка национализированных курортов Крыма и обслуживающих их хозяйств» [43, с. 344–356].

магазинов и складов¹. Данный орган в соответствии с предоставленным ему правом по согласованию с ВСНХ производил реквизицию фотографических, кинематографических предприятий, соответствующих товаров, инструментов и материалов². Кроме того, Наркомпрос обладал правом реквизировать и конфисковывать перемещаемые незаконно за границу предметы искусства и старины, а также те из них, которые были оставлены их владельцами. Подобное же право распространялось на научные музеи, коллекции, кабинеты, лаборатории, установки, приборы, библиотеки, наглядные пособия, учебные книги и научно-учебные пособия. Аналогичная норма действовала в отношении театрального имущества, обладавшего историко-культурной ценностью (декорации, сценические костюмы, макеты и т.д.), музыкальных инструментов и соответствующих принадлежностей, а также предметов, связанных с отправлением религиозного культа и притом представляющих собой историческую и художественную ценность³.

¹ Декрет СНК от 26.11.1918 г. «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» [43, с. 121].

² Декрет СНК от 27.08.1919 «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Наркомпроса» [43, с. 157–158].

³ Статья 9 Декрета СНК от 03.01.1921 г. «О реквизициях конфискациях» [43, с. 253–262]. В примечании к ст. 9 указано, что не подлежат реквизиции конфискации предметы религиозного культа, хотя и имеющие историческое или художественное значение, находящиеся в церквях и молитвенных учреждениях всех вероисповеданий. Однако, учитывая неотложную необходимость спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие служить средством борьбы с голодом в Поволжье, декретом ВЦИК от 23.02.1922 местным Советам в месячный срок со дня опубликования упомянутого декрета было предложено изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не могло существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина со специальным назначением в Центральной комиссии помощи голодающим. Изъятые имущества поступали в особый фонд и на особый учет и обращались исключительно на нужды помощи голодающим. Информацию обо всех ценностях, поступивших из церковных имуществ, и их расходовании Центральная комиссия помощи голодающим публиковала в периодической печати, причем в местной печати публикация должна была содержать перечень ценностей, изъятых от местных храмов, молелен, сина-

гогов и т.д., с указанием названий этих храмов. Постановлением Центральной комиссии помощи голодающим и Наркомюста от 23.02.1922 была утверждена «Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», в пункте 2 которой предусматривалось, что в первую очередь подлежат изъятию ценности из наиболее богатых храмов, монастырей, синагог, часовен и т.д. Также в пункте 6 Инструкции устанавливалось, что в случае, если среди изымаемых ценностей находятся вещи, числящиеся на учете губернских отделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины, или обнаружены вещи бесспорно музейного значения, хотя и не числящиеся на учете этих губернских отделов, они изымаются из храма под наблюдением представителя местного отдела музеев и передаются на хранение в отдел музеев, впредь до особого распоряжения Комиссии по изъятию церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих. Все изъятые церковное имущество пересылалось в губернские финансовые отделы или уездные финансовые отделы для направления в центральный орган Государственного хранилища ценностей на особый счет Центральной комиссии помощи голодающим для реализации на продовольствие, семена и т.д. для голодающих [43, с. 328–331].

Согласно разъяснению Наркомюста от 13.04.1925 г. № 98/в/43, поскольку одному из древнейших памятников русского искусства — иконе «Свенской Богоматери» — грозила опасность из-за перемещения ее из одной церкви в другую, Отдел по делам музеев Главнауки не только имел право, но и должен был принять надлежащие меры по охране этой иконы вплоть до ее изъятия из рук верующих для помещения ее в музей [44, с. 133–134].

По вопросу учета церковного имущества см. также Постановление ВЦИК от 30.01.1931 г. «Об Инструкции Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов „О порядке проведения в жизнь законодательства о культах“», в том числе пункт 77 упомянутой Инструкции, которым признавались утратившими силу изданные в 1927–1930 гг. правовые акты в сфере регулирования общественных отношений о религиозных культах [50].

По вопросу учета церковного имущества см. также Постановление ВЦИК от 30.01.1931 г. «Об Инструкции Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов „О порядке проведения в жизнь законодательства о культах“», в том числе пункт 77 упомянутой Инструкции, которым признавались утратившими силу изданные в 1927–1930 гг. правовые акты в сфере регулирования общественных отношений о религиозных культах [50].

⁴ Статья 15 Декрета СНК от 17.10.1921 «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» [43, с. 316–319].

⁵ Статья 19 Декрета СНК от 08.09.1922, которым утверждалась «Инструкция по производству таможенными учреждениями продажи с торгов товаров и предметов, признанных контрабандными, и конфискованных» [43, с. 360–363].

Памятники, коллекции и ценные предметы, без необходимого разрешения переданные в новое частное или общественное владение, также подлежали конфискации¹.

Вторая группа полномочий касалась реализации ценностей. Главнауке в пределах постановления СНК РСФСР от 02.03.1924 принадлежало право реализации находящихся в ее распоряжении предметов церковного обихода (ризы, деревянные изделия и т.д.), не имеющих музейного значения, изъятых из церковных зданий, состоящих в ведении Музейного отдела Главнауки. Упомянутый отдел имел право эксплуатации находящегося в его распоряжении музейного имущества путем предоставления его в пользование групп верующих при условии внесения эквивалента в пользу Главнауки подобно тому, как в 1922 г. ВЦИКом [43, с. 328–331] разрешалось верующим путем взноса эквивалента выкупать подлежащие изъятию предметы культа².

Контроль над процессом торговли антикварными предметами, имевшими художественное значение, осуществлялся по правилам, разработанным Наркомпросом. В соответствии с ними, торговля производилась в основном в аукционных залах или специальных торговых помещениях. В торговые часы сотрудники Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного Управления научных учреждений академического центра Наркомпроса имели право на посещение этих помещений и осмотр соответствующих предметов для выявления их музейного значения. При наличии такого значения и при отсутствии факта регистрации этих предметов в Отделе по делам музеев они брались сотрудниками на учет в соответствии

¹ Статья 12 Декрета СНК от 05.10.1918 «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [45, с. 485–487].

² Разъяснение Наркомюста от 20.10.1924 № 1260/3 «О реализации порядка эксплуатации Музейным отделом церковного имущества, как то: ризы, деревянные изделия, иконостасы и т.д.». Отделом Наркомюста 15.09.1923 было сообщено, что взнос эквивалента при изъятии ценностей из храма не создает права собственности на вещи, оставленные в пользовании группы в данном храме. При ликвидации храма судьба вещей определяется в общем порядке ликвидации [44, с. 226–127].

с постановлением ВЦИК и СНК от 08.03.1923 г.³ Постановка на учет сопровождалась выдачей свидетельств установленного образца⁴.

Третья группа полномочий относилась к контролю над вывозом ценностей.

— «воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Наркомпросе или органами, коллегией на то уполномоченными. Все магазины, комиссионные конторы и отдельные лица, производящие торговлю предметами искусства и старины, или посредники по торговле ими, а также лица, производящие платную оценку или экспертизу подобных предметов, обязаны регистрироваться в упомянутых коллегиях, а на местах — в отделах по Народному просвещению при губернских Советах Рабочих и Крестьянских депутатов»⁵;

Особое разрешение Наркомпроса требовалось в каждом конкретном случае при

³ «Собрания и отдельные памятники искусства, старины и народного быта, имеющие музейное значение, оставленные после перерегистрации на учете музейного отдела, находятся под контролем государства, в силу чего:

а) воспрещается вывоз и продажа означенных предметов за границу;
б) переход их от одного владельца к другому и вообще всякое их перемещение подлежит обязательной регистрации музейного отдела и его органов на местах;
в) при продаже означенных предметов музейному отделу предоставляется право преимущественной покупки по ценам, устанавливаемым специальной экспертной комиссией музейного отдела (ст. 2);
г) музейному отделу предоставляется право использования собраний и отдельных предметов для выставок и изданий» (цит. статья 4 Декрета ВЦИК, СНК РСФСР от 08.03.1923 г. «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» [28]).

⁴ Пункты 1, 2 и 5 «Инструкции по проведению контроля торговли антикварно-художественными предметами в торговых помещениях, аукционных залах и т.п., осуществляемого Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного управления научных учреждений Академического центра Народного комиссариата просвещения», утв. Наркомпросом РСФСР 27.04.1924 г. [41].

⁵ Декрет СНК от 19.09.1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» [43, с. 105–106].

вывозе за рубеж музыкальных инструментов (на каждый инструмент в отдельности)¹. Также запрещался вывоз за пределы страны изданий технической, медицинской и учебной направленности без индивидуального разрешения Комиссариата народного просвещения². В свою очередь, к ввозу запрещались «вредные для РСФСР в политическом и экономическом отношении документы, печатные произведения, клише, фотографические снимки, киноленты, рукописи, чертежи и рисунки»³.

Четвертую группу составляли полномочия по разработке плана музейного строительства. Органом, контролирующим всю музейную деятельность в стране и, соответственно, реализовывавшим единый общенациональный план музейного строительства, являлась Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе в Москве и Петрограде. В круг ее полномочий входили разработка общего плана музейного строительства и непосредственное управление работой культурно-исторических музеев в Москве и Петрограде. В провинции эта деятельность осуществлялась через губернские подотделы коллегии, издававшей документы, касавшиеся тех или иных вопросов организации музейного дела⁴.

Пятую группу полномочий составили функции учета и охраны культурных ценностей, которые были возложены на научный отдел Наркомпроса. Данный орган осуществлял эти функции в отношении научных ценностей (научных музеев, сооружений, кабинетов, лабораторий, а также установок, приборов и др.), принимая их в свое ведение или передавая под эгиду научных или научно-образовательных учреждений.

Шестая группа полномочий включала в себя функционал, связанный с государствен-

ной регистрацией ценностей. СНК РСФСР, преследуя цели сохранения, изучения и ознакомления граждан с произведениями искусства и старины в своем Декрете от 05.10.1918 г. закрепил ряд правовых норм, отражающих данные цели.

В частности, предполагалось осуществить первую общегосударственную регистрацию⁵ всех произведений искусства. Такая регистрация затрагивала как целые коллекции, так и отдельные объекты, не зависимо от формы их собственности. Все зарегистрированные памятники, коллекции и предметы ставились на учет, при этом учитывалось не только их художественное, но также научное и историческое значение. При этом Коллегия по делам музеев и ох-

⁵ Повторная регистрация была инициирована в 1923 г. Декретом ВЦИК, СНК РСФСР «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» [29], согласно которому:

«Для выделения предметов, имеющих исключительно музейное значение и подлежащих государственному охранению, произвести перерегистрацию собраний и отдельных памятников искусства и старины, состоящих на учете Главного управления научных учреждений Академического центра Народного комиссариата просвещения по музейному отделу Народного комиссариата просвещения, а равно установить для предметов, имеющих исключительно музейное значение, постоянную государственную регистрацию и учет, в чем бы ведении и обладании такие предметы ни находились» (статья 1).

«Предметы, которые после перерегистрации будут признаны не представляющими музейного значения, снимаются с учета и предоставляются в распоряжение владельцам» (статья 3).

«Собрания и отдельные памятники искусства, старины и народного быта, имеющие музейное значение, оставленные после перерегистрации на учете музейного отдела, находятся под контролем государства, в силу чего:

а) воспрещается вывоз и продажа означенных предметов за границу;

б) переход их от одного владельца к другому и вообще всякое их перемещение подлежит обязательной регистрации музейного отдела и его органов на местах;

в) при продаже означенных предметов музейному отделу предоставляется право преимущественной покупки по ценам, устанавливаемым специальной экспертной комиссией музейного отдела;

г) музейному отделу предоставляется право использования собраний и отдельных предметов для выставок и изданий» (статья 4). «Предметы искусства, старины и народного быта, находящиеся в музеях и хранилищах, как вошедшие в музейный фонд и охраняемые государственными средствами, признаются государственным достоянием» (статья 5).

¹ Декрет СНК от 05.05.1920 г. «О порядке вывоза за границу музыкальных инструментов» [43, с. 191].

² Декрет СНК от 21.05.1920 г. «О порядке вывоза за границу научных пособий и книг» [43, с. 199].

³ Пункт 228 Таможенного тарифа по европейской торговле, утвержденного СНК РСФСР 14.02.1922. [57, с. 98–99].

⁴ Постановление Наркомпроса (июль 1919 г.) «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев» [45, с. 134].

ране памятников искусств и старины в Петербурге и Москве являлась единственным органом, который мог санкционировать отчуждение, изменение формы собственности произведений искусства («переход из одного частного или общественного владения в иное»), разрешить их ремонт, реставрацию, переделку или перемещение. Государство выдавало охранные грамоты владельцам произведений искусства и старины, поставленных на учет, и оказывало содействие этим гражданам в деле охраны данных объектов.

Кроме того, произведения искусства и старины могли подвергнуться принудительному отчуждению или передаче государственным органам охраны в случае небрежного обращения, несоблюдения правил хранения или неспособности владельцев обеспечить должные меры по охране этих объектов. О факте отчуждения или реквизиции произведений искусства осуществляющие эти действия учреждения должны были незамедлительно сообщать в Комиссию по охране и регистрации памятников искусства и старины. Данная комиссия являлась органом, на который были возложены функции регистрации и обследования памятников.

Документ также предписывал владельцам памятников искусства предоставить не позднее месяца с момента обнародования Декрета общие данные об этих объектах и их полные перечни в Комиссию по охране и регистрации (для Петербурга и Москвы). На местах такие сведения владельцами предоставлялись в губернские советы депутатов, в отделы народного образования. В случае невозможности предоставления запрашиваемых данных владелец был обязан уведомить об этом факте соответствующий орган власти.

Памятники и коллекции признавались подлежащими учету, а также могли отчуждаться или перемещаться только по документально оформленному разрешению Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе в Петербурге и Москве. При этом Комиссия по охране и регистрации памятников искусства и старины могла немедленно ставить на

временный учет как отдельные объекты, так и целые коллекции¹.

Владельцы предприятий торговли и администрация соответствующих учреждений, производивших продажу антиквариата (например, аукционных залов), наделялись функциями по регистрации и учету реализуемых предметов. Для осуществления этой функции они должны были вести книгу поступлений, куда вносились записи приобретаемых или поступающих для продажи предметов. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного управления научных учреждений Академического центра Наркомпроса устанавливал форму данной книги и правила ее ведения, предусматривавшие обязательную нумерацию страниц, шнурование и заверение ее печатью данного отдела. Согласно форме, в книгу заносились данные о порядковом номере, наименовании предмета, его авторе, материале, из которого он был выполнен, технике исполнения, размерах, а также подпись, дата, стоимость или ее оценка, данные о лице, передавшем предмет для продажи, адрес и время принятия, данные о покупателе, его адресе и времени продажи и различные дополнительные данные².

К 1922 г. работа по первоначальному комплектованию собраний музеев путем национализации культурных ценностей была практически завершена. После регистрации и учета предметов начался обратный процесс — введение их в гражданский оборот из сформированных запасов для последующей реализации.

Имущество, сконцентрированное в церквях и монастырских зданиях, обладало историко-культурной и материальной ценностью и подразделялось на три группы в зависимости от степени и характера своего значения.

К первой группе относилось имущество, обладавшее историко-художественной ценно-

¹ Декрет СНК от 05.10.1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [45, с. 485–487].

² Пункт 1 «Правил аукционной продажи и торговли антикварно-художественными предметами», утвержден постановлением Наркомпроса РСФСР от 25.04.1924 г. [55]

стью (церковная утварь, старинная мебель, художественные полотна и т.п.), при этом распоряжение им осуществлялось Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса.

Вторую группу составляли предметы, обладавшие лишь материальной ценностью и поступавшие в ведение Гохрана.

Наконец, в третью группу было объединено все еще сохранявшееся в храмах и монастырях «имущество обиходного характера»¹.

Президиумом ВЦИК была признана желательной передача Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины части денежных средств, вырученных в помощь голодающим в результате реализации музейных ценностей. Данному учреждению было также предложено по окончании учета представить приблизительную сумму стоимости предназначенных к продаже вещей для определения размера отчисления в распоряжение Отдела².

Культурные ценности были отнесены к предметам роскоши и разделены на две категории. Первую составили изделия из драгоценных металлов и камней, вторую — фарфоровые, хрустальные, каменные, бронзовые, кожаные художественные изделия, скульптура, художественные полотна ручной работы, художественные изделия, гравюры, антиквариат, стильная мебель (резная или отделанная кожей, а также зеркала площадью более 48 кв. вершков (213,36 см²)³.

Народный комиссариат внешней торговли получал право образования экспертных комиссий на местах для определения запаса художественных ценностей, предметов роскоши и старины, которые могли быть вывезены за рубеж. Эти комиссии действовали в соответствии с нормативными актами, утверждавшими

¹ Статьи 1–3 Декрета ВЦИК от 27.12.1921 г. «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» [43, с. 326–327].

² Декрет ВЦИК от 09.02.1922 г. «О передаче Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины части сумм, вырученных от продажи музейных ценностей» [43, с. 327].

³ Статья 1 Декрета ВЦИК и СНК от 10.02.1922 г., утверждающего «Правила о промысловом обложении производств предметов роскоши и торговли ими» [43, с. 324–326].

мися Наркомвнешторгом согласованно с Наркомпросом и Наркомфином. Комиссии отбирали, классифицировали, оценивали и ставили на учет обладавшие ценностью предметы, которые могли в случае необходимости быть использованы в экспортных целях. Членами комиссий являлись сотрудники отделов Народного комиссариата просвещения, в частности, Главного комитета по делам музеев и изобразительных искусств⁴.

Наркомвнешторгу и его органам было предоставлено исключительное право на образование государственного экспортного фонда по филателии для зарубежной торговли. На межведомственные экспертные комиссии при Наркомвнешторге и его местные органы была возложена обязанность производить отбор соответствующих экземпляров марок музейного характера для передачи по назначению, вводя в их состав по этим вопросам представителя Народного комиссариата почт и телеграфа⁵.

На основании Декрета от 21.09.1922 г. было поручено передать в Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода при ВЦИКе все имеющиеся в государственных органах РСФСР запасы по филателии, за исключением музейного фонда, в необходимом количестве и предоставить исключительное право для реализации их в пользу голодающих и на улучшение жизни детей⁶.

Вследствие массовых продаж культурных ценностей за границу возникли лакуны в собраниях музеев, что привело к необходимости перераспределения ценностей по коллекциям музеев.

Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1928 «О музейном строительстве в РСФСР» Наркомпросу предписывалось принять меры к устранению пробелов в коллек-

⁴ Декрет СНК от 07.02.1921 «О составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли». [43, с. 266–267].

⁵ Статьи 1 и 3 Декрета СНК от 30.12.1921 «О государственном экспортном фонде по филателии» [43, с. 321]. Отметим, что при Народном комиссариате почты и телеграфа действовало Российское бюро филателии.

⁶ Статья 1 Декрета ВЦИК, СНК РСФСР от 21.09.1922 «Об использовании филателистического материала в интересах помощи голодающим» [27].

циях музеев несколькими способами. В частности, предполагалось перераспределить основные музейные коллекции, активизировать собирательскую работу, осуществлявшуюся музеями, а также обеспечить им реализацию возможности приобретения недостающих экспонатов. Народному комиссариату просвещения поручалось представить Совнаркому перечень памятников, подлежащих охране, куда входили не только объекты, относящиеся к искусству и истории, но и памятники революционного движения. Эти объекты не могли подвергнуться изъятию, уничтожению или изменению без соответствующей санкции Наркомпроса¹.

Перераспределение предметов по структуре музейной сети продолжилось в 1930-е и последующие годы. В частности, в постановлении ВЦИК от 01.01.1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» нашли свое отражение недостатки в работе музейных учреждений, среди которых называлось отсутствие конкретики в постановке целей и определения круга своей деятельности у большинства музеев. При этом указывалось на наличие в центральных музеях неиспользуемых экспонатов, которыми могли бы быть пополнены местные музейные собрания. На фоне данных тенденций к 01.03.1934 г. Наркомпросу поручалось проведение пере-

смотра запасников центральных музеев с целью учета всех неиспользуемых экспонатов и материалов, не относящихся к объектам, безусловно необходимым в аспекте своего научного значения. Эти экспонаты и материалы в дальнейшем предписывалось распределить по музейным учреждениям. Предпочтение в обеспечении музейными предметами при этом отдавалось фондам местных музеев².

В 1983 г. Совет Министров РСФСР в своем постановлении от 11.02.1983 № 77 «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в РСФСР» обязал Министерство культуры РСФСР, иные министерства и ведомства, а также местные власти усовершенствовать деятельность музеев, нацеленную на комплектование и использование своих собраний. Во главу угла при этом ставились плановость и целенаправленность работы по сбору ценных экспонатов, раскрывающих историю советского общества и развитого социализма. Методологической основой при этом должны были являться достижения исторической науки и музееведения. Сами же музейные учреждения должны были оказывать содействие принятию на государственный учет и в свои фонды ценных коллекций, при этом неукоснительно соблюдая правовые нормы, касающиеся правил списания экспонатов основного фонда³.

Kirill E. RYBAK

Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation, kirill.rybak@mkrf.ru

***Methods and Stages of Museum Fund Acquisition:
Legal Expropriation in the Soviet Russia (1917–1920s)***

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the acquisition of the state museum fund in the early years of Soviet power. The methodology included historical legal, formal legal

¹ Пункты 4 и 7 Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1928 «О музейном строительстве в РСФСР» [52].

² Преамбула и подпункт «з» пункта 1 Постановления ВЦИК от 01.01.1934 «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» [51].

³ Пункт 1 Постановления Совмина РСФСР от 11.02.1983 № 77 «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в РСФСР» [54].

methods, a method of legal interpretation combined with a set of methods used in historical science. The materials were the regulatory acts of the Soviet government issued in the period from 1917 to 1922 and related to the expropriation of cultural and other values, archival materials, studies of lawyers and historians of law. The starting point of the study was a detailed analysis of the definitions of forms and methods of expropriation of property, common in the early years of Soviet power. The factography of the events that make up the stages of the nationalization of the banking sector is disclosed, the actions of the Bolshevik leadership aimed at revising banking cells, mastering the reserves of precious metals are examined in detail. The transfer of cultural property to Ukraine, Poland, and Lithuania, which took place in the first years of Soviet power, was studied, and the range of values subject to such transfer was identified. The first steps of the Soviet government related to the acquisition of museums at the expense of seized church property are investigated, the categories of this property are determined, and the procedure for determining its value is considered. The content of individual regulatory acts on the nationalization of large collections of cultural property and unique works of art, in particular, art galleries, conservatories, private art collections, estates, individual valuable paintings, etc., has been studied in detail. The measures of the Soviet state on the nationalization of musical workshops, theater and circus property are described in sequence. Considerable attention is paid to the analysis of the powers of the People's Commissariat for Education in matters related to the turning of cultural property into the property of the state. The mechanisms of alienation of objects of art in the case of careless treatment or in the absence of proper protection are examined, measures regarding the registration of objects of art are analyzed. The actions of the state to identify objects of art that could be used for export purposes are analyzed. The author concludes that the massive sale of cultural property abroad, done after 1922, led to the appearance of gaps in museum collections. This caused a redistribution of values along the structure of the museum network, which continued into the 1930s and beyond.

Keywords: museum fund, expropriation, confiscation, requisition, nationalization, municipalization, church property, Gokhran, People's Commissariat for Education, transfer of cultural property.

Использованная литература:

1. Атлас М. С. Национализация банков в СССР. М.: Госфиниздат, 1948.
2. Вавин Н. Г. Сборник законоположений, инструкций и циркуляров по вопросу о денационализации и демунципализации имущества. М.: Издательство во Всерос. комитета помощи инвалидам войны, 1923.
3. Гарданов В. К., Кононов Ю. Ф. Музейное строительство в РСФСР (1917 – 1920 гг.) // Вопросы истории. 1955. № 4. С.117–123.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 14.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2101.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2102.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 12.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 206.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10073. Оп. 1. Д. 6.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10073. Оп. 1. Д. 7.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А298. Оп. 2. Д. 30.

References:

1. Atlas, M.S. (1948) *Natsionalizatsiya bankov v SSSR* [Nationalization of Banks in the USSR]. Moscow: Gosfinizdat.
2. Vavin, N.G. (1923) *Sbornik zakonopolozheniy, instruktsiy i tsirkulyarov po voprosu o denatsionalizatsii i demunitsipalizatsii imushchestva* [Collection of Statutes, Instructions and Circulars on the Denationalization and Demunicipalization of Property]. Moscow: Izd-vo Vseros. k-ta pomoshchi invalidam voyny.
3. Gardanov, V.K. & Kononov, Yu.F. (1955) *Muzeynoe stroitel'stvo v RSFSR (1917–1920 gg.)* [Museum Development in the RSFSR (1917–1920)]. *Voprosy istorii*. 4. pp.117–123.
4. State Archive of the Russian Federation. Fund 1467. List 1. File 14. (In Russian).
5. State Archive of the Russian Federation. Fund 1838. List 1. File 2101. (In Russian).
6. State Archive of the Russian Federation. Fund 1838. List 1. File 2102. (In Russian).
7. State Archive of the Russian Federation. Fund 2307. List 3. File 12. (In Russian).
8. State Archive of the Russian Federation. Fund 2307. List 3. File 206. (In Russian).
9. State Archive of the Russian Federation. Fund 10073. List 1. File 6. (In Russian).
10. State Archive of the Russian Federation. Fund 10073. List 1. File 7. (In Russian).

12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А353. Оп. 4. Д. 305.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А353. Оп. 5. Д. 198.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 313.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 558.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1005. Оп. 1а. Д. 118.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р3603. Оп. 1. Д. 3.
18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р4085. Оп. 10. Д. 48.
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р4085. Оп. 10. Д. 238.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р4085. Оп. 22. Д. 284.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5122. Оп. 2. Д. 2.
22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5122. Оп. 2. Д. 10.
23. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5325. Оп. 9. Д. 491.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5896. Оп. 1. Д. 133.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р6872. Оп. 1. Д. 259.
26. Декларация о правах трудящегося и эксплуатируемого народа (принята III Всероссийским съездом Советов 13.01.1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 15. Ст. 215.
27. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 21.09.1922 г. «Об использовании филателистического материала в интересах помощи голодающим» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 61. Ст. 774.
28. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 08.03.1923 г. «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 20. Ст. 245.
29. Декрет СНК от 24(11).11.1917 // Газета Временного рабоче-крестьянского правительства. 1917. 26 (13) нояб.,
30. Декрет СНК от 30(17).11.1917 г. «О порядке временного производства оплаты документов Петроградской конторы Государственного банка» // Известия. 1917. 2 дек. (19 нояб.). № 230.
31. Декрет СНК от 19.12.1918 г. «О национализации нотных, музыкальных магазинов, складов, нотопечатен и нотопечательств» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 99. Ст. 1020.
32. Декрет СНК РСФСР от 28.12.1918 «О национализации аптек» // Известия. 1919. 1 янв. № 1.
33. Декрет СНК от 16.04.1920 г. «О реквизициях и конфискациях» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 29. ст. 143
34. Декрет СНК от 03.11.1920 г. «О бесхозяйном имуществе» // Собрание узаконений и распоряжений
11. State Archive of the Russian Federation. Fund A298. List 2. File 30. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation. Fund A353. List 4. File 305. (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation. Fund A353. List 5. File 198. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation. Fund A2306. List 1. File 313. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation. Fund A2306. List 1. File 558. (In Russian).
16. State Archive of the Russian Federation. Fund R1005. List 1a. File 118. (In Russian).
17. State Archive of the Russian Federation. Fund R3603. List 1. File 3. (In Russian).
18. State Archive of the Russian Federation. Fund R4085. List 10. File 48. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation. Fund R4085. List 10. File 238. (In Russian).
20. State Archive of the Russian Federation. Fund R4085. List 22. File 284. (In Russian).
21. State Archive of the Russian Federation. Fund R5122. List 2. File 2. (In Russian).
22. State Archive of the Russian Federation. Fund R5122. List 2. File 10. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation. Fund R5325. List 9. File 491. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation. Fund R5896. List 1. File 133. (In Russian).
25. State Archive of the Russian Federation. Fund R6872. List 1. File 259. (In Russian).
26. *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1918) Deklaratsiya o pravakh trudyashchegosya i ekspluatiruемого naroda (prinyata III Vserossiyskim s'ezdom Sovetov 13.01.1918 g.) [Declaration on the Rights of the Working and Exploited People (Adopted by the III All-Russian Congress of Soviets on 13 January 1918)]. 15. Art. 215.
27. *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1922) Dekret VTsIK, SNK RSFSR ot 21.09.1922 g. "Ob ispol'zovanii filatelisticheskogo materiala v interesakh pomoshchi golodayushchim" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 21 September 1922 "On the Use of Philatelic Material in the Interests of Helping the Starving"]. 61. Art. 774.
28. *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1923) Dekret VTsIK, SNK RSFSR ot 08.03.1923 g. "Ob uchete i registratsii predmetov iskusstva i stariny" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 08 March 1923 "On the Accounting and Registration of Objects of Art and Antiquity"]. 20. Art. 245.
29. *Gazeta Vremennogo raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1917) Dekret SNK ot 24(11).11.1917 [Decree of the Council of People's Commissars of 24(11) November 1917]. 26(13) November.
30. *Izvestiya*. (1917) Dekret SNK ot 30(17).11.1917 g. "O poryadke vremennogo proizvodstva oplaty dokumentov Petrogradskoy kontory Gosudarstvennogo banka" [Decree of the Council of People's Commissars of 30(17) November 1917 "On the Procedure for Temporary Payment for

рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 87. Ст. 442.

35. Декрет СНК от 19.11.1920 г. «О конфискации всего движимого имущества, граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 18. Ст. 111.

36. Декрет СНК от 03.01.1921 г. «О реквизициях и конфискации» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 5. ст. 37.

37. Декрет СНК от 28.03.1921 г. «О конфискации и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобождённых от неприятеля» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 21. Ст. 134.

38. Декрет СНК от 17.10.1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов. 1921. 26 окт. № 240.

39. Денационализация домостроений. Новый закон и инструкция о продлении срока и о повышении норм оценки. Инструкция о порядке установления оценок. Харьков : Юрид. изд-во Народного комиссариата юстиции УССР. 1926.

40. Ерыкалов В. И. Доклад заведывающего Государственным музейным фондом на Губернской музейной конференции 1923 г. // Музей. 1924. № 2. С. 1-6.

41. Инструкция по проведению контроля торговли антикварно-художественными предметами в торговых помещениях, аукционных залах и т.п., осуществляемого Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного Управления Научных учреждений академического центра Народного Комиссариата Просвещения», утвержденная Наркомпросом РСФСР от 27.04.1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 51. Ст. 480.

42. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных) от 02.04.1968 г. М.: Министерство культуры СССР, 1968.

43. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: Юстицинформ, 2009.

44. 4Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1960 (дополнительный том). М.: Юстицинформ, 2012.

45. Культура в нормативных актах Советской власти. 1923–1927. М.: Юстицинформ, 2010.

46. Ленин В. И. Заключительное слово к докладу об основных задачах Советской власти // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С.268-276.

47. Ленин В. И. Речь о годовщине революции 6 ноября // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. С.137-152.

48. Мосякин А.Г. Судьба золота Российской империи в срезе истории. 1880–1922. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.

49. Невзоров А. С. Экспроприация, конфискация, реквизиция, социализация, национализация, муниципа-

Documents of the Petrograd Office of the State Bank”]. 2 December (19 November). 230.

31. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1918) Dekret SNK ot 19.12.1918 g. “O natsionalizatsii notnykh, muzykal'nykh magazinov, skladov, notopechaten i notoizdatel'stv” [Decree of the Council of People's Commissars of 19 December 1918 “On the Nationalization of Musical Note Stores, Music Stores, Warehouses, Music Printing and Publishing Offices”]. 99. Art. 1020.

32. *Izvestiya*. (1919) Dekret SNK RSFSR ot 28.12.1918 “O natsionalizatsii aptek” [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 28 December 1918 “On the Nationalization of Pharmacies”]. 1 January. 1.

33. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1920) Dekret SNK ot 16.04.1920 g. “O rekvizitsiyakh i konfiskatsiyakh” [Decree of the Council of People's Commissars of 16 April 1920 “On Requisition and Confiscation”]. 29. Art. 143

34. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1920) Dekret SNK ot 03.11.1920 g. “O beskhoz'yainnom imushchestve” [Decree of the Council of People's Commissars of 03 November 1920 “On Ownerless Property”]. 87. Art. 442.

35. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1921) Dekret SNK ot 19.11.1920 g. “O konfiskatsii vsego dvizhimogo imushchestva grazhdan, bezhavshikh za predely Respubliki ili skryvayushchikhsya do nastoyashchego vremeni” [Decree of the Council of People's Commissars of 19 November 1920 “On the Confiscation of All Movable Property of Citizens Who Fled Outside the Republic or Are Hiding to Date”]. 18. Art. 111.

36. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1921) Dekret SNK ot 03.01.1921 g. “O rekvizitsiyakh i konfiskatsiyakh” [Decree of the Council of People's Commissars of 03 January 1921 “On Requisition and Confiscation”]. 5. Art. 37.

37. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1921) Dekret SNK ot 28.03.1921 g. “O konfiskatsiyakh i rekvizitsiyakh imushchestva chastnykh lits v mestnostyakh, osvobodennykh ot nepriyatela” [Decree of the Council of People's Commissars of 28 March 1921 “On Confiscation and Requisition of Property of Private Individuals in Areas Freed From the Enemy”]. 21. Art. 134.

38. *Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov*. (1921) Dekret SNK ot 17.10.1921 g. “O poryadke rekvizitsii i konfiskatsii imushchestva chastnykh lits i obshchestv” [Decree of the Council of People's Commissars of 17 October 1921 “On the Procedure for Requisition and Confiscation of Property of Individuals and Societies”]. 26 October. 240.

39. People's Commissariat for Justice of the Ukrainian SSR. (1926) *Denatsionalizatsiya domostroeniy. Novyy zakon i instruktsiya o prodlenii sroka i o povyshenii norm otsenki. Instruktsiya o poryadke ustanovleniya otsenok* [Denationalization of Housing Construction. The New Law and the Instruction on the Extension of the Term and on the Raising of the Standards of Assessment. Instructions on How to Establish Assessment]. Kharkov: Yurid. izd-vo Narodnogo komissariata yustitsii USSR.

лизация. Систематическое изложение декретов, постановлений, инструкций, циркуляров ВЦИК, СНК, НКВД, ГУНХ, ВСНХ. Воронеж: Изд. Воронежского губернского отдела коммунального хозяйства, 1923.

50. Постановление ВЦИК от 30.01.1931 г. «Об Инструкции Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» // Законодательство о религиозных культах: сб. документов и материалов. Изд 2-е. М.: Юридическая литература, 1971. С. 108-125.

51. Постановление ВЦИК от 01.01.1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1934. № 4. Ст. 22.

52. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1928 г. «О музейном строительстве в РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 116. Ст. 726.

53. Постановление СНК от 25.07.1920 // Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов. 1920. 25 июля. № 163.

54. Постановление Совета Министров РСФСР от 11.02.1983 г. №77 «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в РСФСР» // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1983. № 5. Ст. 34.

55. Правила аукционной продажи и торговли антикварно-художественными предметами, утвержденные постановлением Наркомпроса РСФСР от 25.04.1924 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 51.

56. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102.

57. Таможенный тариф по европейской торговле для привозных товаров, утвержденный СНК РСФСР 14.02.1922. // Сборник действующих декретов и постановлений по внешней торговле. Вып. 1. Москва: РИО НКВТ, 1924. С. 98–99.

58. Циммерман М. А. Очерки нового международного права. Пособие к лекциям: Мирные договоры. Лига Наций. Постоянная Палата Международного Суда. 2-е изд. Прага: Пламя, 1924.

59. Epstein E.. Les banques de commerce russes, leur rôle dans l'évolution économique de la Russie, leur nationalisation [Russian Commercial Banks, Their Role in the Economic Development of Russia, Their Nationalization]. Paris: Giard, 1925.

40. Erykalov, V.I. (1924) Doklad zavedyvayushchego Gosudarstvennym muzeynym fondom na Gubernskoy muzeynoy konferentsii 1923 g. [Report of the Head of the State Museum Fund at the Provincial Museum Conference of 1923]. *Muзей*. 2. pp. 1–6.

41. *Sobranie zakononiy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR RSFSR*. (1924) Instruksiya po provedeniyu kontrolya trgovli antikvarno-khudozhestvennymi predmetami v trgovnykh pomeshcheniyakh, auktsionnykh zalakh i t.p., osushchestvlyаемого Otdelom po delam muzeev i okhrane pamyatnikov iskusstva i stariny Glavnogo Upravleniya Nauchnykh uchrezhdeniy akademicheskogo tsentra Narodnogo Komissariata Prosveshcheniya, utverzhennaya Narkomprosom RSFSR ot 27.04.1924 g. [Instructions for the Control of Trading Antiques and Art Objects in Commercial Premises, Auction Halls, etc., Carried out by the Department for Museums and the Protection of Monuments of Art and Antiquities of the Main Directorate of Scientific Institutions of the Academic Center of the People's Commissariat for Education, Approved by the People's Commissariat of the RSFSR on 27 April 1924]. 51. Art. 480.

42. USSR Ministry of Culture. (1968) *Instruktsiya po uchetu i khraneniyu muzeynykh tsennostey muzeev sistemy Ministerstva kul'tury SSSR (krome khudozhestvennykh) ot 02.04.1968 g.* [Instructions for the Accounting and Storage of Museum Valuables of Museums in the System of the Ministry of Culture of the USSR (Except for Fine Art) of 02 April 1968]. Moscow: Ministerstvo kul'tury SSSR.

43. Rybak, K.E. (2009) *Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoy vlasti. 1917–1922* [Culture in the Normative Acts of the Soviet Power. 1917–1922]. Moscow: Yustitsinform.

44. Rybak, K.E. (2012) *Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoy vlasti. 1917–1960* [Culture in the Normative Acts of the Soviet Power. 1917–1960]. A Supplementary Volume. Moscow: Yustitsinform.

45. Rybak, K.E. (2010) *Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoy vlasti. 1923–1927* [Culture in the Normative Acts of the Soviet Power. 1923–1927]. Moscow: Yustitsinform.

46. Lenin, V.I. (1974a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Politizdat. pp. 268–276.

47. Lenin, V.I. (1974b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 37. Moscow: Politizdat. pp. 137–152.

48. Mosyakin, A.G. (2017) *Sud'ba zolota Rossiyskoy imperii v sreze istorii. 1880–1922* [The Fate of the Gold of the Russian Empire in the Context of History. 1880–1922]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK.

49. Nevzorov, A.S. (1923) *Ekspropriatsiya, konfiskatsiya, rekvizitsiya, sotsializatsiya, natsionalizatsiya, munitsipalizatsiya. Sistematischeskoe izlozhenie dekretov, postanovleniy, instruktsiy, tsirkulyarov VTsIK, SNK, NKVD, GUNKh, VSNKh* [Expropriation, Confiscation, Requisition, Socialization, Nationalization, Municipalization. A Systematic Presentation of Decrees, Resolutions, Instructions, Circulars of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars, People's Commissariat for Internal Affairs, Central Office of National Economy, Supreme Council of National Economy]. Voronezh: Izd. Voronezhskogo gubernskogo otдела kommunal'nogo khozyaystva.

50. Kuroyedov, V.A. & Pankratov, A.S. (1971) Postanovlenie VTsIK ot 30.01.1931 g. "Ob Instruksii Postoyannoy komissii pri Prezidiume VTsIK po voprosam kul'tov "O poryadke provedeniya v zhizn' zakonodatel'stva o kul'takh" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 30 January 1931 "On the Instructions of the Permanent Commission Under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on Cults: On the Procedure for Implementing Laws on Cults"]. In: *Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh: sb. dokumentov i materialov* [Laws on Religious Cults: Documents and Materials]. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 108–125.

51. *Sobranie uzakoney i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR RSFSR*. (1934) Postanovlenie VTsIK ot 01.01.1934 g. "O sostoyanii i zadachakh muzeynogo stroitel'stva RSFSR" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 01 January 1934 "On the State and Tasks of the Museum Development in the RSFSR"]. 4. Art. 22.

52. *Sobranie uzakoney i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR RSFSR*. (1928) Postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 20.08.1928 g. "O muzeynom stroitel'stve v RSFSR" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 20 August 1928 "On Museum Development in the RSFSR"]. 116. Art. 726.

53. *Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov*. (1920) Postanovlenie SNK ot 25.07.1920 [Decree of the Council of People's Commissars of 25 July 1920]. 25 July. 163.

54. *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva RSFSR*. (1983) Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 11.02.1983 g. №77 "O merakh po dal'neyshemu uluchsheniyu raboty muzeev v RSFSR" [Decree of the Council of Ministers of the RSFSR No. 77 of 11 February 1983 "On Measures to Further Improve the Work of Museums in the RSFSR"]. 5. Art. 34.

55. *Sobranie uzakoney i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. (1924) Pravila auktsionnoy prodazhi i trgovli antikvarno-khudozhestvennymi predmetami, utverzhennyye postanovleniem Narkomprosa RSFSR ot 25.04.1924 [Rules for the Auction Sale and Sale of Antiques and Art Objects, Approved by the Decree of the People's Commissariat for Education of the RSFSR on 25 April 1924]. 51.

56. Russian State Historical Archive. Fund 1102. (In Russian).

57. People's Commissariat for Foreign Trade. (1924) Tamozhenny tarif po evropeyskoy trgovle dlya privoznykh tovarov, utverzhennyy SNK RSFSR 14.02.1922. [The Customs Tariff for European Trade for Imported Goods, Approved by the Council of People's Commissars of the RSFSR on 14 February 1922]. In: *Sbornik deystvuyushchikh dekretov i postanovleniy po vneshney trgovle* [Collection of Current Decrees and Resolutions on Foreign Trade]. Is. 1. Moskva: RIO NKVT. pp. 98–99.

58. Tsimmerman, M.A. (1924) *Ocherki novogo mezhdunarodnogo prava. Posobie k lektsiyam: Mirnye dogovory. Liga Natsiy. Postoyannaya Palata Mezhdunarodnogo Suda* [Essays on the New International Law. Lecture Manual: Peace Treaties. the League of Nations. Permanent Court of International Justice]. 2nd ed. Prague: Plamya.

59. Epstein, E. (1925) *Les banques de commerce russes, leur rôle dans l'évolution économique de la Russie, leur nationalisation* [Russian Commercial Banks, Their Role in the Economic Development of Russia, Their Nationalization]. Paris: Giard.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рыбак, К. Е. Способы и этапы комплектования музейного фонда: законная экспроприация в Советской России (1917–1920-е годы) / К. Е. Рыбак // *Наследие веков*. – 2020. – № 1. – С. 123–146. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.012

Full bibliographic reference to the article:

Rybak, K. E. (2020) *Methods and Stages of Museum Fund Acquisition: Legal Expropriation in the Soviet Russia (1917–1920s)*. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 123–146. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.012

БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна

доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник отдела истории,
археологии и этнологии Калмыцкого научного центра
Российской Академии наук,
Элиста, Российская Федерация

Svetlana G. BATYREVA

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture),
Leading Researcher,

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russian Federation,

sargerel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4268-0705

УДК 347.787.5-037.63(=512.37)(470.47+510)
ГРНТИ 13.51.09
ВАК РФ 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.013

**Узорная стежка ткани и
войлока: к вопросу генезиса
орнаментального декора
(на материале экспонатов
Музея имени Зая-пандиты
Калмыцкого научного центра РАН)¹**

**Patterned Stitching of Fabric and Felt:
On the Genesis of Ornamental Decor
(On the Material of the Exhibits
of the Zaya-Pandita Museum
of Traditional Culture of the Kalmyk
Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences)²**

Статья посвящена сравнительному анализу орнаментального декора войлока и ткани ойратов Западной Монголии и калмыков России на материале экспонатов Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты Калмыцкого НЦ РАН и других отечественных музеев. Автор использует методы исторической науки, этнологии и искусствоведения, применяемые в музеологии. В ходе исследования рассмотрены узоры, украшавшие предметы традиционного быта калмыков; описаны типичные приемы их орнаментальной отделки, формы узоров, цветовые и композиционные решения; выявлены связи орнаментики с традиционным миропониманием номадов; изучена калмыцкая техника вышивки-аппликации «зег»; установлено, что стеганый узор войлока ойратов и калмыков – это квинтэссенция художественной традиции номадов. Все это позволяет сделать вывод о «генетической» взаимосвязи калмыцкой вышивки и узор-

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-512-44002 «Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно-сопоставительном анализе».

² The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-44002 “Folk Arts and Crafts of the Oirats of Mongolia and the Kalmyks of Russia: The General and the Special Through Comparative Analysis”.

ного войлока, прослеживаемой в геометрическом узоре «зег» – своеобразной трансформации стеганого узора войлока. При этом становится очевидным, что орнаментальный декор войлока сохраняет традиционный код культуры, являющийся художественным наследием номадов.

Ключевые слова: калмыки, культурное наследие, декоративно-прикладное искусство, традиция, войлок, вышивка, орнаментальный декор, этнокультурогенез, музей, экспонат.

В условиях глобализации культуры и интеграции мирового сообщества наблюдается возрастающий интерес к традиционному наследию, что обусловлено его востребованностью в современном обществе. Исследования отечественных и зарубежных авторов в области культурного наследия монгольских народов, как правило, ограничены ареалом бытия того или иного этноса, в том числе ойратов и калмыков. Среди них — труды по ремеслам калмыков Н. Кочешкова [18], И. Ковалева [16], И. Трошина [24], Д. Сычева [31], С. Батыревой [5], Д. Пюрвеева [22]. Достаточно обширна описательная база художественных традиций ойратов и монголов в монгольских исследованиях [25; 28; 35]. Прикладное творчество номадов рассматривается в трудах авторов [32; 27], дающих общую характеристику народных ремесел. Иллюстрированная монография Л. Батчулуун полностью посвящена войлоковалению и художественной обработке войлока [28], монография «Монгольские ковры» [1] Ц. О. Батсайхана, Н. П. Бесчастнова — ковроделию. Орнаментальный декор в народном прикладном искусстве описан авторами Б. Батюке и Ч. Баярмой [34; 29].

В современном монголоведении шагом вперед стало сравнительно-сопоставительное исследование традиций калмыков России и ойратов Монголии калмыцких ученых [23], не затрагивающее, однако, проблемы изучения прикладного творчества. Как часть культурного наследия монголоязычных номадов оно рассматривается В. Кореняко [17] на материале центральноазиатского фонда Государственного музея Востока. Обращаясь в сравнительном анализе к прикладному искусству монгольских народов, автор указывает на своеобразие орнаментального наследия калмыков в ряду художественных традиций монголов, бурят и тувинцев. Исследователь

задается вопросом происхождения линейной выразительности калмыцкого орнамента в отсутствие зооморфных форм «звериного стиля», свойственных произведениям указанных народов [17, с. 18]. Ремесло монголоязычных калмыков, предполагает автор, удаленное от центральноазиатского очага традиций, испытало влияние новой культурной среды обитания народа. Параллельно выделяется историческая обусловленность этнического своеобразия старокалмыцкого буддийского искусства, обоснованная С. Батыревой [7; 8, с. 102–130, 132; 17, с. 19–22].

В данном исследовании мы считаем правомочным развить это положение в отношении художественного ремесла калмыков как результата трансформации наследия в процессе этнокультурного взаимодействия.

При проведении анализа естественным будет обратиться к изначальным традициям наследия, сохраняемым, как мы предполагаем, в ремеслах номадов. В этом смысле значимыми для исследования представляются труды по традиционной культуре ойратов Западной Монголии, этнической прародины калмыков [26; 25; 33].

Обращаясь к архаическим истокам монгольского искусства, автор Д. Гантулга посвящает свой труд художественному декору войлочных ковров из раскопок Ноин-Улы [10]. Рассматривая искусство в призме мировидения номадов, он выявляет образное художественное мышление предков. Архетипы, объясняемые философским учением «арга-билиг», запечатлены в орнаменте войлочных изделий, приемах его нанесения [11, с. 375–376; 10]. Культурное наследие ойратов и калмыков, имеющее общие истоки, дает основание предполагать древние традиции пространственного мировидения. Оно проецируемо в прикладном творчестве, и прежде всего,

в войлоковалянии. Войлоку в калмыцком искусстве отведено изначальное место, в связи с этим мы предполагаем, что он играл особую роль в формирующейся системе ремесел. Появление калмыцкой народной вышивки «зег» происходило в процессе адаптации традиций, во взаимодействии с инновациями в меняющихся условиях бытия этноса.

Актуальность настоящей статьи заключается в назревшей необходимости теоретического обобщения отечественных и зарубежных исследований, посвященных народному прикладному творчеству монголоязычных народов, их вкладу в мировую художественную культуру.

Цель исследования — осмысление феномена искусства как специфического регулятивного механизма, координирующего многоуровневую взаимосвязь человеческой деятельности с разными пластами бытия культуры. Понятая в качестве системы средств освоения и трансформации мира в его отображении художественная культура включает в себя орнамент, выступающий средоточием образной памяти и исторического опыта предков. Задачей ставится — выявить общее и особенное в традициях прикладного искусства ойратов Монголии и калмыков России, охарактеризовать орнаментальный декор на материале узорного войлоковаляния и вышивки на ткани калмыков в системе ремесленного производства.

Введение

Традиции декоративного оформления войлочных изделий монголоязычных ойратов и калмыков складывались очень давно. И именно в истории этих родственных народов, сегодня разделенных обширным расстоянием, мы видим причину локального развития их культуры. Несмотря на общие истоки ремесла, войлоковаляние номадов, тем не менее, имеет этнические особенности. Предпринятое нами сравнительно-сопоставительное исследование обозначенных традиций строится в русле современных тенденций отечественного музееведения, предполагающих детальное описание и анализ материала, в связи с чем достигается научный уровень изучения прикладного искусства. В таком ракурсе исследование войлоковаляния монгольских на-

родов, предпринимаемое впервые, позволит проследить развитие традиций художественной обработки древнейшего материала животноводческого хозяйства номадов.

Калмыцкая культура сформировалась в условиях исторически обусловленной смены горного и лесного природных ландшафтов Западной Монголии на засушливые степи Северного Прикаспия. Этот фактор во многом объясняет этническое своеобразие народного прикладного творчества, сложившегося, дополним, в многообразии этнокультурных контактов новой среды обитания. В этой системе, сохраняющей первородное начало номадических традиций, взаимообусловлено развитие видов ремесленного производства. В сравнительном изучении возможно высветить проблемные аспекты традиционного наследия, несмотря на отсутствие специальных обобщающих трудов о культуре монгольских номадов. В опоре на российские и зарубежные исследования, их теоретическое обобщение, уточняется место и роль наследия калмыков в историческом процессе социокультурного взаимодействия в степях северного Прикаспия России.

В исследованиях ремесла номадов, представленных трудами ученых России и Монголии [6; 10; 28], сравнительно небольшое место отведено художественной обработке войлока. Описательный характер изучения исключает целенаправленный сравнительный анализ этнических традиций. Попытка проследить генезис традиций, происходивший в процессе адаптации и трансформации наследия, реализуется в последовательном обращении к орнаментальному декору войлока и ткани. Здесь, предполагаем, сохраняются архетипы образного мышления предков, позволяющие выявить общее и особенное войлочных изделий ойратов и калмыков. В исследовании узорной стежки войлока выясняются взаимообусловленные связи с калмыцкой народной вышивкой, художественным явлением не только в культуре народа, но и в искусстве монголоязычного мира.

Материалы и методы

В сопоставительном ряду артефактов войлоковаляния привлекается экспозиционный и фондовый материал Музея традицион-

ной культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН (ил. 1, 2) и других музеев России. Музееведческое описание декорированных изделий из войлока и ткани основывается на применении междисциплинарной методики (истории, этнокультурологии, искусствоведения) в изучении народного прикладного творчества. Оно рассматривается в процессе трансформации

наследия в утратах и приобретениях калмыцкой культуры, сложившейся в исторических параметрах российской государственности.

Войлоковаление — основополагающее ремесло в животноводческом хозяйстве номадов. Валяная шерсть в качестве покрытия является строительным материалом в конструкции мобильного жилища. Оно определяет первоначально номадического бытия, обуславливающее развитие иных ремесел. Известна сакрализация войлока в обрядовой культуре калмыков, прослеживаемая в родовой инициации, свадебной обрядности (обряд «мөргмү», белая кибитка новобрачных, войлок в составе приданого невесты). Особо значим войлок в родинных обрядах, сопровождаемых окутыванием новорожденного, ритуалом «первых шагов» ребенка (перерезание шерстяной нити вокруг ножек на белом ширдыке), а также в похоронно-поминальных обрядах. Знаковый характер традиционного войлока предполагает бытие архаического мировидения народа, проецируемого в декоре изделий, образуемом орнаментом [4].

Орнамент является системообразующим зерном художественной формы, придающей изделию статус артефакта. Образная полнота орнаментики рождена в единении человека с окружающей природой. В ряду основных форм калмыцкого орнамента

Ил. 1. Кибиточный комплекс экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН.

Фото С.Г. Батыревой

Ил. 2. Войлочный раздел экспозиции музея. Фото С.Г. Батыревой

(геометрического, растительного и зооморфного) дифференцированы историей и культурой традиционного общества их разновидностями — астральный, культовый и алфавитный, именной, мужской (женский) и тамговый (тавровый) [5, с. 85–106]. Взаимосвязанные знаковой сутью узоры выражают явления окружающего мира в соответствии с представлениями народа о красоте и гармонии.

Древнейшим космогоническим узором на войлоке является спираль, символизирующая мировое пространство, вселенную как символ вечного движения. Астральные мотивы изображения солнца и неба в виде круга, сторон света — крестовиной «цаһрг», как правило, — геометрические. В них нашли отражение небо, звёзды и планеты, образующие семидневный недельный цикл, имеющий и третье — именованное, нарицательное значение в калмыцкой культуре. Орнаментом обозначены явления природы (облака, ветер, молния, осадки), а также сезоны года. Осенний «намрин зег» в виде облака с косыми линиями дождя, встречается на верблюжьей попоне, он исполнен в технике аппликации и вышивки. С узором «зүнһара зег» связаны стороны света и память об исторической прародине калмыков Джунгарии. Составляемые линией узоры в совокупности своей представляют систему древних космогонических воззрений, «природную» основу народного мировосприятия.

Линия узорной строчки калмыцкого войлока во взаимобратимой игре геометрических форм — квадратов «дорвлжн» и треугольников «һорвлжн» — объединяет их в композиции декора. Его могут дополнять узоры «сарни зег» (луна в начальной

фазе) (ил. 3), «солнгин зег» (радуги) или волновой орнамент «дольган зег» астрального характера, несущий параллельно тавровую (тамговую) функцию [5, с. 91–94; 12, с. 94–98]. Очевидна генетическая связь калмыцких знаков собственности и «символического письма» монгольских народов, указывающая на синтетичность информационно-изобразительной структуры орнамента. Данная символика объемлет разновидности мужского или женского, именованного узора. Знаком собственности может быть изображение человека, дополняемое зооморфными и растительными мотивами. Множественное сочетание видов и разновидностей калмыцкого орнамента образует художественный декор предметов традиционного быта народа.

Характерный геометрический узор несет декор войлочных циновки Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН [9, с. 143–151]. Центр образует квадратная (ромбовидная) форма, переходящая справа и слева в усеченные треугольные половинки. Узор в сочетании с полукружным меандром «зег» может быть развернут в усложненной

Ил. 3. Орнаментальный декор калмыцкого войлока. XX в. Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН. Фото С.Г. Батыревой

Ил. 4. Геометрический узор калмыцкого войлока. XX в. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н.Пальмова. Фото С.Г. Батыревой

композиции с центром из двух-трех квадратов, разветвляющихся треугольными фрагментами. Иногда трехъярусные столбцы полукруглого «зүнһара зег» в сочетании с узором «сарни зег» линейной стежки дополнены шести-семилинейной строчевой каймой войлочного полотна [2, с. 23–31].

Его вариации представляет узорный войлок из собрания Национального музея РК им. Н. Н. Пальмова, дублируемый слоем шерсти темного цвета (ил. 4). Полукруглая линия краев полотна, образуемая входящими один в другой слоями, подобна «пазловому» соединению, скрепленному изнутри швами. Характерно это и для экспонатов Войлочной кладовой Российского этнографического музея, собранных в 1906 г. у калмыков Донской области Сальского округа. Обшивка полосой из треугольных

лоскутков красного и черного сукна красочно дополняет образец настенного войлока из коллекции РЭМ [19, с. 11]. В иллюстративном ряду каталога выставки «Мир войлока» Российского этнографического музея приведен калмыцкий потник на двугорбого верблюда, датируемый началом XX в. [14]. Декор его составляют круги и квадраты, заполненные узорной стежкой крестообразного «цаһрг гзег», символизирующего перекрестье дымохода «харач» кибитки. Геометрический узор войлочной попоны с надхвостником и кисточкой на конце, недоуздка из собрания РЭМ образован ромбами и треугольниками, соединенными параллельными линиями строчки. Таков комплект войлочного снаряжения верблюда из «свадебного поезда» невесты, дублированный тканью и аппликацией из цветного сукна, тесьмой и черной бахромой. Орнаментальный мотив сочетает приемы стежки цветной шерстяной нитью и тканевой аппликации.

Замечательный образец стежки представляет собой войлок из экспозиции Цаган-Аманского культурного центра «Алти булг»: квадраты в сочетании с перекрестьем «цаһрг» в обрамлении треугольных форм (ил.5). Светлая шерсть полотнища является фоном строчки, сделанной коричневой нитью. Узорной композицией изделия перекликаются с войлоком ойратов Монголии, используе-

Ил. 5. Орнамент «цаһрг гзег». XX в. Музей культурного центра «Алти Булг». Фото В.Б. Басанговой.

мым в качестве полога на дверь жилища. Геометрический узор, усиленный параллельными линиями строчки, заполняет прямоугольной формы полотнище, сбитое из овечьей и верблюжьей, плотной в фактуре, шерсти. Иногда композиция включает круги, данные в движении слева направо — «по солнцу» (калм. «зэв эргэд») (ил. 6), в деталях напоминающие динамичный «круговой» рисунок войлочного ковра хуннов из Ноин-Улы (Эрмитаж) (ил. 7). Белая основа может быть дублирована «врезным» слоем темно-коричневого войлока в обрамлении витого шнура. Подобный декор украшает калмыцкий войлок из фондов Национального музея РК им. Н.Н.Пальмова, Российского этнографического музея и Астраханского музея-заповедника, Музея джангарчи Ээлян Овла (пос.

Ил. 6. Т-образный меандр, круговой и растительный орнамент ойратов Западной Монголии. Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН. Фото С.Г. Батыревой

Ики-Бухус Малодербетовского района). Схожи с ним циновки «ширдг» XIX — начала XX в., приводимые в альбоме «Хальмг улсин эрдм» Д. Сычева [31, с. 77–78].

Ил.7. Войлочный ковер (из раскопок Ноин Улы, Монголия). I тыс. до н. э. Государственный Эрмитаж. Фото С.Г. Батыревой

В целом симметричной композиции калмыцкого войлока свойственны строгий геометрический рисунок и лаконичное сочетание цветов натуральной шерсти в многообразии тональных отношений. Особенностью декора является характерный прием строчевого шва «хатхмр», проложенного линейными рядами (3, 6 или 7) вокруг центра и отличного цветом нити от войлочной основы. Единый стереотип геометрического рисунка в указанных отношениях «целого» и «частного» варьируется в композиции, не сложной лишь на первый

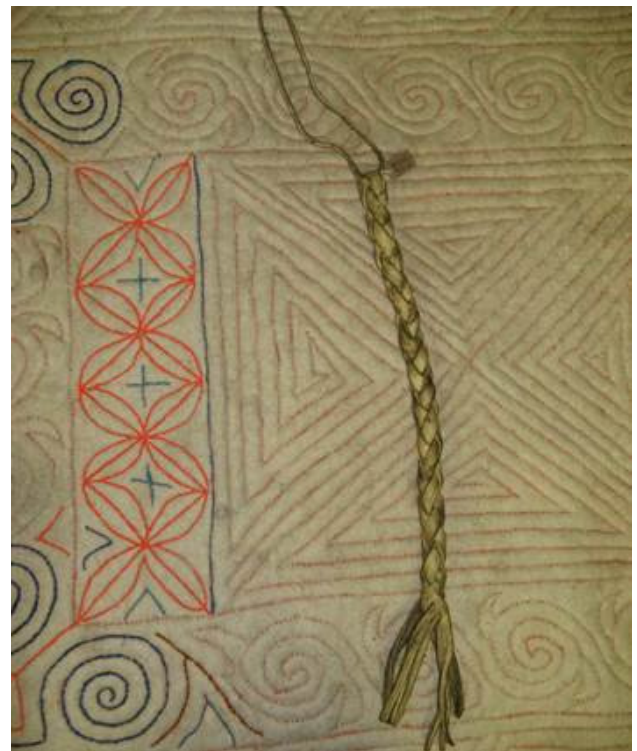
взгляд. В каждом случае мастерицей найден свой оригинальный подход в освоении и трактовке пространства во взаимообусловленной целостности элементов орнаментального декора. Философское утверждение органичной взаимосвязи явлений среды прочитывается Д. Гантулгой с позиций учения «Арга-билиг», где «арга» выступает методом (способом) и действием, обозначая мужское начало, в то время как «билиг» — это дар (мудрость) и статика, свойственные женскому началу. Их противоборствующее взаимодействие, дословно выраженное калмыцким выражением «Йирт-мжин хойр ундсн», образует органичное единство мироздания [10; 3].

Иерархия культурных смыслов трактует традиционное миропонимание этноса, определяя глубоко содержательное наполнение формы. Архаика структурирования мира гарантирует его сохранность в пространстве войлочной циновки «ширдг», воспроизводящей в графике узора ритм кочевого бытия, закодированный традицией. Образно осмысленную систему нанесения декора правомерно рассматривать моделью освоенного, то есть *окультуренного пространства бытия этноса* [6]. В геометрии декора, архаического пласта традиционного видения формы ойратов и калмыков, как мы считаем, заложены единые истоки войлочной традиции *номадов*. Таков результат структурно-функционального анализа орнаментального декора в междисциплинарной методике музееведения.

Известно, что народное творчество обусловлено хозяйственно-культурным типом общества, являющимся базой развития художественных ремесел. Декоративно-прикладное искусство калмыков сложилось в кризисных условиях «перехода» из Центральной Азии в европейскую часть России, сопровождаемого сменой природного ландшафта и условий кочевого скотоводства. Сокращение пастбищных угодий привело к вынужденному переходу калмыков на оседлость в XIX в. Это определило дальнейшую судьбу традиций в культуре народа. Сокращение объемов шерсти, натурального материала скотоводческого хозяйства, привело к замене двух- и трехслойных войлочных циновок однослойными без обрамления витым шнуром, более экономич-

ными в ремесленном производстве рубежа XIX–XX вв. Утрачивающая значимость традиция войлокования в условиях оседания калмыков на земле свернулась, «законсервирован» таким образом архаический пласт монохромного стеганого декора.

В кочевой культуре ойратов Монголии XX в. войлочный декор получает дальнейшее развитие: стеганый узор исполняется цветной нитью в композиции, сочетающей геометрический, растительный и зооморфный мотивы. Например, от стилизованного четырехлепесткового цветка отходят квадраты, сложенные из треугольников в дополнении цветочных рядов, данных крестообразным узором стежков оранжевой и синей нитями (ил. 8). Композиция окаймлена орнаментированным рядом «гулз» (спиралью рогообразного рисунка) и г-образным меандром в движении слева направо. Цветной нитью выделены центр, внутреннее угловое и внешнее оформление узорной композиции. Иногда расцветивание декора, производимое сегодня не рас-

Ил. 8. Цветочный орнамент ойратского войлока. Нач. XXI в. Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН. Фото С.Г. Батыревой

Ил. 9. Орнаментальный декор ойратского платья «терлг». XX в. Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН. Фото С.Г. Батыревой

тительными, а анилиновыми красителями, осуществляется фломастером, заменяющим трудоемкое традиционное окрашивание шерстяных нитей. Цветная стежка узора, сочетающего древний геометрический орнамент в дополнении растительных и зооморфных мотивов — особенность войлока ойратов рубежа XX–XXI вв. из фондов Музея им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН.

Узорный войлок заставляет вспомнить строчевой декор женского платья [инв. № ПР-488/1260 ОФ], поступившего в музей из местности Хобоксар, расположенной в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (ил. 9). Платье, напоминающее кроем калмыцкий «терлг», сшито из черной хлопчатобумажной, дублированной изнутри ткани. Его украшает узорная полихромная стежка нитью на груди — растительный узор в дополнении геометрической плетеной композиции, покрывающей и рукава. Декор помещается на раз-

вратах разреза и полах платья, внизу орнаментальные полосы идут по бокам, окаймляя вшивные карманы. Поясная вставка украшена решетчатым стеганым узором (калм. «терм зег»). Стойка воротника украшена сочетанием войлочных мотивов полукружного орнамента «зег» и «гулз», вышитых «по ходу и против солнца» и на подоле платья.

Строчевой декор ткани, включающий узоры ойратского войлока, можно видеть на женском платье «тэрлэг» (см. рис. 39 [25, с. 41–43.]). Торгудский костюм дополняют войлочные сапоги «тооку» с кожаной подошвой и шерстяными шнурами крепления. Очевидно сходство стеганого узора «тэрлэг» и женского платья ойратов (ПР-488/1260 ОФ) из Хобоксара (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Рельефной строчкой создан орнаментальный декор, сочетающий геометрический, растительный и рогообразный узоры. Мотив «гулз» войлочных циновок «ширдг» ойратов в украшении одежды дополнен сложными вариациями т-образного меандра и сетчатого узора (калм. «терм зег») в выразительном художественном облике женского платья.

Обобщим: орнаментальные композиции, прошитые цветной нитью, свидетельствуют о единстве традиций декора ойратов Монголии, распространяемых как на ткань, так и на войлок. Параллелью может служить стеганый узор калмыцких кисетов «түнгрцг», выявленных в результате комплексной научно-поисковой экспедиции Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН на рубеже 2000–2001 гг. по Кетченеровскому району. Декор матерчатых кисетов образован ярусными рядами четырехлепесткового узора «цецгэн зег», выполненного цветными нитями на темной ткани. Школьный музей села Эвдык бережно хранит вещи традиционного быта: деревянную чашу для мяса «тавг» старинной работы XIX в., кожаную бортху XX в. с характерным тисненым узором и эти вышитые руками мастериц кисеты. Узор в разных вариациях исполнения датируется первой половиной XX в. и считается старожилками локальной традицией селения Эвдык Кетченеровского района Калмыкии [21].

Тканый кисет «түнгрцг» (ПР-75/5/0118 ОФ) входит в ансамбль калмыцкого мужского

костюма из собрания Музея им. Зая-пандиты. Ярусные ряды перекрывающихся кругов желтого, оранжевого, зеленого и серого цветов с ростками побегов «бетк зег», выполненные машинной строчкой, выделяются на черном фоне саржи. Края изделия подобно войлочному обрамлению оформлены двухцветным витым шнуром, стягивающим разрез кисета. Сравнительно-сопоставительный ряд экспонатов позволяет выделить единую технологию стежки на войлоке и ткани в традиционном ремесле монгольских народов. В органичном синтезе приемов необходимо подчеркнуть исходные позиции войлочного декора, перенесенные на ткань в целом почти без изменений.

Стежка и аппликация войлока с последующей обшивкой шнуром характеризуют ковры номадов Ноин-Улы. Находки экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг. (Государственный Эрмитаж) датируются концом I в. до н.э.— I в. н.э. Спиралевидный орнамент выполнен путем наложения шнура, свитого из шерстяных нитей и прикрепленного к войлоку сухожильными нитями в технике «иголка вперед», нити закреплены узлами. Фрагменты валяных из верблюжьей шерсти ковров хунну, простеганных ромбами, устилали полы погребальных камер [30, с. 92–93, 129–132, 173]. Они удивительным образом схожи с калмыцкими войлочными циновками, украшенными ромбовидными узорами, составленными из треугольников, что указывает на древность орнаментального декора.

Органично сочетание подобных приемов в технике исполнения калмыцкой вышивки-аппликации «зег», выделяемой исследователями в качестве самобытного достижения художественной культуры монгольских народов [18, с. 34; 31, с. 41–42]. Вышитый декор ткани имеет определение «зег», в переводе означающее «узор, орнамент, сделанный многоцветными шелковыми нитями», наложенными в параллельной прошивке, образующей радужную полихромную узоры. Второе значение слова «зег» — складка века глаза [15, с. 245]. Многозначность термина применима в описании полукружного джунгарского орнамента (калм. «зюнһара зег»), подчеркивающим технику наложения шерстяных ни-

Ил. 10. Калмыцкая народная вышивка «зег» на женском костюме. XX в. Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалМНЦ РАН. Фото С.Г. Батыревой

тей или шнуров. Комбинированный строй вышивки включает приемы аппликации в применении нашивок галуна, позумента, ленты или канта (калм. «күсм») [15, с. 329], обшивку тканью, в том числе и парчой (калм. «чимкэр») [15, с. 584]. В исполнении декора калмычка умело применяла лицевое шитье стежком «хатхмр», выкладывая кайму орнаментальной композиции витым шнуром «утцн», как на войлоке. Декоративный эффект несет контрастное сочетание цвета и фактуры шерстяных нитей, шнура и ткани, на которой геометрический узор выслан строчевым швом нити «хатхмр» и акцентирован выкладкой по контуру шерстяным шнуром, позументом, тесьмой (ил. 10). Творчески переосмыслена и обогащена исходная войлочная традиция, у ойратов расцветившая выражение в вышивке-аппликации. Яркое цветовое звучание вышитого декора

образует меандр «зег» как первородное начало изображения на войлоке и ткани.

Стержнем полихромной композиции является черный контур геометрического орнамента, «держущий» спектральную раскладку вышивки [5, с. 74–79]. Своеобразие художественной традиции сложилось в процессе этнокультурогенеза калмыков. Тональная разработка того или иного цвета нити и шнуров достигалась в применении растительных красителей. Сбор осуществлялся начиная с цветения степи весной и заканчивая осенью, то или иное растение нужно было собирать в определенное время года [20]. Окрашивание в коричневый и красный цвет получали из лишая и корней марены, в зеленый — из полыни и листьев деревьев, в желтый — из грибов и т.д. Позднее появились красители фабричного производства в окрашивании шерсти, которые в силу дешевизны вытеснили растительные на рубеже XIX–XX вв. и далее в XXI в. [14, с. 4].

Полихромный декор круглых подголовников «дер» из калмыцкой коллекции РЭМ образует вышивка «түнткин зег», располагаемая на тканом торце войлочного изделия. Стежка в несколько рядов белой шерстяной нитью по окружности расшивалась затем золотой и серебряной нитью. В центре круглой композиции помещался четырехлепестковый цветок, оттеняемый нитями розового, темно-красного, бордового и желтого цветов. Подобным образом по золоченому круглому торцу подголовника (из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) выложен орнамент «зег» цветными шерстяными шнурами, используемыми в войлочном декоре. Искусство выделки позументов, витых шнуров, шерстяной и шёлковой тесьмы было распространённым ремеслом калмычек-рукодельниц, поставлявших товар, пользовавшийся спросом и за пределами степи.

Этническое своеобразие калмыцкой вышивки «зег» заключено в контурной выразительности меандра, акцентированной полихромной выкладкой цветными шнурами по линии строчкового рисунка. Художественное явление калмыцкой вышивки «зег» воспринимается своеобразным *возмещением и органичным продолжением традиций* узорного войлоковаления. В сравнительно-сопоставитель-

ном анализе традиции, возникшей в процессе формирования культуры калмыков, важно подчеркнуть роль орнамента, объединяющего пластическую структуру декора различных видов прикладного народного творчества.

Вышивкой «зег» определен художественный образ калмыцкого народного костюма. В его ансамбле незначительное место уделено ювелирным украшениям из металла, преобладающим в декоре костюма этнически родственных ойратов. В призме трансформации культуры видится развитие калмыцкого прикладного искусства во взаимообусловленной связи его видов, генерирующей орнаментальную традицию на ткани. Явление вышивки «зег» в адаптации к новым условиям органично возмещает позиции художественного металла, редуцируемые в декоре народного костюма и в целом ремесла.

В традициях декора зримо акцентированы материальная и художественная составляющие бытия народа. Этническая культура воспроизводится в ремесленном производстве кочевого хозяйства. Оформленное обычаями и обрядами, оно органично представляет традиционный быт калмыков XIX — начала XX в. Образное мировидение, выраженное в декоре войлока и ткани, объединяет рациональное и духовное, сконцентрированное в орнаменте «зег» и передаваемое из поколения в поколение как значимый код традиционного наследия народа.

Результаты и выводы

На музейном материале рассмотрено прикладное искусство монголоязычных ойратов и калмыков в сравнительном анализе художественной обработки войлока и ткани. Формирование локальных особенностей художественного ремесла калмыков обнаруживает и проецирует важную роль традиции. Ею определяется образное мировидение, сквозь призму которого усваивается новое в жизнедеятельности этноса, становясь со временем традицией культуры. Орнаментальный декор войлока и ткани позволяет сделать вывод о сохранении архетипа художественного мышления в орнаменте. Оно питает этническую культуру, формирующую явление вышивки-аппликации «зег» в традиционном наследии калмыков.

В результате проведенного исследования мы увидели, что:

— орнамент как матричная основа декора художественных ремесел калмыков России и ойратов Западной Монголии обуславливает трансляцию архетипов образного мышления предков, формирующего этническое своеобразие прикладного творчества;

— геометрическая стежка войлока и комбинированная калмыцкая вышивка «зег» генетически взаимосвязаны в линейном узоре «зег» и исходной основе стеганой техники исполнения, дополняемой и обогащаемой в вышивке;

— концентратом трансформированной традиции является народная вышивка «зег», художественное явление в искусстве монгольских народов;

— вышитый декор калмыцкого костюма возмещает утрачиваемые позиции художественного металла, превалирующего в эстетике народного костюма ойратов; линейная выразительность узора в декоре войлока, тка-

ни и металла взаимообусловлены в процессе развития;

— в историческом этнокультурогенезе сформировано этническое своеобразие пластического фольклора калмыков.

Процесс формирования калмыцкой культуры, органично соединившей традиционное и новационное, сопровождается утратами и приобретениями. Преобразования происходят в призме этнокультурного взаимодействия, определившего самобытную выразительность искусства, сформированного в отрыве от монгольского культурного массива. В трансформации наследия образуется новое художественное явление, сохраняющее орнаментальную основу узорного войлока. Последний выступает традиционным кодом культуры номадов, передаваемым в архетипах образного мышления. Калмыцкая народная вышивка «зег» позволяет утверждать: инновация со временем становится традицией, обеспечивая этнической культуре дальнейшее развитие в меняющихся условиях бытия традиционного общества.

Svetlana G. BATYREVA

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture), Leading Researcher,
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russian Federation,
sargerel@mail.ru

***Patterned Stitching of Fabric and Felt: On the Genesis of Ornamental Decor
(On the Material of the Exhibits of the Zaya-Pandita Museum of Traditional Culture
of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)***

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the ornamental decor of felt and fabric of the Oirats of Western Mongolia and the Kalmyks of Russia based on the exhibits of the Zaya-Pandita Museum of Traditional Culture of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences with the involvement of collections of other museums in Russia. The interdisciplinary study of artistic traditions uses the methods of history, ethnology and art studies used in museology. The author reveals the significance of felt in the culture of nomadic peoples and describes the ornaments used to symbolically designate world space, natural phenomena, and seasons. An analogy is traced between the Kalmyk signs of property and the “symbolic writing” of the Mongolian peoples. The patterns decorating the objects of traditional life of the Kalmyk people are considered: felt mats, panels, blankets. At the same time, typical techniques of ornamental decoration of these products, the most common forms of patterns are identified and described, color and compositional solutions are characterized, and ornaments are connected with the traditional worldview of nomads. The loss of significance of the tradition of felting among the Kalmyks at the turn of the 20th century is noted. Further development of this industry among the Oirats of Mongolia is considered up to the beginning of the 21st century.

The examples of the decor of women's clothing items from Hoboksar (Xinjiang Uygur Autonomous Region, PRC) revealed the unity of the ornamental tradition of the Oirats, which applies not only to felt, but also to fabric. The corresponding parallel is drawn with respect to the Kalmyk cloth pouches. The general motifs of the ornamental design of the carpets of the Noin-Ula nomads (end of the 1st century BC – 1st century AD) and Kalmyk felt mats are revealed. The Kalmyk technique of application "zeg" is considered and described, its significance is established as the formative basis of the folk arts and crafts of Kalmykia. It is established that the geometric quilted pattern of felt of the Oirats and the Kalmyks is a concentrate of the nomadic artistic tradition. Kalmyk embroidery and patterned felt in the initial basis of stitches are genetically interconnected by the geometric pattern "zeg", which is a transformation of the quilted pattern of felt. The embroidered decor of the Kalmyk costume compensates for the lost position of the artistic metal that prevails in the aesthetics of the Oirat folk costume. Patterned felt, the original material of Kalmyk life, and its ornamental decor preserve the traditional cultural code, transmitted as the artistic heritage of the nomads.

Keywords: Kalmyks, cultural heritage, arts and crafts, tradition, felt, embroidery, ornamental decor, ethnocultural genesis, museum, exhibit.

Использованная литература:

1. Батсайхан Ц. О., Бесчастнов Н. П. Монгольские ковры: история, теория и методы проектирования. М.: Моск. гос. ун-т дизайна и технологии, 2016.
2. Батырева С. Г., Батырева К. П., Манхадыхова Е. Н. Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты: Путеводитель. Элиста: Калм. ин-т гуманит. исследований Рос. акад. наук, 2016.
3. Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков // Монголоведение. 2018. № 2. С. 134–145.
4. Батырева С. Г. Меандр «зег» в декоре войлока как отображение мировидения калмыков и ойратов Монголии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 210–221. DOI: 10.17223/22220836/36/20.
5. Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX в. Элиста: АПП «Джангар», 2006.
6. Батырева С. Г. Орнаментальный декор войлока в пространстве этнического мировидения (по материалам музейных коллекций Калмыкии) // Oriental Studies. 2018a. № 6. С. 23–29. DOI 10.22162/2619-0990-2018-40-6-23-29.
7. Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство. Альбом. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во. 1991.
8. Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVIII – начала XX в. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005.
9. Батырева С. Г. Узорный войлок: по материалам музейных коллекций Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. История. 2018в. № 1. С. 143–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-1-5-143-151
10. Гантулга Д. Художественная выразительность в орнаменте войлочных ковров // Искусство Евразии. 2017. № 3. С. 16–19. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.002
11. Гантулга Д. Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения «Арга-билиг»

References:

1. Batsaykhan, Ts.O. & Beschastnov, N.P. (2016) *Mongol'skie kovry: istoriya, teoriya i metody proektirovaniya* [Mongolian Carpets: History, Theory, and Design Methods]. Moscow: Moscow State University of Design and Technology.
2. Batyreva, S.G., Batyreva, K.P. & Mankhadykova, E.N. (2016) *Muzey kalmytskoy traditsionnoy kul'tury imeni Zaya-pandity: Putevoditel'* [Zaya-Pandita Museum of Kalmyk Traditional Culture: A Guide]. Elista: Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
3. Batyreva, S.G. (2018a) *Voylok v obryadovoy kul'ture kalmykov* [Felt in the ritual culture of the Kalmyks]. *Mongolovedenie – Mongolian Studies*. 2. pp. 134–145. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145
4. Batyreva, S.G. (2019) Meander "Zeg" in the Decor of Felt as a Reflection of the World View of Kalmyks and Oirats of Mongolia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 36. pp. 210–221. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/36/20
5. Batyreva, S.G. (2006) *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX-nachala XX vv.* [Folk Arts and Crafts of Kalmyks of the 19th – Early 20th Centuries]. Elista: APP "Dzhangar".
6. Batyreva, S.G. (2018b) Felt Ornamental Patterns within of the Ethnic Worldview (A Case Study of Kalmykia's Museum Collections). *Oriental Studies*. 6. pp. 23–29. (In Russian). DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-23-29
7. Batyreva, S.G. (1991) *Starokalmytskoe iskusstvo. Al'bom* [Old Kalmyk Art. An Album]. Elista: Kalmytskoe kn. izd-vo.
8. Batyreva, S.G. (2005) *Starokalmytskoe iskusstvo XVIII — nachala XX v. Opyt istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* [The Old Kalmyk Art of the 18th – Early 20th Centuries Experience of Historical and Cultural Reconstruction]. Moscow: Nauka.
9. Batyreva, S.G. (2018c) *Uzornyy voylok po materialam muzeynykh kollektsey Kalmykii* [Patterned Felt Based on Materials From Museum Collections of Kalmykia].

// Мир науки, культуры и образования. 2011. № 4 (29). С. 375–376.

12. Гедеева Д. Б. Изобразительные мотивы тамг в орнаментальной культуре калмыков // Пальмовский вестник: сб. статей: в 2-х ч. Вып. 4-1. Элиста: Нац. музей Респ. Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, 2019. С.94–98.

13. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (Этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893.

14. Калашникова Н. Мир войлока. Предметы одежды и убранства интерьера из собрания Российского этнографического музея. СПб: Деловая полиграфия, 2009.

15. Калмыцко-русский словарь. Хальмг-орс толь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.

16. Ковалев И. Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Калмыцкое кн. изд., 1970.

17. Коренько В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература, 2002.

18. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX в. / Отв. ред. С. В. Иванов. М.: Наука, 1979.

19. Миллер А. А. Материалы по калмыцкой этнографии. Рукопись, зарисовки, фотографии (1906–1907) // Собрание рукописей Государственного музея этнографии народов СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403.

20. Полевые материалы автора. 1995–1996 – Рукопись. Записи мастера-прикладника Г. С. Васькина (1926–2005), Элиста.

21. Полевые материалы автора. 2000–2001 – Комплексная научно-поисковая экспедиция Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (по районам республики).

22. Пюрвеев Д. Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975.

23. Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: Калмыцкий науч. центр Рос. акад. наук, 2016.

24. Трошин И. И. Изобразительное искусство Советской Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1965.

25. Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс [Памятники материальной культуры западных монголов]. Улаанбаатар: Монсудар, 2000.

26. Баасанхүү А. Монгол Алтайн бүс нутгийн ард түмний эдийн соёл [Материальная культура народа Монгольского Алтая]. Улаанбаатар: б. и., 2006.

27. Баатархүү Б., Одсүрэн Д. Монгол гэр тайлбар толь [Монгольская юрта. Толковый словарь]. Улаанбаатар: Адмон Принт, 2015.

28. Батчулуун Л. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг [Монгольское войлочное искусство]. Улаанбаатар: Ин-терпресс, 1999.

29. Баярмаа Ч. Монгол ардын хээ угалз: Өлзий хээ угалз [Монгольские народные узоры: символические орнаменты благополучия]. Улаанбаатар: б. и., 2010.

30. Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловых шинжилгээний анги 1924–1926 [Сокровища курганов Ноин-уулы из коллекции Эрмитажа. Находки экспедиции П. К. Козлова 1924–1926 гг.] / Еронхий редактор [Главный редактор] С. Чулуун. Улаан-

Byulleten' Kalmytского nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoriya. 1. pp. 143–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-1-5-143-151

10. Gantulga, D. (2017) Artistic Expressiveness in Ornaments of Felt Carpets. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia.* 3. pp. 16–19. (In Russian). DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.03.002

11. Gantulga, D. (2011) Color, Figure and Image Symbolic of Mongols in the Context of the Doctrine Arga Bilig. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya – World of Science, Culture and Education.* 4 (29). pp. 375–376. (In Russian).

12. Gedeeva, D.B. (2019) Izobrazitel'nye motivy tamg v ornamental'noy kul'ture kalmykov [Pictorial Motifs of Tamgas in Kalmyk Ornamental Culture]. *Pal'movskiy vestnik.* 4–1. pp. 94–98.

13. Zhitetskiy, I.A. (1893) *Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov (Etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg.)* [Essays on the Life of Astrakhan Kalmyks (Ethnographic Observations of 1884–1886)]. Moscow: Tip. M. G. Volchaninova.

14. Kalashnikova, N. (2009) *Mir voyloka. Predmety odezhdy i ubranstva inter'era iz sobraniya Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [The World of Felt. Items of Clothing and Interior Decoration From the Collection of the Russian Museum of Ethnography]. St. Petersburg: Delovaya poligrafia.

15. Muniev, B.D. (ed.) (1977) *Kalmytsko-russkiy slovar' Khal'mg-ors tol'* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

16. Kovalev, I.G. (1970) *Kalmytskiy narodnyy ornament* [Kalmyk Folk Ornament]. Elista: Kalmytskoe kn. izd.

17. Korenyako, V.A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [The Art of the Peoples of Central Asia and Animal Style]. Moscow: Vostochnaya literatura.

18. Kocheshkov, N.V. (1979) *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX vv.* [Decorative Art of the Mongol-Speaking Peoples of the 19th – Mid-20th Centuries]. Moscow: Nauka.

19. Manuscript Collection of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR. Fund 1. List 2. File 403. Miller, A.A. (1906–1907) *Materialy po kalmytskoy etnografii. Rukopis', zarisovki, fotografii* [Materials on Kalmyk Ethnography. Manuscript, Sketches, Photographs].

20. Batyreva, S.G. (1995–1996) *Zapisi mastera-prikladnika G. S. Vas'kina (1926–2005)* [Notes of the Craftsman G.S. Vaskin (1926–2005)]. Field Materials. A Manuscript. Elista.

21. Batyreva, S.G. (2000–2001) *Kompleksnaya nauchno-poiskovaya ekspeditsiya Kalmytского instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk (po rayonam respubliki)* [Integrated Research Expedition of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. (In the Districts of the Republic)]. Field Materials.

22. Pyurveev, D.B. (1975) *Arkhitektura Kalmykii* [Architecture of Kalmykia]. Moscow: Stroyizdat.

23. Bakaeva, E.P. et al. (2016) *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [A Cross-Border Culture: Essays on a Comparative Study of the Traditions of the Western Mongols and the Kalmyks]. Elista: Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy

баатор: Шинжлэх Ухааны Академийн Туух, Археологийн хурээлэн [Институт истории и археологии Монгольской Академии наук], 2017.

31. Сычев Д. В. Хальмг улсин эрдм [Калмыцкое народное искусство]: Альбом. Элиста: Мин. культуры Калмыцкой АССР, 1970.

32. Цултэм Н. Монголын уран зургийн хөгжирсэн тойм [Происхождение монгольского искусства]. Улаанбаатар: УХГ, 1988.

33. Эрдэнэцэцэг Ш. Баядын хуримлах ёсон [Свадебные традиции байтов]. Улаанбаатар: Бемби сан, 2005.

34. Batsukh B.. Mongolian national ornament. Beijing: no publ., 2008.

35. Erdenetsetseg B. Mongolian traditional methods of felt making. 3rd edition. Ulaanbaatar: no publ., 2014.

of Sciences.

24. Troshin, I.I. (1965) *Izobrazitel'noe iskusstvo Sovetskoy Kalmykii* [Fine Art of Soviet Kalmykia]. Elista: Kalmizdat.

25. Amgalan, M. (2000) *Baruun Mongolchuudyn ediyin soelyn dursgalt zyyls* [Monuments of the Material Culture of the Western Mongols]. Ulaanbaatar: Monsudar.

26. Baasankhyy, A. (2006) *Mongol Altayn bys nutgiyn ard tymniy ediyin soel* [Material Culture of the People of the Mongolian Altai]. Ulaanbaatar: [s.n.].

27. Baatarkhyy, B. & Odsyren, D. (2015) *Mongol ger taylbar tol'* [Mongolian Yurt. An Explanatory Dictionary]. Ulaanbaatar: Admon Print.

28. Batchuluun, L. (1999) *Mongol esgiy shirmeliyn urlag* [Mongolian Felt Art]. Ulaanbaatar: Interpress.

29. Bayarmaa, Ch. (2010) *Mongol ardyn khee ugalz: Өлзий кhee ugalz* [Mongolian Folk Patterns: Symbolic Ornaments of Prosperity]. Ulaanbaatar: [s.n.].

30. Elikhina, Yu.I. (2017) *Ermitazh dakh' Noenuulyn erdenes. P. K. Kozlovyn shinzhilgeenyi анги 1924–1926* [Treasures of the Noin-Uula Barrows From the Hermitage Collection. Finds of the Expedition of P.K. Kozlov, 1924–1926]. Ulaanbaatar: Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences.

31. Sychev, D.V. (1970) *Khal'mg ulsin erdm* [Kalmyk Folk Art]. An Album. Elista: Ministry of Culture of the Kalmyk ASSR.

32. Tsultem, N. (1988) *Mongolyn uran zurgiyin khogzhirsен toym* [The Origin of Mongolian Art]. Ulaanbaatar: UKhG.

33. Erdenetsetseg, Sh. (2005) *Bayadyн khurimlakh eson* [Bait Wedding Traditions]. Ulaanbaatar: Bembi san.

34. Batsukh, B. (2008) *Mongolian National Ornament*. Beijing: [s.n.].

35. Erdenetsetseg, B. (2014) *Mongolian Traditional Methods of Felt Making*. 3rd edition. Ulaanbaatar: [s.n.].

Полная библиографическая ссылка на статью:

Батырева, С. Г. Узорная стежка ткани и войлока: к вопросу генезиса орнаментального декора (на материале экспонатов Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН) / С. Г. Батырева // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 147–161. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.013

Full bibliographic reference to the article:

Batyreva, S. G. (2020) Patterned Stitching of Fabric and Felt: On the Genesis of Ornamental Decor (On the Material of the Exhibits of the Zaya-Pandita Museum of Traditional Culture of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 147–161. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.013

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

SCIENTIFIC LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA

КОЛЕСНИКОВА Светлана Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин и спорта
подготовительного факультета для иностранных граждан
Кубанского государственного технологического университета
Краснодар, Российская Федерация
Svetlana A. KOLESNIKOVA
Cand. Sci., (Russian Literature), Assoc. Prof.,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian Federation,
ck16@mail.ru

УДК 021.4+[792.09:821.161.1](470.620)
ГРНТИ 13.11.25
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.014

**Александр Грибоедов:
вечный диспут
о человеческом достоинстве**

**Alexander Griboedov:
The Eternal Debate
on Human Dignity**

Статья посвящена формам и способам осмысления идей А. С. Грибоедова, заложенных в его пьесе «Горе от ума», на разных этапах истории российской культуры. Автором использован метод ретроспекции, материалами послужили публикации в региональной советской печати второй половины XX в., а также авторские описания библиотечной выставки и ее экспонатов. Отправной пункт исследования – выставка редких изданий из фонда Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, организованная к 225-летию Грибоедова. Затем автор обращается к театральным интерпретациям великой комедии в первой половине XX в. Введен в научный оборот и проанализирован материал о постановке пьесы на сцене Краснодарского драматического театра имени М. Горького (1937). Образы главных героев были изображены в духе очевидной политической наглядности и классового противостояния. Провинциальный театр стремился приспособить традиции и метод русского критического реализма XIX в. к ситуации 1930-х гг.

Ключевые слова: Александр Грибоедов, комедия «Горе от ума», история постановок, текстология, книжная выставка, редкие издания, русский театр, Краснодарский драматический театр имени М. Горького.

К 225-летию Александра Сергеевича Грибоедова в Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина прошла скромная, но с пафосным названием, выставка — «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской». Она обращает на себя внимание в связи с рядом обстоятельств. Высокое посвящение поэту, мыслителю, дипломату, музыканту, гражданину, общественному деятелю, наконец, герою, погибшему за Россию, рождает высокий штиль, и он нас не должен смущать. В отношении Грибоедова все слова выверены и адекватно отражают образ бесстрашного героя. Если же говорить о собственно содержании юбилейной акции, а не о формулировке, то интересна она в двух аспектах: убедительная документальная составляющая и рождение на ее основе сегод-

няшних, по-прежнему острых, размышлений о феномене поэта — автора комедии «Горе от ума». Комедия озаглавлена словом вовсе не комическим, здесь изначальный когнитивный диссонанс, будоражащий почти два века воображение исследователей и театрального сообщества. Концепт «ум» сразу поставлен в контекст горестных авторских раздумий. В самом этом факте необъяснимая и манящая тайна, и мы периодически к ней подступаем, а в дни юбилея тем более. И в свете великой литературно-исторической загадки нам не кажутся малыми два библиотечных стенда с редкими факсимильными изданиями Грибоедова. Важен смысловой резонанс, который они порождают.

Центром экспозиции стала факсимильная копия первого издания «Горя от ума» (1833 г.), вышедшего в типографии Августа Семена в Москве, при Императорской медико-хирургической Академии (Фото 1). Это издание не с оригинала, а с театрального списка, искажённого цензурой. Николай I дозволил только такой вариант. Но и это прорыв — от этих строк «пошла есть» великая судьба текста, и её ход уже было не остановить.

Следующий раритет — факсимильное воспроизведение «Горя от ума» с иллюстрациями Д. Н. Кардовского, знаменитой книги, вышедшей в 1913 г. в акционерном обществе «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» (Фото 2). Художник работал над цветными и черно-белыми рисунками в 1907–1912 гг. и, как

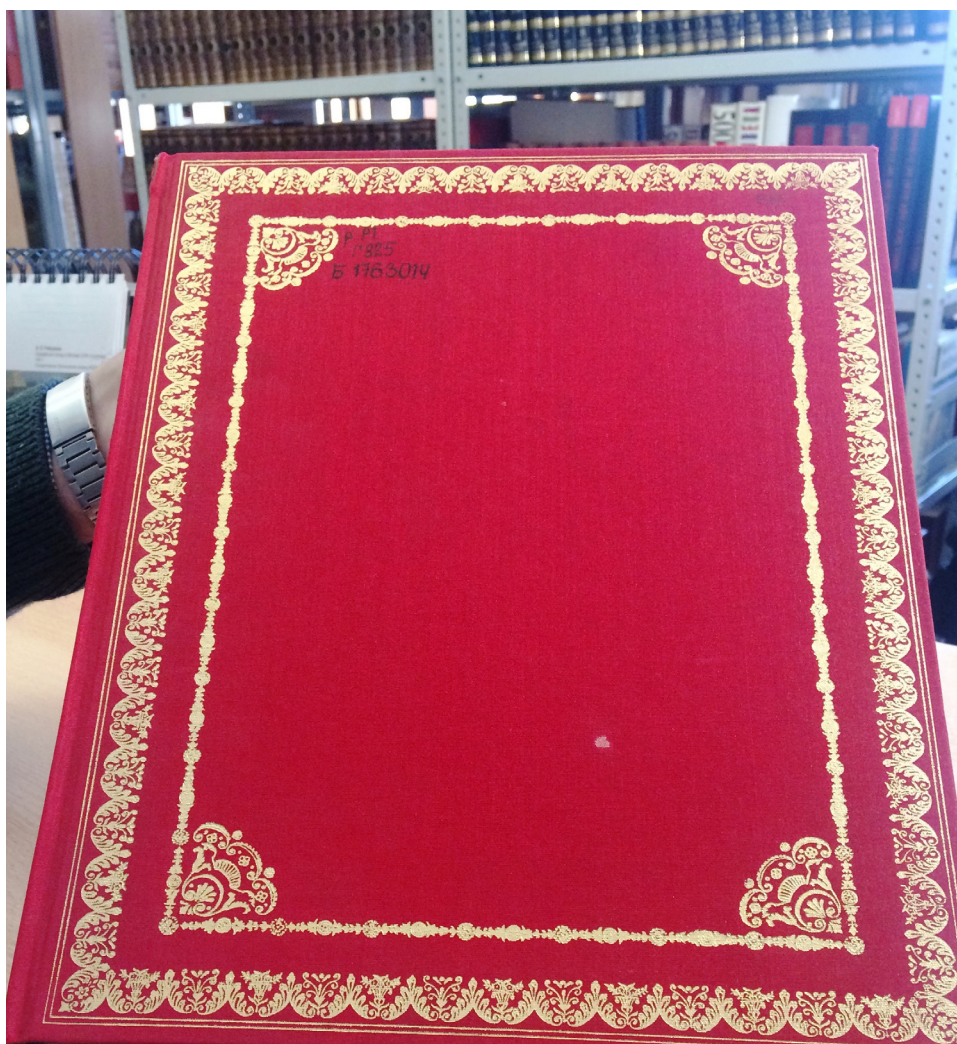

Фото 1. Обложка издания «Горя от ума» с иллюстрациями Д. Н. Кардовского (фото автора)

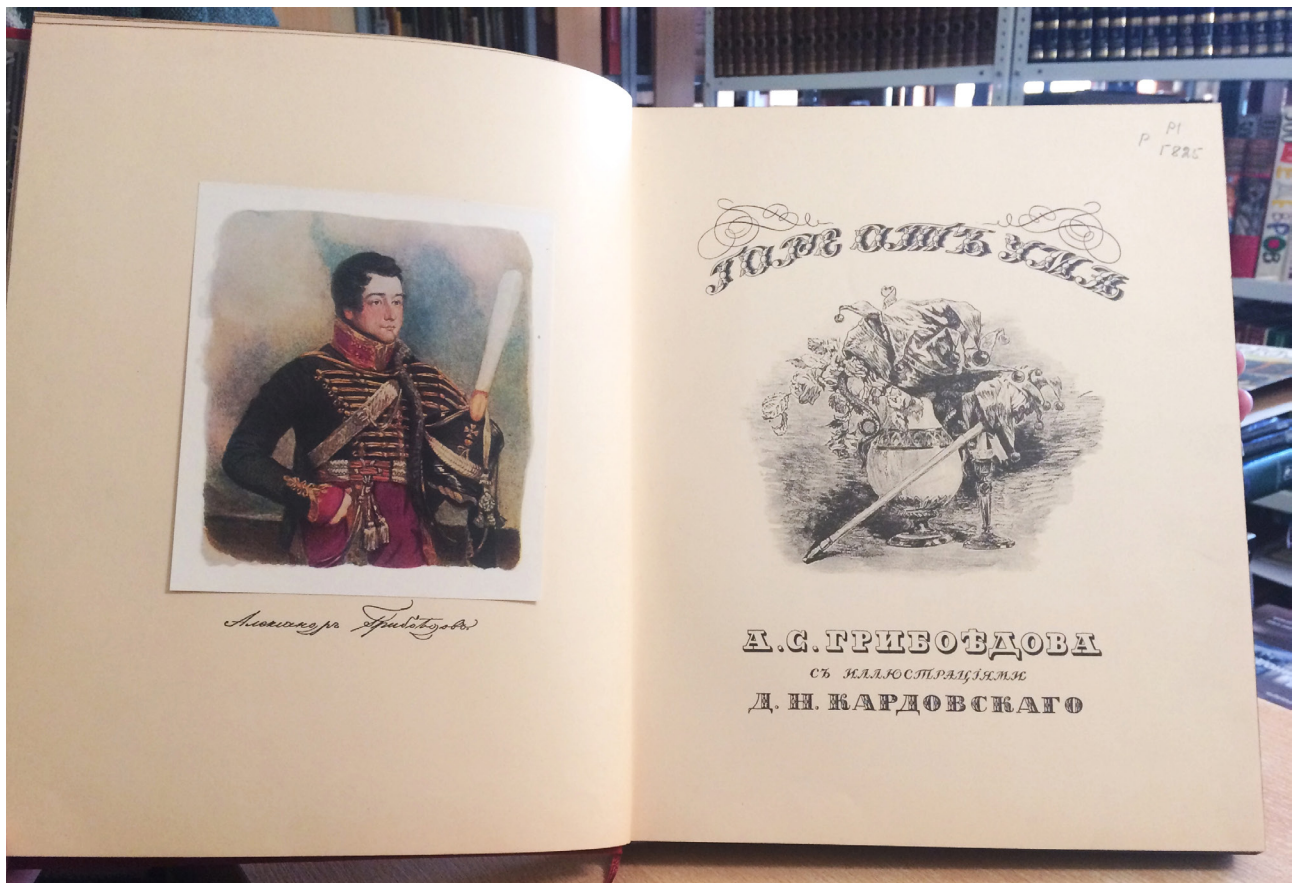

Фото 2. Факсимильное воспроизведение «Горя от ума» с иллюстрациями Д. Н. Кардовского (фото автора)

считается, акцентировал социально-психологические стороны пьесы, ее узловые нравственные моменты. На фронтисписе книги можно увидеть портрет молодого Грибоедова в мундире Иркутского гусарского полка, он служил в нем в 1812–1815 гг., за 10 лет до написания комедии, в возрасте своего героя Чацкого. В этом же издании воспроизводится афиша первого представления комедии и 9 листов факсимильной авторской рукописи комедии и ее списков.

К редким грибоедовским книгам также относятся два издания «Полного собрания сочинений» А. С. Грибоедова — под ред. И. А. Шляпкина (СПб, 1889) и под ред. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина (СПб, 1911–1917). Подборка книг, изданных уже в XX в., говорит о том, что «Горе от ума» практически никогда не уходило из читательского обихода и из сферы издательских приоритетов. Комедия прирастает комментариями, отражающими ход научного познания текста

с разных сторон и с разными целями. Представлены публикация самой комедии (1900); работы А. Д. Алферова «Грибоедов и его пьеса» и «Грибоедов» (обе — 1910); разборы комедии для учащихся, выполненные С. Бураковским (СПб., 1901) и Г. А. Кориком (Одесса, 1916); известный труд М. О. Гершензона «Грибоедовская Москва» (1914 и 3-е изд. 1928); том мемуаров «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» (1929); также работы Н. Г. Прилуко-Прилуцкого «Грибоедов: жизнь и творчество» (СПб, 1911), И. К. Ениколопова «А. С. Грибоедов в Грузии и Персии» (Тифлис, 1929), Л. Д. Киреева «А. С. Грибоедов: жизнь и литературная деятельность» (Москва; Ленинград, 1929); учебники, в которые был впервые введен очерк о Грибоедове (наравне с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Кольцовым): «Курс новой русской литературы в органически-конструктивном виде» (Вильна, 1913) и др. В общей сложности свыше 20 изданий.

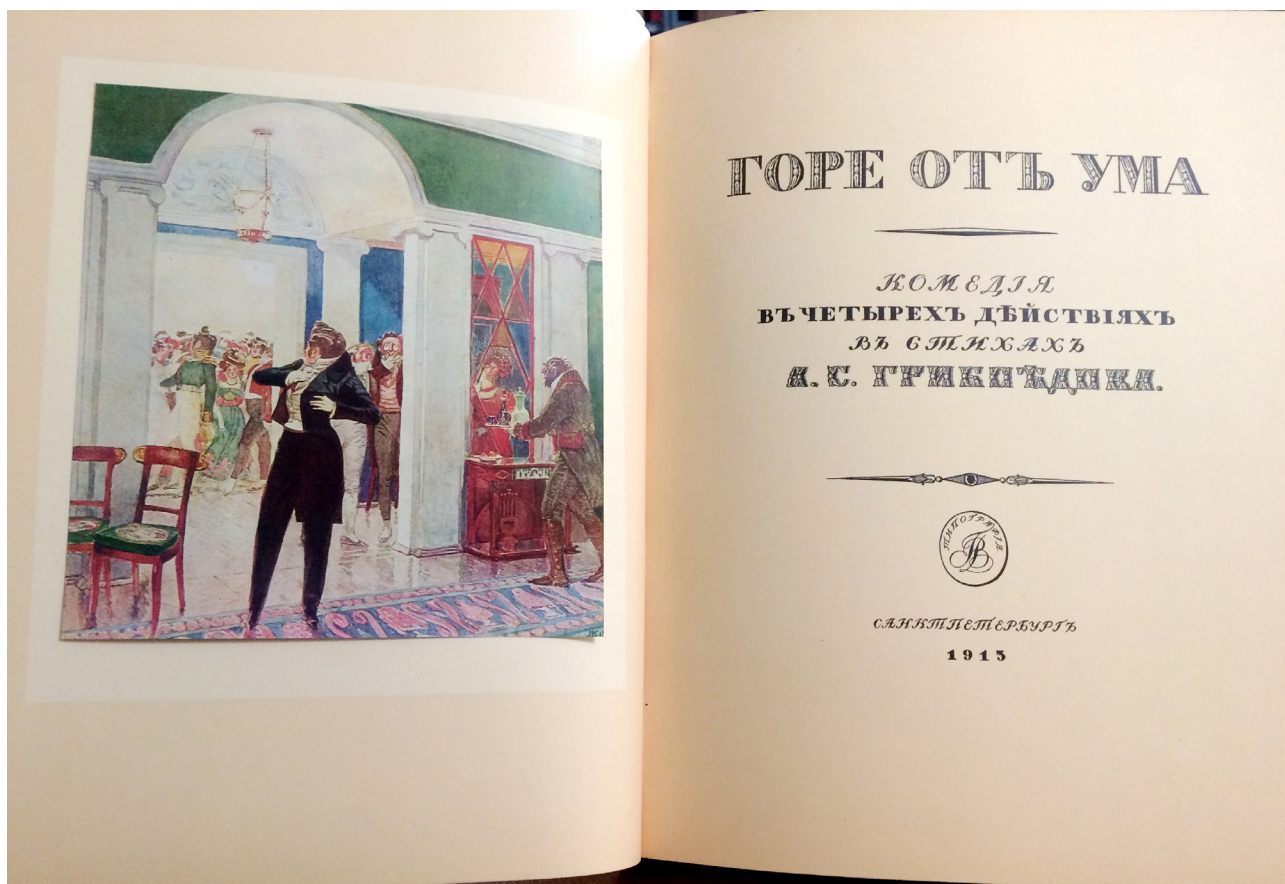

Фото 3. Комедия в четырех действиях в стихах «Горе от ума», 1913 г., Санкт-Петербург (фото автора)

Оценим работу создателя экспозиции зав. отделом редкой книги А. В. Веховой и заодно поймем, чем ныне располагает Пушкинская библиотека, фонды которой сильно пострадали в исторических катаклизмах, во время чистки архивов и библиотечных фондов в конце 1930-х гг. и затем в период оккупации Краснодара (август 1942 — февраль 1943). Перед нами, по сути, то, что удалось сохранить и что может продолжить работать на науку и практику (Фото 3).

Почему это так важно именно по отношению к Грибоедову? Дело в том, что текстологические проблемы в данном случае обусловлены не только такими факторами, как цензурные запреты и наличие разных редакций комедии. К каноническому виду пьесы автор пришел не сразу: мы знаем о пометках, заменах, уточнениях, сокращениях. Текст печатался с искажениями, изъятиями, долго ходил в списках, а театры играли свою версию, которая им в тот момент была доступна.

Окончательный, дефинитивный вариант пьесы был необходим, требовалось обобщение идейно-художественного замысла.

В начале XX в. появилась целая самостоятельная глава в грибоедоведении о разных редакциях «Горя от ума». Все это требовало решения вопроса о каноническом тексте. В 1903 г. был издан так называемый «Музейный автограф», в 1912-м — «Жандровский список» (Фото 4); в 1913-м — Н. К. Пиксанов предложил уже серьезное обоснование текста.

В дальнейшем вмешательства в текст были скорее частными и не могли повлиять на установившийся канон [6, с. 124], хотя в 1970-х в научных кругах вновь вспыхнула дискуссия о подлинности текста Грибоедова, спровоцированная высказанным в посмертном издании книги Н. К. Пиксанова «Творческая история «Горя от ума»». (1971) мнением этого знатока комедии о том, что «у нас нет настоящего полного текста комедии». [5, с. 331] Обзор этой дискуссии дан А. А. Лебедевым [4, с. 22–24].

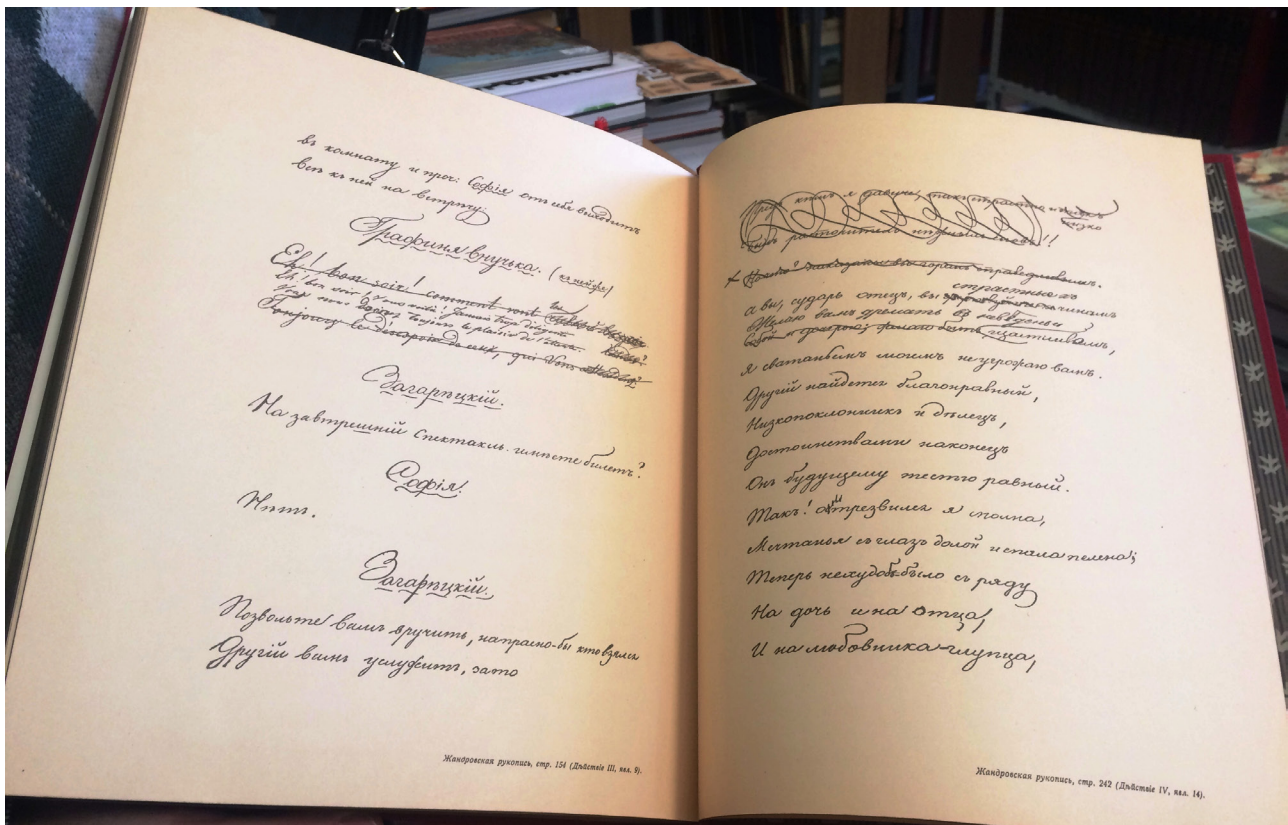

Фото 4. Жандровская рукопись (фото автора)

Открывая сегодня хрестоматийный текст, мало кто из читателей и театральных деятелей задумается над тем, сколько десятилетий кропотливого труда потребовалось ученым — литературоведам, текстологам, библиотекарям, чтобы получить окончательный выверенный вариант комедии «Горе от ума».

Характерно, что проблему подлинности текста наравне с учеными осознавали и академические театры. Так, постановка Малого театра 1938 г.¹ стала важнейшей для филологической науки XX в. и отечественного театра, совершив немало идейно-художественных открытий. После постановки Малого театра можно было сказать, что литературный канон обретен одновременно наукой и драматической сценой. Пьеса теперь равнялась на научную мысль и с ней считалась.

Мы специально останавливаемся на этом моменте. Он подсказан именно выставкой «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской» — емко представившей историю ос-

воения «Горя от ума» как феномена русского художественного сознания. И это подводит нас к следующему, собственно театральному, аспекту грибоедовской комедии: российский театр XX столетия (будь то столичные, или провинциальные труппы разного уровня мастерства) в стремлении освоить пьесу оказался сплочен тем, что был един в своем понимании сценической эстетики пьесы и ее идейных устремлений. Иногда это единство тяготело к политической догматике, но все же оно присутствовало.

Из общего фона выбивается только радикальный спектакль Вс. Мейерхольда (1928, 2-я ред. 1935). В остальном же театры демонстрировали практически полное эстетическое и идеологическое совпадение. Периферийные театры шли за тенденциями и за лидерами театрального процесса. Очень часто в постановке делался акцент на какую-то одну из сторон: социально-критическую, лирическую, водевильную, в редких случаях — на условную, мейерхольдовскую.

До середины 1930-х гг. вполне репертуарная пьеса «Горе от ума» шла повсемест-

¹ Премьера состоялась 17 ноября 1938 г.; реж. П. М. Садовский, И. Я. Судаков и С. П. Алексеев, худ. Е. Е. Лансере.

но, ставилась даже в театре ГУЛАГа, в Медвежьегорске. [3, с. 274]. И даже позже ее можно было увидеть на сценах разных городов страны. Об этом говорят материалы библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации. В 1937 г. пьеса шла в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Челябинске, Ульяновске, Сталинграде, Горьком, Владивостоке, Петропавловске; в 1938-м — в Одессе, Рязани, Вологде, Новосибирске, Курске, Архангельске, в 1939–1940 гг. — в Смоленске и Свердловске. Однако далее пошел спад. Такая вспышка интереса не могла быть просто случайностью. Все это было спровоцировано «идеологической рассылкой», не привязанной к биографии Грибоедова: никаких круглых дат в то время у него не было. Постановка Малого театра была приурочена к 150-летию Михаила Семеновича Щепкина; некоторые провинциальные театры (г. Энгельса и др.) продублировали это посвящение на своих афишах.

Конечно, 1937-й — год двадцатилетия Октябрьской революции. В тот год был образован журнал «Театр», открывались новые театры, а целый ряд уже существовавших был окончательно стационарирован, обрел постоянные здания (в том числе, Краснодарский театр музыкальной комедии). Щедро награждались видные деятели музыкального и театрального искусства. В этом же году провокационное название постановки «Горе уму» Мейерхольд заменил на каноническое «Горе от ума».

Причину столь активного обращения к пьесе можно связать и со статьей «Привить школьникам любовь к классической литературе» в газете «Правда» от 8 августа 1936 г. С одной стороны, здесь справедливо ратовали за увеличение количества часов на изучение литературы в школе, с другой — давали бой вульгарному социологизму в литературоведении. Под критический удар попал известный грибоедовед Н. К. Пиксанов, который как раз не отличался вульгаризаторством. Его фраза о том, что «Горе от ума» — «самая барственная из пьес русского репертуара», была вырвана из контекста. Хотя в этой газетной статье не было прямых упоминаний о репертуаре театров, великая директивная сила партийной печати, несомненно, способствовала массовому театральному признанию актуальности пьесы

Грибоедова. Отметим только, что в отдельных театрах на местах комедия игралась и раньше, без каких-то указаний сверху. Были и режиссеры, ставившие «Горе от ума» на разных театральных площадках: К. Ф. Степанов-Колосов — в Краснодаре, Ярославле, Костроме; В. Энгель-Крон — в Воронеже, Сталинграде.

Рассмотрим постановку «Горя от ума», осуществленную Краснодарским драматическим театром им. М. Горького в 1937 г.¹

В Краснодаре выпустили буклет, где декларировалась программа постановщика. Режиссер К. Ф. Степанов-Колосов писал: «Театр ставит своей задачей возможность ярче раскрыть законспирированную мысль автора, которую он в силу цензурных условий того времени должен был подавать намеками. Наша цель подробнее восстановить политическую сущность пьесы и приблизить ее к современному зрителю» [2, с. 3–4].

Взяв ряд расхожих тезисов, театр откомментировал их в свете генеральной задачи вскрыть политическую сущность событий и конфликтов. Так, например, сентенции «Москва гордилась своим хлебосольством» сопутствовал тезис «беззаботная пустая жизнь располагает к еде». Основу — традиции и метод критического реализма, какими они пришли из XIX в., — режиссеры приспособляли к ситуации 1930-х гг. В духе очевидной политической наглядности и классового противостояния были решены образы главных героев. На бытовом уровне композитор Ф. Ф. Багрецов и художник О. Н. Бузоверов выстраивали картину нравов чиновничьего мира в соответствии с принятой концепцией. Появившийся в печати единственный отклик на постановку не был комплиментарным. Рецензент писал об отсутствии ансамбля и единой режиссерской идеи, вменял создателям и исполнителям в вину искажение жизненной правды характеров. «Комбинаторские приемы режиссуры не совместимы с задачей подлинного искусства. К сожалению, эти порочные, гнилостные методы еще дают себя чувствовать на сцене» [7]. Что значат эти определения, не трудно догадаться. Скорее всего, имелось в виду ак-

¹ Премьера состоялась 24 мая 1937 г.; реж. К. Ф. Степанов-Колосов, худ. О. Н. Бузоверов, композитор. Ф. Ф. Багрецов.

тивное режиссерское присутствие, приемы, которые считались в то время формалистическими. Вместе с тем автор рецензии говорил, что спектакль смотрится с интересом.

«Горе от ума» — пьеса с особой судьбой: по сопровождавшим ее постановки дискуссиям и конфликтам можно проследить и цепь исторических превращений пьесы на десятилетия театральных сцен, и самую эволюцию нашего критического сознания, и научное освоение темы, сопровождавшейся содержательными диспутами. Автор «Горя от ума» также личность с особой судьбой, которая продолжает открываться постепенно, со все более захватывающим драматизмом. Всплывают подробности из дипломатических архивов,

становится ясней картина гибели Грибоедова, его родословная, его мир. Совсем недавно появился содержательный сборник, созданный в том числе на основе новых архивных разысканий: «Александр Грибоедов. Неизвестные страницы великой судьбы. 225-летию со дня рождения великого поэта посвящается...» [1].

Словом, движение литературного произведения в театральном процессе не завершено. В следующем сезоне Краснодарский театр драмы обещает представить зрителям новую версию «Горя от ума». Надеемся, она заслужит внимания... Круг мыслей, порожденных юбилейной книжной выставкой, уводит нас в размышления о духовном наследии, оживляет глосса истории и национальной культуры.

Svetlana A. KOLESNIKOVA

Cand. Sci., (Russian Literature), Assoc. Prof., Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russian Federation,
ck16@mail.ru

Alexander Griboedov: The Eternal Debate on Human Dignity

Abstract. The article is devoted to the forms and ways of understanding the ideas of Alexander Griboedov (1795–1829), embedded in his play *Woe from Wit*, at different stages of the history of Russian culture. The aim of the study was to trace the evolution of the critical consciousness, the scientific and artistic development of issues related to Griboedov's work by means of exhibition activities, literary and textual research, and theatrical interpretations using separate examples. The author used the retrospection method, which allows one to track the evolution of a phenomenon from its observed form through various stages of formation in a chronologically opposite direction. The research materials were the works of literary critics and theater experts, publications in the regional Soviet press of the second half of the 20th century, as well as the author's descriptions of the library exhibition and its exhibits. The starting point of the study was the exhibition of rare publications from the fund of the Krasnodar Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, which was organized on the occasion of Griboedov's 225th anniversary. Rare copies of books dedicated to Griboedov, in their entirety, help to understand the problem of the authenticity of the text of the play, which was not immediately brought to the canonical form and existed in different editions. Further, the author of the article turns to theatrical interpretations of Griboedov's comedy in the first half of the 20th century when, in parallel, philologists established its final text. Despite the different skill levels of the capital and peripheral troupes, they understood Griboedov's creative plan in the same ideological and aesthetic spirit. In the second half of the 1930s, the play was extremely popular; its stage production took place in at least seventeen provincial theaters of the RSFSR and Ukraine. Provincial performances blended the semantic and stylistic trends set by the leaders of the theatrical process. The conclusion is made about the close connections of philological science and theatrical practice in the interpretation of the play. The author first introduced into scientific discourse and analyzed the material on the production of the play on the stage of the Krasnodar Drama Theater named after M. Gorky in 1937. The author emphasizes that the images of the main characters were depicted in the spirit of obvious political visibility and class opposition. The provincial theater sought to adapt the traditions and method of Russian critical realism of the 19th century to the situation of the 1930s.

Keywords: Alexander Griboedov, comedy *Woe from Wit*, stage performance history, textology, book exhibition, rare editions, Russian theater, Krasnodar Drama Theater.

Использованная литература:

1. Александр Грибоедов. Неизвестные страницы великой судьбы. 225-летию со дня рождения великого поэта посвящается... / авт.-сост. С. Н. Дмитриев, А. А. Филиппова. М.: Вече, 2019.
2. Краснодарский драматический театр имени М. Горького: А. С. Грибоедов «Горе от ума»: [Буклет постановки] Краснодар: Типография им. Лиманского. Б. д. [1937].
3. Кузякина Н. Театр на Соловках и в Медвежьей Горе // Вопросы театра: сб. ст. и публ. М.: Всесоюзное театральное об-во, 1990. С. 274.
4. Лебедев А. А. Грибоедов: факты и гипотезы. М.: Искусство, 1980.
5. Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. С. 331.
6. Фомичев С. А. Грибоедов: Энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 124.
7. Юрьев З. Горе от ума // Красное знамя. 1937. 28 мая. С. 4.

References:

1. Dmitriev, S.N. & Filippova, A.A. (2019) *Aleksandr Griboedov. Neizvestnye stranitsy velikoy sud'by. 225-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo poeta posvyashchaetsya...* [Alexander Griboedov. Unknown Pages of Great Destiny. Dedicated to the 225th Anniversary of the Great Poet . . .]. Moscow: Veche.
2. Krasnodar Drama Theater named after M. Gorky. (с. 1937) *A.S. Griboedov "Gore ot uma": [Buklet postanovki]* [A.S. Griboedov "Woe from Wit": [Play Booklet]]. Krasnodar: Tipografiya im. Limanskogo.
3. Kuzyakina, N. (1990) *Teatr na Solovkakh i v Medvezh'ey Gore* [Theater on Solovki and in Bear Mountain]. In: Rudnitskiy, K.L. (ed.) *Voprosy teatra* [Issues of Theater]. Moscow: Vsesoyuznoe teatral'noe ob-vo. p. 274.
4. Lebedev, A.A. (1980) *Griboedov: fakty i gipotezy* [Griboedov: Facts and Hypotheses]. Moscow: Iskusstvo.
5. Piksanov, N.K. (1971) *Tvorcheskaya istoriya "Gorya ot uma"* [The Creative History of "Woe from Wit"]. Moscow: Nauka.
6. Fomichev, S.A. (2007) *Griboedov: Entsiklopediya* [Griboedov: An Encyclopedia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Yur'ev, Z. (1937) *Gore ot uma* [Woe from Wit]. *Krasnoe znamya*. 28 May. p. 4.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Колесникова, С. А. Александр Грибоедов: вечный диспут о человеческом достоинстве / С. А. Колесникова // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 162–169. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.014

Full bibliographic reference to the article:

Kolesnikova, S. A. (2020) Alexander Griboedov: The Eternal Debate on Human Dignity. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 162–169. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.014

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 1 (21)
2020

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины Юбера Робера (Hubert Robert) «Квадратный дом в Ниме с амфитеатром и башней Мань». Холст, масло. 1786-1787 гг.

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура текстов статей:

О. О. Карслидис

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

О. О. Карслидис, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 30. 03. 2020

Размещен в сети Интернет: 31. 03. 2020

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 19.880

Уч.-изд. л.: 15.051

Размер файла: 16.975 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»